

СТИВЕН А ЭРИКСОН

ПЯТЬ ЛЬДА

МАЛЯЗАНСКАЯ КНИГА ПАВШИХ • КНИГА 3

18+

Малазанская империя

Стивен Эриксон

Память льда

«Азбука-Аттикус»

2001

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Кан)-445

Эриксон С.

Память льда / С. Эриксон — «Азбука-Аттикус»,
2001 — (Малазанская империя)

ISBN 978-5-389-23665-3

Новая беда пришла на земли Малазанской империи. Ей угрожает Паннионский Домин, недавно образовавшаяся империя религиозных фанатиков, которую возглавляет загадочный Паннионский Провидец. Этот настоящий тиран намерен обратить в «истинную» веру весь мир. Воины, ему подчиняющиеся, отличаются особой жестокостью, не знают жалости и даже не брезгают людоедством. Города один за другим гибнут под их яростным натиском. Императрица Ласин, чтобы противостоять захватчикам, вынуждена вступить в союз с давними врагами империи – Каладаном Брудом, командующим освободительной армией Генабакиса, и Аномандером Рейком, владыкой Семени Луны, неприступной каменной крепости, парящей в малазанском небе. В это время богиня Огнь, Госпожа Земли, медленно умирает во сне, злобный Увечный Бог кровь ее напитал ядом. Если она умрет, все живое погибнет. Способен ли хоть кто-нибудь остановить всеобщую гибель? Есть ли надежда на то, что в мире настанет мир?.. Вопросы, вопросы, вопросы. И ни одного ответа.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Кан)-445

ISBN 978-5-389-23665-3

© Эриксон С., 2001
© Азбука-Аттикус, 2001

Содержание

Благодарности	7
Действующие лица	10
Пролог	14
I	15
II	22
Книга первая. Искра и пепел	27
Глава первая	28
Глава вторая	46
Глава третья	65
Глава четвертая	87
Глава пятая	112
Глава шестая	155
Книга вторая. Очаг	177
Глава седьмая	178
Конец ознакомительного фрагмента.	184

Стивен Эриксон

Память льда

© И. Б. Иванов, перевод, 2023

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2023

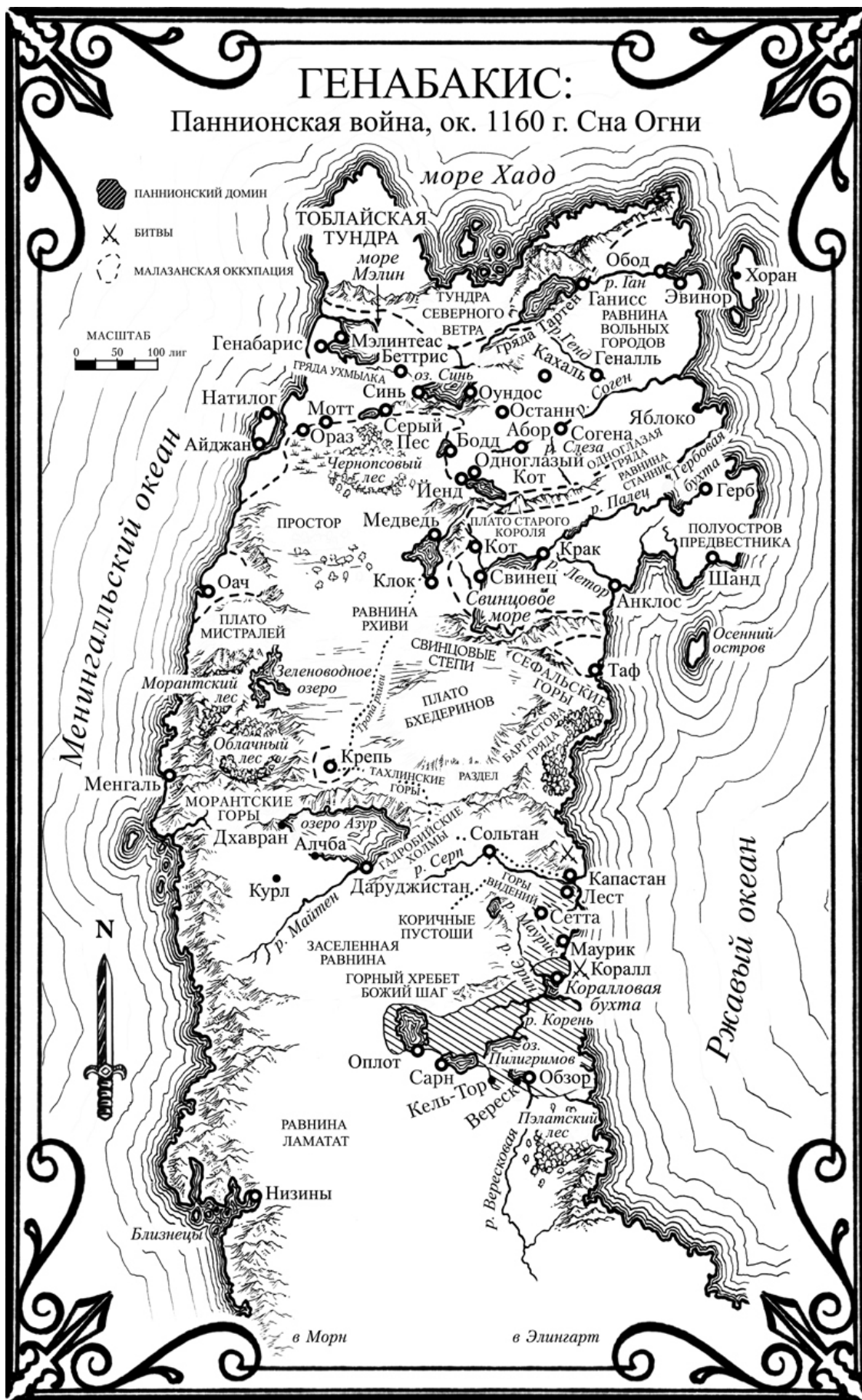
Издательство Азбука®

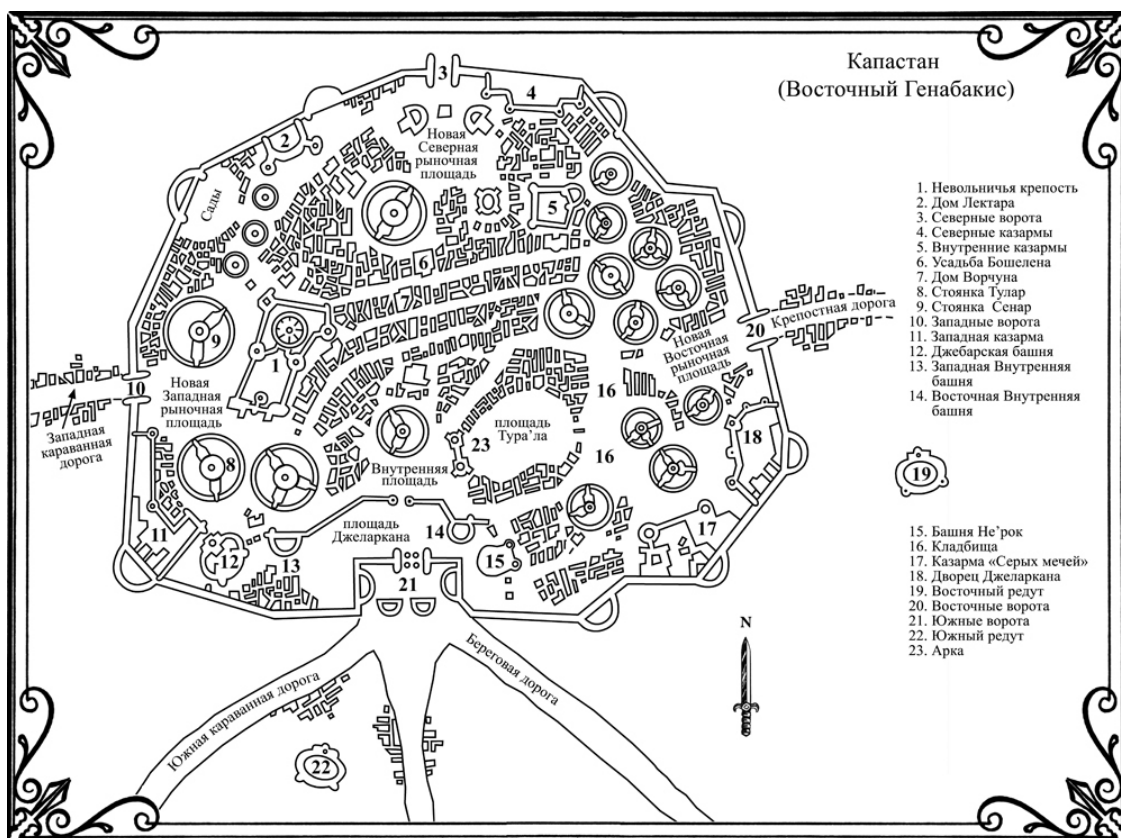
* * *

Посвящается Р. С. Лундину

Благодарности

Прежде всего хочу поблагодарить за дружеское участие и неизменную поддержку: Клер, Боуэна, Марка, Дэвида, Криса, Рика, Кэм и Кортни; Сьюзан и Питера, Дэвида Томаса-старшего и Дэвида Томаса-младшего; Херриэт и Криса, Лили, Мину и Смаджа; Патрика Уолша, Саймона и Джейн. Кроме того, выражаю искреннюю признательность Дэйву Холдену и его дружелюбному персоналу (Трише, Синди, Лизе, Танис, Барбаре, Джоанне, Наде, Аманде, Тони, Энди и Джоди) из «Pizza Place» за уютный столик и неиссякаемый поток кофе. И отдельное спасибо Джону Мини, который сообщил мне малоприятные подробности о мертвом семени.

Действующие лица

ТОРГОВЫЙ КАРАВАН

Ворчун – командир стражников каравана
Менакис (по прозвищу Каменная) – стражница каравана
Харло – стражник каравана
Бьюк – стражник каравана
Бошелен – загадочный путешественник
Корбал Брош – его молчаливый спутник
Эмансипор Риз – их слуга
Керулий – торговец
Крапчатый – маг

В КАПАСТАНЕ

Джселаркан – принц; правитель Капастана
Ард – принц; правитель Коралла в изгнании

«Серые мечи»

Брухалиан – смертный меч Тайного ордена Фэнера
Итковиан – несокрушимый щит Тайного ордена Фэнера
Карнадас – дестриант Тайного ордена Фэнера
Вельбара – новобранка
Норула – старший сержант
Фаракалиан – рядовой
Накалиан – рядовой
Торун – рядовой
Сидлис – рядовая
Нильбанас – рядовой

Жрецы и жрицы из Совета масок

Рат'Фэнер
Рат'Престол Тени
Рат'Королева Грез
Рат'Худ
Рат'Дрек
Рат'Трейк
Рат'Огнь
Рат'Тогг
Рат'Фандерея
Рат'Дэссембрей
Рат'Опонны
Рат'Беру

ВОЙСКО ОДНОРУКОГО

Дуджек Однорукий – командир малазанской армии отступников

Скворец – его заместитель и ближайший помощник

Меченый – командир черных морантов

Артантос – знаменосец

Берак – связной

Хареб – капитан-аристократ

Сжигатели мостов

Ганос Паран – капитан, командир

Мураш – сержант, Седьмой взвод

Хватка – капрал, Седьмой взвод

Деторан – рядовая, Седьмой взвод

Штырь – маг и сапер, Седьмой взвод

Мутная – рядовая, Седьмой взвод

Молоток – целитель, Девятый взвод

Колотун – сапер, Девятый взвод

Ходок – рядовой, Девятый взвод

Быстрый Бен – маг, Девятый взвод

Недотепа – капрал

Брыкун – сержант

Карапуз – сапер

Соломка – целитель

Сапфир – маг

Черенок – маг

Пальчик – маг

ВОЙСКО БРУДА

Каладан Бруд (по прозвищу Воевода) – командующий освободительной армией Генабакиса

Аномандер Рейк – тисте анди, владыка Семени Луны

Каллор (по прозвищу Верховный Король) – правая рука Бруда (в древности – тиран)

Мхиби – женщина из племен рхиви, мать Серебряной Лисы

Серебряная Лиса – дочь Мхиби, рожденная для выполнения особой миссии

Корлат – тисте анди, одиночница

Орфантал – брат Корлат

Хурлокель – всадник из освободительной армии

Карга – прародительница великих воронов, спутница и прислужница Аномандера Рейка

БАРГАСТЫ

Хумбрал Таур – военный вождь клана Белолицых

Хетана – его старшая дочь

Кафал – его средний сын

Неток – его младший сын

ПРЕДСТАВИТЕЛИ ДАРУДЖИСТАНА

Колл – советник, официальный посланник города Даруджистан

Эстрайсиан Д'Арле – советник

Барук – алхимик

Крупп – горожанин

Мурильо – горожанин

Т'ЛАН ИМАССЫ

Крон – предводитель кланов Кроновых т'лан имассов

Канниг-Тол – вождь клана

Бек Окхан – заклинатель костей

Пран Чоль – заклинатель костей

Окрал Лом – заклинатель костей

Бендал Хом – заклинатель костей

Ай Эстос – заклинатель костей

Олар Этил – первая заклинательница костей и первая одиночница

Тлен (Онос Т'лэнн) – отверженный, воин, не имеющий клана (прежде первый меч)

Килава – его сестра, отступница, заклинательница костей

Ланасса Тог – из клана Керлумовых т'лан имассов

В ПАННИОНСКОМ ДОМИНЕ

Провидец – царь-жрец, верховный правитель Паннионского Домина

Ультента – септарх Коралла

Кульпат – септарх армии, осаждающей Капастан

Инал – септарх Леста

Анастер – командир тенескариев, первенец мертвого семени

Кальт – страж Домина (настоятель храма)

ПРОЧИЕ

К'рул – древний бог

Драконус – древний бог

Сестра Холодных Ночей – древняя богиня

Госпожа Зависть – обительница Морна

Гетоль – яггут, Вестник Худа

Трич – Первый Герой (Тигр Лета)

Ток-младший (он же Арал Фаиль) – малазанский разведчик

Гарат – любимый пес госпожи Зависти

Баалджаг – волчица

Мок – сегулах

Туруль – сегулах

Сену – сегулах

Скованный – неизвестный Взошедший (также именуемый Увечным Богом)

Старейшая ведьма магического Пути Тэннеса

Муцуг – даруджиец-ремесленник

Таламандас – плененный баргастский шаман, душа которого вселилась в человечка из прутиков и веревочек

Ормулоган – художник в войске Дуджека Однорукого

Гумбль – говорящая жаба, спутник и критик Ормулогана

Харада – колдунья, глава каравана Тригалльской торговой гильдии

Азра Джаль – солдат армии Дуджека Однорукого

«Моттские разгильдяи»

Фураж

Ячень

Пень

Упертый Конь (один из двадцати трех братьев Стволовиков)

Пролог

Древние войны между т'лан имассами и яггутами разрывали мир в клочья. Громадные армии бились между собой на истерзанных землях, оставляя несчетное количество трупов. Так возникали целые горы из костей и моря, наполненные кровью. Сражения сопровождались чудовищными магическими ударами. Казалось, еще немного, и от них запыхают небеса...

Киничик Карбар'н. История древних миров. Том 1

I

*Маэс'ки Им (Погром Гнилого Цветка)
времена 33-й Яггутской войны
(за 298 665 лет до начала Сна Огни)*

Ласточки пронзали тучи мошкеры, висевшие над заболоченными берегами умирающего моря. Небо оставалось серым, хотя и потеряло свой прежний ртутный блеск. Дыхание теплого ветра несло исцеление.

Когда-то здесь, на месте растаявших яггутских ледников, возникло внутреннее пресное море. Имассы называли его Ягра-Тиль. Теперь море это корчилося в предсмертных судорогах. К югу, на сколько видел глаз, тянулось пространство, состоявшее из луж и небольших озер глубиной по колено. Невзирая на обилие воды, отражающей выцветшее небо, суша все крепче завоевывала позиции и неотвратимо утверждалась.

Разрушение магических чар, чьей силой держались ледники, вернуло в эти края давно забытую смену времен года. И все же память о ледяных глыбах еще сохранялась. Скалистый грунт, простиравшийся к северу, был весь изборозжен и усеян валунами. Толстые слои ила – дно умирающего моря – пузырились газами, торопливо покидающими недра. Сход ледников закончился восемь лет назад, и земля, освобожденная от давнего гнета, медленно расправляла плечи.

За недолгую жизнь Ягра-Тиль на дне его успел скопиться толстый слой ила. И теперь, когда вода ушла, он превратился в опасную ловушку.

Пран Чоль, заклинатель костей из клана Канниг-Тола, относившегося к Кроновым имассам, сидел на низком валуне неподалеку от бывшей береговой полосы. Возле него торчали пучки жесткой травы вперемешку с иссушенными обломками дерева. Через дюжину шагов начинался плавный спуск, где трава уступала место глинистой жиже.

Ее добычей стали три ранага: крупный самец, самка и их детеныш. Они пытались выбраться, но не сумели. Ранагов ждала печальная участь: быть съеденными стаей айев – крупных полярных волков.

Однако новаявленная суша пленила и их, и охотники оказались в той же самой ловушке, что и добыча. Пран Чоль насчитал шесть волков, в том числе годовалого щенка. Судя по следам, в стае был еще один подросток, но тот, покружив возле опасной ямы, побрел на запад. Только вряд ли он ушел далеко.

Трудно сказать, как давно травоядные ранаги и хищные айи попали в этот глиняный капкан. Глина вокруг их тел успела затвердеть. Кое-где светло-зелеными пятнышками проглядывали взошедшие семена. Заклинателю костей эта картина напомнила многочисленные видения из его странствий духа, когда сотни и тысячи мелких подробностей сливаются в одно фантастическое полотно. Для этих зверей битва растянулась на целую вечность: хищники и их жертвы соединились навсегда.

Кто-то приблизился к Прану Чолю и опустился рядом с ним на корточки. Заклинатель костей не повернул головы, продолжая глядеть на мертвых ранагов и айев. Подошедшего он узнал по звуку шагов. Запах теплой крови подтвердил, что шаман не ошибся: то был Канниг-Тол, предводитель клана.

– Что лежит под этой глиной? Ты знаешь, заклинатель костей? – спросил Канниг-Тол.

– То, что ее создало, вождь, – отозвался Пран Чоль.

– А в мертвых зверях ты видишь какой-нибудь знак?

– А ты сам видишь его? – вопросом на вопрос ответил шаман.

Немного подумав, Канниг-Тол сказал:

– Ранаги покинули эти места. Следом за ними ушли и айи. Перед нами – следы древней битвы. В них есть глубокий смысл, который будоражит мне душу.

– Мне тоже, – признался заклинатель костей.

– Мы охотились на ранагов, пока не истребили их всех. Это вызвало голод среди айев. Волки ведь тоже на них охотились. Агкоры, сопровождающие стада бхедеринов, не желали делиться добычей с айями. И к чему все это привело? Равнины опустели. Мы оказались слишком беспечными и расточительными.

– Но нам ведь нужно было чем-то кормить своих детей.

– А про то, чем они накормят *своих* детей, мы подумали?

– Ты прав, вождь. Мы были беспечны.

Канниг-Тол усмехнулся:

– Ты знаешь, заклинатель костей, *чем* мы заплатили за власть над этой землей. Яггуты не хотели уходить отсюда. Немало нашей крови пролилось, пока мы их одолели.

– Но имассы не напрасно проливали кровь. Теперь эта земля отдаст нам свои богатства.

– А мы употребим их на продолжение войны.

– У нас нет другого выхода.

Канниг-Тол кивнул и умолк. Пран Чоль терпеливо ждал. Все, что он услышал и сказал в ответ, было лишь преддверием к разговору. Шаман знал правила игры и потому сам ни о чем не расспрашивал вождя клана. Молчание Канниг-Тола было недолгим.

– Знаешь, мы похожи на этих зверей, – сказал он.

Пран Чоль повернул голову и прищурился, разглядывая южную оконечность горизонта.

– Мы – как эта глина, а наши бесконечные войны с яггутами напоминают метания ранагов и айев, увязших в трясине. Поверхность создается тем, что лежит внизу. – Канниг-Тол махнул рукой. – Взгляни на мертвых зверей. Они превращаются в камень, и в этом я вижу проклятие вечности.

Пран Чоль выжидающе молчал, чувствуя, что его собеседник сказал еще не все.

– Заметь, – продолжил тот, – и ранаги, и айи почти исчезли из мира смертных. Понимаешь? Исчезли и хищники, и жертвы.

– Скоро от них останутся только кости, – прошептал шаман.

– Жаль, что ты не усмотрел в этом знак, – пробормотал в ответ Канниг-Тол и встал.

Пран Чоль тоже поднялся.

– Да, жаль, – согласился он, но его сожаление почти утонуло в язвительной усмешке Канниг-Тола.

– Мы близки к цели? – спросил у него вождь клана.

Пран Чоль глядел на свою тень, повторявшую очертания его рогатого шлема, мехового плаща и изношенных кожаных одежд. Косые лучи солнца делали его почти таким же рослым, как яггуты.

– Завтра, – сказал заклинатель костей. – Они теряют силы. Ночь пути истощит их еще больше.

– Ладно. Тогда здесь и заночуем.

Канниг-Тол направился туда, где его ждал клан. С наступлением темноты дух Прана Чоля покидал тело и странствовал, дабы узнать очередные замыслы врагов. У яггутов тоже были маги, и шаман старался ничем не выдавать своего присутствия. Противник слабел, но и клан Канниг-Тола находился в наилучшем состоянии. Взрослых имассов можно было пересчитать по пальцам. Заклинатель костей знал: яггуты способны преподнести любой сюрприз, а потому, когда имеешь с ними дело, особой разницы между охотником и жертвой нет.

Он поднял голову, приносясь к сумеречному воздуху. Где-то неподалеку бродил другой заклинатель костей. Пран Чоль чуял незнакомца. Кто же он такой и почему странствует

один, без родни и клана? Почему не ищет соплеменников? А еще Пран Чоль знал, что и чужак тоже почувствовал его присутствие.

Выбравшись из вязкой глинистой жижи, женщина рухнула на песчаную полосу. Ее дыхание было тяжелым и шумным. Сын и дочь, высвободившись из ее онемевших рук, поползли дальше, исследуя песчаный островок.

Голова яггутки, матери этих детей, опускалась все ниже, пока лоб ее не уперся в песок, прохладный и влажный. Крупные песчинки больно царапали кожу. Ожоги на теле яггутки еще не успели зажить, да теперь уже и вряд ли успеют. Охота за нею подходила к концу. Смерть не заставит себя ждать, явившись вместе с преследователями.

Надо отдать должное этим имассам – они не издевались над своими жертвами. Быстрый смертельный удар, и все будет кончено. Сначала убьют ее, а потом и детей. Вместе с остатками некогда большой семьи с лица континента исчезнут последние яггуты. Милосердие? Да. Оно многолико. Если бы не кратковременный союз яггутов и имассов, которых объединило пленение Рейста, и те и другие стояли бы сейчас на коленях перед этим тираном. Недолгое перемирие, когда здравый смысл оказался сильнее давнишней вражды. А потом... потом, как яггутка и предчувствовала, погоня за нею и детьми возобновилась.

Она не ощущала ни горечи, ни злобы к своим преследователям. Только отчаяние.

Чье-то присутствие на этом островке заставило яггутку поднять усталую голову. Мать увидела своих детей, в ужасе застывших перед имасской женщиной. Серые глаза яггутки сощурились от удивления.

– Ловко придумано, заклинательница костей. Я-то все время ждала опасности сзади. Что ж, делай то, ради чего пришла.

Молодая черноволосая имасска улыбнулась:

– Ты даже не пытаешься спасти детей? Обычно яггуты идут на все, только бы их уберечь. Или ты уже порвала с ними все родственные узы? Рановато. Они еще слишком малы.

– Любые попытки бессмысленны. Твои соплеменники не выполняют условий, на которые соглашаются.

– Верно. И все равно яггуты стремятся спасти свое потомство.

– А я не стану. Убей нас, только побыстрее.

Одежда имасской шаманки была сшита из шкуры пантеры. Ее глаза, столь же черные, как и шкура, отражали свет уходящего дня. Чувствовалось, что эта женщина не голодает и, судя по ее большим, набухшим грудям, недавно родила.

Круглое лицо заклинательницы костей оставалось непроницаемым для усталой яггутки, но на нем не было привычной язвительной усмешки.

– Мои руки пролили немало яггутской крови, – сказала имасска. – Пусть твою участь решит клан Кроновых имассов, завтра они будут здесь.

– Мне все равно, – огрызнулась яггутка. – Ты или они – нас все равно убьют.

Пухлые губы шаманки дрогнули.

– Я тебя понимаю.

Преодолевая измождение, яггутка кое-как села.

– Что тебе от меня нужно? – хрипло спросила она, глотая ртом воздух.

– Хочу кое-что тебе предложить.

У яггутки перехватило дыхание. Она заглянула в темные глаза имасски, однако не увидела в них и следа издевки. Мельком бросив взгляд на детей, мать вновь посмотрела на незнакомку.

Заклинательница костей медленно кивнула.

Когда-то эту землю прорезала широкая река раскаленной лавы, несущейся к далекому морю. Теперь осталось лишь большое черное русло, полное камней и пепла. Растительности окрест почти не было, если не считать чахлах кустиков. Заклинательница костей шла, неся

под мышками спящих яггутских детей. Ее ноги поднимали облачка горячей пыли, надолго остающейся висеть в воздухе.

Мальчишке было не больше пяти, его сестренке – на год меньше. Оба так и не поняли, почему вдруг мама крепко обняла их и отвернулась. Долгий путь по равнинам и бегство через умирающее море Ягра-Тиль повергли детей в ужас. Странно, что они еще могли чего-то бояться после того, как прямо на их глазах убили отца.

Грязные ручонки крепко цеплялись за шаманку. Совсем как ее собственный ребенок, которого она недавно потеряла. Чувствуя запах молока, дети почти сразу же потянулись к ее грудям и стали жадно сосать. Насытившись, оба уснули.

Чем ближе к берегу, тем тоньше становился слой застывшей лавы. Справа появились холмы – предвестники далеких гор. Равнина, по которой шла имасская шаманка, тянулась на половину лиги и оканчивалась возле горной гряды. По другую сторону начинался спуск к морю. Среди равнины, на одинаковом расстоянии друг от друга, поднимались курганы. Имасска остановилась, разглядывая их узор: концентрические круги, расходящиеся застывшими волнами от главного кургана. Он был выше остальных. Вершины всех курганов покрывал толстый слой пепла. У подножия первой цепи холмов виднелись развалины каменной башни, напоминавшей громадный гнилой зуб. Заклинательница костей странствовала по этим местам не впервые. Еще в прошлый раз ее удивило то, что холмы были подозрительно одинаковыми, правильной формы. Природа на такое не способна.

Женщина подняла голову, пригнувшись к смешению запахов. Один был древним и мертвым, а другой... достаточно живым. Юный яггут вздрогнул, но не проснулся.

– Значит, и ты тоже почувствовал, – тихо произнесла шаманка.

Огибая равнину, она направилась к почерневшей башне, унося с собой двух чужих сонных детей.

Портал магического Пути находился позади развалин. Он висел в воздухе на высоте, вшестеро превосходящей рост залинательницы костей. Этакая красная полоса, словно бы рана на теле, которая так и не зажила, хотя перестала кровоточить. Шаманке было трудно распознать, какой именно из Путей находился перед нею, – древний рубец скрывал его характерные признаки.

В душе женщины шевельнулись сомнения. Она опустила спящих детей на землю, затем уселась на опрокинутую каменную глыбу. Яггутские ребяташки спали, и пепел служил им постелью.

– Разве у меня есть выбор? – шептала залинательница костей, размышляя вслух. – Я не могла ошибиться: это Омтоз Феллак. На Телланн совсем не похоже. Старвальд Демелейн? Нет, вряд ли.

Ее глаза скользили по кольцам курганов.

– Кто же здесь жил? Наверняка яггуты. Только они имели обыкновение строить из камня.

Имасская шаманка долго сидела молча, потом снова повернула голову к развалинам башни.

– А вот и окончательное подтверждение. Кроме яггутов, такие башни не возводил никто. Значит, портал ведет в Омтоз Феллак. Ну кто в здравом уме станет что-то строить рядом с чужим магическим Путем?

Однако тревога в душе шаманки не исчезала. Взрослые яггуты, увидев этих детей, могли с одинаковой легкостью как принять их в свой клан, так и убить, посчитав чужаками.

– Тогда в вашей смерти будут повинны ваши же соплеменники.

Слабое утешение. Ей вспомнились слова яггутки: «Ты или они – нас все равно убьют».

– У меня нет выбора.

Заклинательница костей решила, что даст детям поспать еще немного. А потом... потом подхватит на руки каждого из них и по очереди зашвырнет ребяташек в портал. Мальчишке

она скажет: «Береги сестру». Им обоим: «Не бойтесь, мама ждет вас на другом конце». Ложь, конечно, но эти слова подбодряют малышей. «Если она вас не найдет, не волнуйтесь. Вас возьмут к себе другие яггуты. Отправляйтесь туда, где вам ничего не будет угрожать.

Уж лучше это путешествие, чем смерть».

Завидев их, женщина встала. Пран Чоль понюхал воздух и нахмурился. Яггутка даже не пыталась выставить магическую защиту. А куда же делись ее дети? Это еще больше насторожило и раздосадовало шамана.

– Заметь, с каким спокойствием она нас ждет, – пробормотал Канниг-Тол.

– Вижу.

– Тут что-то не так. Нужно убить ее как можно скорее.

– Похоже, она желает говорить с нами, – сказал Пран Чоль.

– Это опасно. Знаю я уловки этих яггутов.

– Ты прав, вождь клана... Но куда исчезли ее дети?

– Неужели ты не чуешь их?

Пран Чоль удрученно покачал головой.

– Пусть твои копейщики приготовятся, – произнес он, шагнув вперед.

Спокойствие, с каким яггутка ожидала неминуемой смерти, поразило имасса. Пран Чоль пересек неглубокую ложбинку, заполненную водой, и выбрался на песчаный остров. Серые глаза женщины продолжали спокойно наблюдать за ним.

– Куда ты спрятала своих детей? – сердито спросил Пран Чоль.

Мать улыбнулась, обнажив клыки:

– Они ушли.

– Куда?

– Туда, где тебе их не достать.

В душе заклинателя костей зашевелилась злоба.

– Не забывай, эти земли принадлежат нам. Здесь не сыщется ни одного места, куда бы не дотянулись наши руки. Наверное, ты сама убила детей?

Яггутка подняла голову и внимательно поглядела на него:

– Раньше я верила, что все имассы одинаково нас ненавидят. Я считала, что милосердие и сострадание вам неведомы.

Шаман долго смотрел на нее. Затем его взгляд переместился дальше, туда, где на мягкой глине виднелась цепочка следов.

– Вижу, здесь была имасская женщина. Заклинательница костей, – сказал он яггутке.

«Это ее я не смог опознать, когда совершал странствие духа. Она затаилась».

– Зачем эта женщина сюда приходила? – продолжил он допрашивать яггутку.

– Она путешествовала по этим землям и нашла древний портал. Вход в Омтоз Феллак.

– Как хорошо, что я не женщина и не мать, – сказал Пран Чоль, мысленно добавив: «А ты, яггутка, радуйся, что я не жесток».

Он взмахнул рукой. Из-за его спины полетели тяжелые копья. Шесть длинных бороздчатых кремневых наконечников пробили кожаную одежду яггутки и вонзились ей в грудь. Женщина зашаталась и стала оседать на землю. Древки копий громко колотили по песку.

Так закончилась Тридцать третья Яггутская война.

Пран Чоль резко повернулся к предводителю клана:

– Нам некогда возиться с погребальным костром. Нужно отправляться на юг. Немедленно.

Имасские воины сгрудились над мертвой яггуткой, чтобы забрать свои копья. Вождь клана подошел к шаману:

– Что тебя тревожит?

– Эта отступница забрала ее детей.

– Думаешь, она ушла на юг?

– Да. В сторону Морна.

Брови Канниг-Тола сомкнулись.

– Отступница решила спасти детей этой яггутки. Она считает, что тамошний Разрыв ведет в Омтоз Феллак.

На глазах у Прана Чоля лицо вождя стало совсем белым.

– Отправляйся в Морн, шаман, – велел ему Канниг-Тол. – Мы не жестоки. Отправляйся туда прямо сейчас, ни минуты не мешкая.

Пран Чоль молча поклонился. Еще через мгновение он исчез в недрах Телланна – магического Пути имассов.

Всего капля ее магической силы – и яггутские дети полетели вверх, в жерло портала. Девочка успела крикнуть, позвать маму, которая якобы ждала ее там. Потом две маленькие фигурки исчезли за завесой.

Заклинательница костей вздохнула, продолжая глядеть вверх. Все ли прошло гладко? Похоже, что да. Прежние раны не открылись. Портал не исторг потоки необузданной магической силы. Она пыталась найти хоть какие-то перемены, не зная, что, собственно говоря, ищет. Это была чужая земля, совсем не похожая на ее родные места. А каким изумительным чутьем она обладала там, в самом сердце Первой империи, на землях, которыми владел ее клан Тарад.

Неожиданно рядом открылся портал магического Пути Телланна. Женщина порывисто обернулась и поспешила принять облик одиночницы. В нескольких шагах от нее появился полярный лис. Заметив ее, он вновь обратился в человека. Шаманка увидела молодого имасса, на плечи которого была накинута шкура священного животного его клана, а голову украшал шлем с рогами. Лицо незнакомца выражало явный страх; он глядел не столько на женщину, сколько на чужой портал за ее спиной.

Заклинательница костей улыбнулась:

– Приветствую тебя, собрат по ремеслу. Как ты уже понял, я забросила детей в портал. Теперь они недостижимы для твоей мести, и это меня радует.

– Кто ты такая? – спросил Пран Чоль, устремив на нее свои золотистые глаза. – Из какого клана будешь?

– Я покинула свой клан, а когда-то жила среди Логросовых имассов. Зовут меня Килава.

– Напрасно вчера ты скрывалась от меня, – сказал Пран Чоль. – Я бы сумел убедить тебя, Килава, что быстрая смерть для яггутских детей – большее благо, чем странствие через Омтоз Феллак.

– Не забывай, они еще совсем малы. Кто-нибудь из яггутов непременно возьмет их к себе.

– Место, где мы с тобой находимся, называется Морн, – холодным и суровым голосом перебил ее Пран Чоль. – Это развалины древнего города.

– Знаю. Здесь был яггутский город.

– Да ничего подобного! Яггуты построили только башню, но к тому времени самого города уже не было. Его разрушили. Потом Т'ол Ара'д – извержение вулкана – погребло тех, кто давно был мертв. В промежутке между этими событиями яггуты и возвели свою башню.

Пран Чоль протянул руку, указывая на портал:

– Известно ли тебе, что рана, нанесенная порталу, уничтожила древний город? Вдумайся в мои слова, Килава. Ты ошиблась: этот портал ведет совсем не в Омтоз Феллак! Скажи, каким образом затягиваются подобные раны? Ты знаешь ответ, заклинательница костей?

Шаманка пристально всматривалась в красную полосу портала.

– Если рана, нанесенная порталом, запечатана чьей-то душой, то душа эта должна освободиться, как только дети окажутся внутри.

– Освободиться, – прошипел Пран Чоль. – Но это произойдет не просто так, а свершится обмен!

– Где же тогда тот, кто обрел свободу? – спросила, дрожа всем телом, Килава. – Почему он не появился?

Пран Чоль отвернулся от нее, впившись глазами в центральный курган.

– Ошибаешься. Он появился. А теперь скажи, ты готова своей жизнью расплатиться за этих яггутских детей? Ты обрекла их на вечные мучения, на нескончаемый кошмар боли. Хватит ли твоего... сострадания, чтобы выволить их оттуда, пожертвовав собой?

Взглянув на Килаву, шаман сокрушенно вздохнул:

– Сомневаюсь. Так что вытри слезы, Килава. Лицемерие не красит таких, как мы.

Женщина не сразу нашла в себе силы заговорить.

– Так кого же освободил портал? – наконец осведомилась она.

Пран Чоль продолжал разглядывать главный курган.

– Пока не знаю, но рано или поздно нам придется иметь дело с этим пленником. К счастью, времени у нас достаточно. Этому существу еще предстоит освободиться из гробницы, а там весьма прочное магическое ограждение. Да и толстые каменные слои застывшей лавы окружают гробницу. Главное, у нас есть время.

– Я не понимаю смысл твоих слов, – призналась Килава.

– Верховные заклинатели костей призвали нас на Слияние. Нас ждет священный Ритуал Телланна.

Килава досадливо плюнула:

– Вы все обезумели. Только сумасшедшие избирают бессмертие во имя войны. Я не собираюсь откликаться на призыв старейших.

Пран Чоль кивнул:

– И тем не менее Ритуал свершится. Во время странствий духа я проник в будущее. И знаешь, Килава, что я там увидел? Свое иссохшее, морщинистое лицо. Таким я стану через двести с лишним тысяч лет. Мы обречены на вечную войну.

– Моему брату очень понравится эта новость.

– А кто твой брат?

– Онос Т'лэнн, первый меч.

От ее слов Пран Чоль едва не подскочил на месте:

– Так ты – отступница? Ты истребила свой клан, своих родных...

– Да, чтобы разорвать все узы и обрести свободу. Увы, способности моего старшего брата значительно превосходят мои собственные. И теперь мы оба свободны, хотя Онос Т'лэнн проклинает то, перед чем я преклоняюсь.

Килава обхватила себя руками. Все ее лицо было исполнено боли и страданий. *Такая свобода не вызывала зависти.*

– Кто строил этот город? – спросила Килава.

– К'чейн че'малли.

– Я слышала это имя, но оно мне ничего не говорит.

Пран Чоль кивнул:

– Надеюсь, мы еще узнаем о них.

II

*Континенты Корелри и Якуруку; времена Умирания
(за 119 736 лет до начала Сна Огни и 3 года спустя
после Падения Увечного Бога)*

Падение Увечного Бога принесло с собой неисчислимые беды. Леса сгорали дотла; огонь бушевал повсюду, и даже облака, нависшие над землей, были зловещего красного цвета. Пожарам не было конца. Проходили недели и месяцы, но буйство пламени не уменьшалось. Горело все, что имело способность гореть. Дым и треск пожарищ сопровождали крики бога.

Боль сменилась яростью, а та отравила все вокруг, не пощадив никого.

Те, кому удалось выжить, одичавшими кучками бродили по землям, испещренным глубокими ямами. Ямы были полны мертвой воды. Над головой висело такое же мертвое небо. Родственные связи давным-давно порвались, а любовь превратилась в обременительную ношу. Уцелевшие в этом аду ели все, что попадалось: зачастую – друг друга. Их глаза хищно глядели на истерзанный мир.

И был некто, ходивший в одиночестве. Одетый в смрадные лохмотья, он не отличался ни ростом, ни красотой. Лицо его было мрачным, а взгляд – тяжелым и застывшим. Он словно бы вбирал в себя чужие страдания, забывая, насколько тяжел их груз, забывая, какими дарами наделен его дух.

Он покрывал шагами истерзанную землю (впоследствии ее станут называть континентом Корелри). За ним наблюдало множество глаз. Голод понуждал наблюдавших приблизиться, однако безрассудных среди них не было. Уцелевшие держались на расстоянии, и страх притуплял их любопытство, ибо ходивший в одиночестве был древним богом, объявившимся среди смертных. К'рул – так его звали.

Помимо страданий, К'рул с готовностью вобрал бы в себя изломанные души, но его пищей служила кровь, обильно пролитая на этой земле. Его сила рождалась от крови, а он нуждался в силе.

К'рул шел, и за его спиной уцелевшие убивали друг друга, не щадя даже детей.

Он был одним из древних богов, а они, как известно, не отличались милосердием.

И пал с небес другой бог, чужой. Падение разорвало его на множество огненных кусков. Боль его обернулась огнем, а крики – громом. Половина мира слышала его голос, исполненный боли и ярости. И вдобавок – горя. К'рул знал об этом. Пройдет еще немало времени, прежде чем чужой бог начнет собирать обломки своей жизни. Тогда станет обозначаться и его природа. Но К'рул уже сейчас страшился того дня. Истерзанная земля испытает новое потрясение и познает новое безумие.

Призвавшие чужого бога были мертвы, уничтоженные им же самим. Какой смысл ненавидеть покойников и придумывать им наказания? Этими людьми двигало отчаяние. Пребывая в здешнем хаосе, они открыли дверь в далекий и неведомый мир, дабы заманить одного любопытного бога в приготовленную ему западню. Призвавшие жаждали силы. О, им требовалось много силы, чтобы уничтожить одного-единственного человека.

А древний бог шел по разрушенной земле и глядел на куски плоти чужого бога. Гниющее мясо и сломанные кости кишели отвратительными крылатыми личинками, каких прежде не знала эта земля. К'рул видел, во что они превращаются. Даже теперь, когда он достиг изломанной береговой линии Якуруку – соседнего с Корелри континента, – личинки продолжали кружить над его головой. У них были черные крылья, блестящие и широкие. Голодным личинкам не терпелось вкушать силы, которую они чуяли внутри К'рула.

Однако для могущественного бога эти пожиратели падали не представляли опасности, а К'рул как раз и был таким. В его честь возводили храмы. Там веками совершались ритуалы

поклонения ему, и кровь обильно окропляла алтари. На другом конце света зарождались новая раса и ее Первая империя. Появлялись города, полные дыма костров и пламени кузниц. Новая раса, именуемая расой людей, вела свое происхождение от т'лан имассов.

Но те люди недолго оставались единственными обитателями изменившегося мира. Здесь, на Якуруку, среди развалин, оставленных давно исчезнувшими к'чейн че'маллями, возникла другая империя. Ее правителем был воин, не знавший себе равных: жестокий, деспотичный, уничтожающий души. А звали его Каллор.

К'рул явился на Якуруку, дабы уничтожить Каллора и разбить цепи двенадцати миллионов рабов. Этот смертный столь жестоко обращался со своими подданными, что в сравнении с ним свирепые яггутские тираны выглядели добросердечными и снисходительными.

Вместе с К'рулом в пределы империи Каллора должны были прийти еще двое древних богов. Все трое, будучи последними из древних, решили положить конец деспотизму этого, как он себя именовал, Верховного Короля. Спутники К'рула находились уже неподалеку. Когда-то все они держались вместе, но потом их пути разошлись. И вот жестокая необходимость опять соединила всех троих. Впервые за многие тысячелетия.

Помимо своих спутников, К'рул ощущал присутствие древнего дикого зверя, идущего за ним по следам. Хищника этого породило зимнее дыхание северных краев. Его белый мех был весь в крови: падение чужого бога смертельно ранило зверя. Уцелевший глаз глядел на истерзанную землю, служившую ему домом задолго до появления империи. Он не отваживался приблизиться к К'рулу.

«Будет издали наблюдать за происходящим, – подумал тот. – Что ж, пусть наблюдает».

Древний бог ничем не мог помочь этому зверю, но К'рулу была понятна его боль.

Хотя империя Каллора занимала весь континент, однако древний бог не увидел там ни единой души. Его окружала безжизненная равнина. Воздух был серым от пыли и пепла, небо отливало свинцом. Впервые за все это время у К'рула стало холодно и тревожно на душе.

Древний бог только сейчас заметил, что крылатые личинки успели превратиться в больших хищных птиц. Они кружили над ним, оглашая воздух отвратительными криками.

«Брат, я на северном берегу», – послышался в мозгу К'рула знакомый голос.

«А я на западном».

«Ты чем-то встревожен?»

«Да. Вокруг меня все мертво».

«И здесь тоже. Сожжено дотла. Пепел еще не остыл... Повсюду только пепел и... кости».

В их разговор вклинился третий голос:

«Братья, я иду с юга, где прежде стояли города. Они разрушены. Отголоски предсмертных криков до сих пор звучат по всему континенту. Может, нас обманывают? Наверное, это все – лишь иллюзия?»

К'рул обратился к тому, кто первым заговорил с ним:

«Драконус, я тоже слышу эти предсмертные крики. Сколько боли... они еще ужаснее, чем страдания Павшего бога. Наша сестра ошибается: никакая это не иллюзия, а жестокая действительность».

«Поскольку все мы ступили на эту землю, то чувствуем то же, что и ты, К'рул, – ответил ему Драконус. – Мне тоже трудно поверить в истинность увиденного. Сестра, ты уже близка к чертогам Верховного Короля?»

«Да, братья. Я призываю вас к себе, чтобы мы сообща предстали перед этим смертным. Отправляйтесь сюда».

Братья открыли порталы своих магических Путей.

Вскоре оба древних бога уже стояли рядом с сестрой на каменистом, обдуваемом ветрами холме. Воздух застилала клубы пепла. На гряде обгорелых костей возвышался трон, который занимал самодовольно улыбающийся человек.

– Как видите, я подготовился к встрече с вами, – сказал он. – Я знал, что вы придете: ты, Драконус из рода Тиамы. И ты, К’рул, которого зовут Созидателем Троп. – Серые глаза Каллора остановились на женщине. – И тебя я тоже ждал. Ты сменила прежний облик. Ходишь среди смертных в обличье заурядной колдуньи. Это же крайне рискованно. Но, должно быть, тебе нравится играть в смертельно опасные игры. Ты не раз стояла на поле битвы и должна знать: одна шальная стрела...

Каллор не договорил, медленно покачав головой.

– Твое правление всегда строилось на страхе и крови. Мы пришли, дабы положить ему конец, – произнес К’рул.

Верховный Король удивленно вскинул брови:

– Вы намеревались отнять у меня все, чего я достиг тяжелым трудом? Пятьдесят лет... да, мои дорогие противники... пятьдесят лет я потратил на завоевание этого континента. Я покорил всех. Ну, может, Ардата еще сопротивляется. Она всегда запаздывала с уплатой мне дани. Впрочем, такая мелочь меня уже не занимает. Вы знаете, что она бросила меня? Жалкая сука. Думаете, вы первые, кто решил мне противостоять? Круг магов призвал чужеземного бога. Увы, их усилия, скажем так, провалились, что избавило меня от необходимости убивать этих глупцов собственными руками. А этот Павший бог... он еще не скоро оправится. Но и тогда... неужели вы всерьез думаете, что он станет кому-нибудь подчиняться? Я бы на его месте...

– Замолчи, Каллор! – рявкнул Драконус. – Я устал слушать твою болтовню.

– Как тебе будет угодно, – ответил Верховный Король, наклоняясь вперед. – Вы явились, дабы освободить моих рабов от тирании? Моей тирании. Вынужден вас разочаровать. Я так просто бразды правления не отдаю. Ни вам, ни кому-либо еще.

Каллор вновь откинулся на спинку трона и лениво махнул рукой:

– Вы собирались отнять у меня то, что я уже отнял у самого себя.

К’рул отказывался верить, хотя истина была очевидна:

– Что ты сказал? Повтори.

– Да ты, никак, ослеп? – вскричал Каллор, вцепившись в перекладины трона. – Все кончено. Моих подданных больше нет! Они исчезли! Они разбили свои цепи! Слышите? Что же вы замерли? Да, я их всех освободил. Оглянитесь вокруг. Они теперь *свободны*! Свободный пепел. Свободные кости. Полнейшая свобода!

– Давай называть вещи своими именами, – гневно бросила ему сестра древних богов. – Ты испепелил целый континент. Ты уничтожил Якуруку.

– Да, моя дорогая. Он уже не восстанет вновь. Ран, нанесенных мною, никто не исцелит. Понимаешь? Никто и никогда. И вся вина ложится на вас троих. Это вы избрали благородный путь, вымощенный костями и посыпанный пеплом. Так что же, интересно, вы теперь возмущаетесь?

– Мы не можем этого допустить...

– Глупая женщина! *Это* уже случилось!

К’рул мысленно обратился к своим спутникам: «Я знаю, что нужно сделать. Я сотворю место для всего этого... внутри себя».

«Еще один магический Путь? – с ужасом спросил Драконус. – Брат мой...»

«Не отговаривай меня. Это необходимо. Лучше помоги мне. Осуществить задуманное не так-то просто».

«Но, К’рул, это сломает тебя, – вмешалась сестра. – Надо придумать что-то другое».

«Ничего другого мы не придумаем. Нельзя оставлять континент в столь ужасающем состоянии... Нет, здешний мир еще слишком молод, чтобы нести на себе эти чудовищные шрамы...»

«А какой будет участь Каллора? – спросил Драконус. – Что мы сделаем с этой... тварью?»

«Мы оставим на нем свою отметину, – ответил К’рул. – Мы ведь знаем его самое сокровенное желание?»

«А какой будет его жизнь?»

«Долгой. Очень долгой».

«Мы согласны».

К’рул моргнул, устремив на Верховного Короля тяжелый взгляд своих темных глаз:

– За это преступление, Каллор Эйдеранн Тэс’тесула, ты понесешь заслуженное наказание. Ты станешь существовать вечно, но при этом жить жизнью смертного, который подвластен разрушительной силе времени, телесной боли от ран и мукам отчаяния. Твои мечты будут разрушаться в прах, твоя любовь – сохнуть, как опаленное огнем дерево. И все эти долгие годы, века, тысячелетия ты будешь страшиться призрака смерти.

– Каллор Эйдеранн Тэс’тесула, ты никогда не станешь Возшедшим, – произнес свой приговор Драконус.

– Каллор Эйдеранн Тэс’тесула, сколько бы ты ни пытался вознестись, ты всякий раз будешь падать, – сказала сестра К’рула и Драконуса. – Все твои достижения станут неизменно обращаться в прах. То зло, что ты сотворил здесь, будет возвращаться к тебе вновь и вновь.

– Три голоса прокляли тебя. Наше проклятие обрело силу, – подытожил К’рул.

Человек на троне затрясся. Его губы искривились в зловещей усмешке.

– Я расправлюсь с вами. С каждым из вас. Я клянусь в этом на костях семи миллионов своих жертв. Тебя, К’рул, позабудут, и имя твое исчезнет с лица земли. Все твои творения, Драконус, обратятся против тебя. А твое тело, женщина, растерзают на поле битвы, однако на этом твои мучения не закончатся. Таково мое проклятие тебе, Сестра Холодных Ночей. Я, Каллор Эйдеранн Тэс’тесула, проклиная вас троих, и да обретет мое проклятие истинную силу!

Они ушли, оставив Каллора на его троне, стоявшем на гряде костей. Трое древних богов объединили свои усилия, опутав незримыми цепями континент, где свершились чудовищные убийства, а затем втянули останки всех жертв внутрь специально сотворенного магического Пути. Сам континент Якуруку боги оставили пустым, чтобы время залечило его раны.

К’рул ощущал себя сокрушенным. Он знал, что никогда уже не будет прежним. Более того, он чувствовал: близится закат веры в него (проклятие Каллора все же возымело действие). Но, как ни странно, грядущее забвение тревожило К’рула меньше, чем он ранее себе представлял.

Все трое стояли возле портала созданного ими безжизненного мира и взирали на дело рук своих. Потом Драконус нарушил молчание:

– Со времен Всеохватной Тьмы я начал ковать меч.

К’рул и Сестра Холодных Ночей удивленно повернулись в его сторону, ибо ничего не знали про это.

– Моя работа продолжалась долго... очень долго. Сейчас меч почти готов. Магическая сила, вложенная в него, велика, но не безгранична, и однажды она иссякнет.

– Тогда тебе нужно исправить сей недостаток, – прошептал К’рул.

– Мне тоже так кажется. Но я хочу как следует все обдумать и взвесить.

Потом К’рул и Драконус вопросительно посмотрели на сестру.

– Я постараюсь защититься, – сказала она. – Я знаю: меня может погубить лишь предательство. Но от него не убережешься, иначе моя жизнь превратится в сплошной кошмар из вечных подозрений и недоверия. Я не намерена опускаться так низко. А пока я жива, продолжу играть в игры смертных людей.

– Только будь осторожна, выбирая тех, с кем играешь, – тихо произнес К’рул.

– Найди себе достойного спутника, – посоветовал сестре Драконус.

– Спасибо вам обоим за мудрые слова.

Больше говорить было не о чем. Они исполнили то, ради чего встретились. Правда, не совсем так, как бы им хотелось, но цели достигли. За ее достижение они заплатили дорого, разрушив свои собственные жизни. Однако их усилия того стоили: отныне Каллор познает нескончаемую ненависть. Как уже говорилось, древние боги не отличались милосердием.

Зверь сидел в отдалении и смотрел на три фигуры, расходившиеся в разные стороны. У него нестерпимо болели раны. Белый мех стал ржаво-красным, а кровь все продолжала капать. Пустая глазница тоже была мокрой от крови. У зверя дрожали и подгибались лапы. Он жаждал смерти, но знал, что смерть не наступит. Он жаждал возмездия, но те, кто его ранил, давно погибли. Оставался лишь человек на троне, который разорил и разрушил родной дом зверя.

Не сейчас. У него еще хватит времени расквитаться с этим человеком.

Истерзанную душу хищника наполнила жгучая тоска. В огне Падения и воцарившемся хаосе он потерял свою подругу и теперь остался совсем один. Возможно, она не погибла; возможно, ее только ранило и сейчас она тоже бродит по истерзанной пустой земле, повсюду высматривая его.

А может, поддавшись боли и ужасу, скрылась внутри магического Пути, созвучного ее духу.

Куда бы его возлюбленная ни исчезла, если только она еще жива, он обязательно разыщет ее.

Трое древних богов раскрыли порталы и удалились каждый в свое собственное владение. Зверь не последовал ни за одним из них. По сравнению с ним и его подругой древние боги были совсем юными, и их магические Пути не годились для поисков.

Путь, ожидавший его самого, был опасен. Уставшее сердце хищника наполнилось страхом... По ту сторону портала лежало серое пространство, полное клубящихся вихрей магической силы. Зверь немного помешкал, а затем пересек границу портала.

И исчез.

Книга первая. Искра и пепел

Пятеро погибших магов, убийство адъютантессы Лорн, уничтожение множества имперских демонов и, наконец, разгром, учиненный в Даруджистане, – все это оправдывало в глазах народа решение императрицы объявить Дуджеска Однорукого и его истерзанных войной солдат изменниками и преступниками. Таким образом, оказавшись вне закона, верховный кулак получил свободу действий и, сделавшись командиром независимой армии, вступил в новую кампанию. Подготавливая ее, Дуджеск Однорукий объединился со своими недавними врагами. Результатом его сомнительных альянсов явилось продолжение ужасающих магических битв, бушующих в Генабакисе, хотя кому-то это, возможно, и покажется случайным совпадением. Но если бы Худ даровал многочисленным жертвам этих битв право высказаться, мы, скорее всего, услышали бы гневные возражения по поводу такой «случайности».

Пожалуй, самой поэтической деталью того, что в будущем назвали Панныонской войной, стало разрушение каменного моста: именно этот момент и следует считать ее предвестником. Как известно, мост сей снес пробудившийся яггутский тиран во время своего неудачного похода на Даруджистан.

Имригин Таллобант (р. 1151). Имперские войны (том IV, «Генабакис»; раздел «Панныонская война 1194–1195 гг.»)

Глава первая

Воспоминания – тканые ковры, скрывающие под собой каменные стены. Скажите мне, друзья мои, нити какого цвета вам более по вкусу, а я, в свою очередь, расскажу о пристрастиях вашей души.

Ильбарес-Ведьма. Жизнь снов

1164-й год Сна Огни

(два месяца спустя после Празднества Геддероны в Даруджистане)

4-й год со дня основания Паннионского Домина

Телланнский год Второго Слияния

Вязкий берег был загроможден почерневшими, изуродованными кусками гадробийского известняка. Наверное, мост этот помешал кому-то из богов, и тот, скорчив презрительную гримасу, легким движением руки смахнул каменное строение в воду. Во всяком случае, так думалось Ворчуну. Он и не подозревал, насколько его мысли близки к истине.

Весть о разрушении моста достигла Даруджистана примерно через неделю. Ее принес первый караван, обнаруживший, что река и оба берега завалены каменными обломками. По городу поползли слухи о древнем демоне, которого якобы освободили из заточения.

Ворчун досадливо сплюнул на обожженную траву, окружавшую повозку. Он не верил глупым рассказам. Два месяца тому назад, в ночь Празднества Геддероны, в городе хватало чудес и странностей. Вообще-то, сам Ворчун был слишком пьян и ничего такого не заметил. Да и число горожан, собственными глазами видевших драконов и демонов, а также то, как базальтовая крепость под названием Семя Луны устрашающе нависала над крышами Даруджистана, было весьма незначительным, а потому их слова особого доверия не вызывали. Уж если бы кто-то вздумал баловаться магией, способной разрушить все вокруг, то и дураку ясно, каким оказались бы в этом случае последствия. Но празднество закончилось, а Даруджистан не превратился в груды дымящихся развалин. Ну и при чем тут, спрашивается, магия?

Тогда кто все-таки разрушил мост? Не иначе – кто-нибудь из богов. А может, просто случилось землетрясение, хотя вроде бы Гадробийские холмы отродясь не трясло. Наверное, это Огнь шевельнулась в своем беспорядочном сне.

Так или иначе, истина была очевидна: вот они, кучи обломков, тянущихся до самых врат Худа (а может, и дальше). И что самое обидное – богам все их игры сходят с рук, а отдуваться приходится таким вот.

Ну ничего, жизнь продолжается, чумазым дурням, вроде Ворчуна, вполне можно обойтись и без моста, благо в тридцати шагах вверх по течению находится старинный брод. Правда, им не пользовались вот уже несколько веков. Трудно сказать, обрадовался ли брод возрождению своей былой значимости. Да и чему тут особо радоваться? Тому, что тебе без передышки минут бока? Да еще вдобавок кто-то из богов, как видно, решил позабавиться с погодой. Целую неделю подряд лил дождь, отчего оба берега, примыкающие к броду, превратились в вязкое месиво. Повозки тяжело сползали вниз, погружались во вздувшуюся от дождей реку и потом еле-еле взбирались на склон противоположного берега. Десятки одиночных фургонов и караванов беспокойно дожидались своей очереди, и нетерпение нарастало с каждым колоколом: всем – торговцам и стражникам, лошадям и волам – хотелось поскорее пересечь реку, словно это был вопрос жизни и смерти.

В ожидании, когда настанет черед их каравана, они загорали тут вот уже третий день. За это время Ворчун убедился, как ему повезло с товарищами. На фоне всеобщей суматохи их немногочисленный отряд представлял собой настоящий островок спокойствия. Харло, решив попытать счастья, взял удочку, взгромоздился на обломок моста и теперь терпеливо сидел

там в ожидании улова. Менакис, более известная под прозвищем Каменная, вместе с несколькими стражниками из других караванов отправилась к повозке Сторбиса, и тот после недолгих уговоров стал распродавать кувшинами алчбинский эль. Правда, цену этот сквалыга заломил совершенно грабительскую, но, когда хочется выпить, тут уже не до бережливости. Вообще-то, бочонки с элем предназначались для какого-то постоянного двора в окрестностях Солтана. Стражники лишь посмеивались, прикидывая, какая часть груза доедет до заказчика, если вообще доберется по назначению. Коли все будет продолжаться в том же духе, возле переправы сначала стихийно возникнет рынок, а потом и вовсе появится торговое поселение. Не успеешь оглянуться, как оно разрастется до размеров небольшого городишки. Наконец какой-нибудь усердный даруджистанский чиновник вспомнит о разрушенном мосте и недополученных прибылях и решит, что пора строить новый. С ним согласятся, и лет через десять мост действительно возведут. Но еще раньше лачужный городишко, богатеющий на караванах, успеет стать бельмом на глазу Даруджистана, и туда непременно отправят сборщика податей.

Ворчуну очень нравилось, с какой невозмутимостью их хозяин относился к вынужденной задержке. Очень разумное и достойное поведение. Всем бы следовало брать с него пример. А то рассказывали, будто торговец Манк, чей караван застрял на противоположном берегу, так разгневался, что кровь ударила ему в голову и бедняга умер на месте. Его жалели, хотя и довольно сдержанно: с нетерпеливыми негоциантами, которые по всякому ерундовому поводу выходят из себя, такое случается сплошь и рядом. Нет, Керулий – их хозяин – не таков. Ничто в его характере не подкрепляло давнишнюю неприязнь Ворчуна к торгашеской породе вообще и к владельцам караванов в частности. Наблюдая за странными повадками Керулия, командир стражников даже заподозрил, что никакой он вовсе и не купец.

Впрочем, Ворчуну-то что до этого? Деньги, как известно, не пахнут, а скупостью Керулий не отличался: платил хорошо, больше, чем обычно платят стражникам. Да пусть он хоть сам переодетый принц Арард. Не все ли равно!

– Эй, стражник, можно тебя?

Ворчун оторвался от созерцания безуспешных попыток Харло поймать хоть какую-нибудь рыбешку. Возле повозки стоял незнакомый седовласый старик и, прищутив глаза, глядел на него.

– Как ты со мной разговариваешь? – накинулся на него Ворчун. – Что за фамильярный тон? Неужто не можешь отличить начальника охраны от простых обалдуев, которые и мечто толком держать не умеют? – Он смерил старика взглядом. – Судя по твоим лохмотьям, ты либо самый неудачливый в мире торговец, либо прислужник какого-нибудь обедневшего аристократа.

– Ты дважды ошибся, начальник. Во-первых, я не прислужник, а личный слуга. Меня зовут Эмансипор Риз. А во-вторых, мои хозяева весьма богаты. Просто мы слишком долго находимся в пути. Приехали издалека.

– Вот с этим спорить не буду, – сказал Ворчун. – Я знаю говор разных краев, но откуда ты – не пойму. Жаль. По особенностям речи можно многое узнать. Так что тебе нужно от меня, Эмансипор Риз?

Слуга поскреб седую щетину на морщинистом подбородке.

– Прежде чем обратиться к тебе, я сперва навел справки, тебя тут многие знают. – Он кивнул в сторону сгрудившихся повозок, окруженных галдящими людьми. – Так вот, стражники разных караванов в один голос утверждают, что ты достоин уважения.

– Нашел кому верить. Завтра или даже сегодня к вечеру они скажут тебе другое, – сухо возразил Ворчун. – Еще раз спрашиваю: что тебе от меня нужно?

– Мои хозяева желают поговорить с тобой. Если ты не слишком занят... Мы остановились совсем неподалеку.

Откинувшись на спинку скамейки, Ворчун еще раз оглядел Риза, а затем буркнул:

– У меня, вообще-то, тоже есть хозяин. Я должен спросить у него позволения.

– Обязательно спроси, начальник. И постарайся убедить его, что у моих господ и в мыслях нет переманивать тебя или чинить какие-нибудь пакости.

– Подожди здесь. И смотри, если обманешь, тебе не поздоровится!

Ворчун спрыгнул с козел, оказавшись по другую сторону повозки. Обойдя ее, он поднялся на ступеньку и слегка постучал в расписную дверцу. Дверца бесшумно распахнулась. В сумраке проема появилось лицо Керулия, круглое и бесстрастное.

– Я не возражаю, Ворчун. Сходи к ним. Мне тоже довольно любопытно, что нужно хозяевам этого старика. Попрошу тебя быть предельно наблюдательным. Если сумеешь, постарайся понять, что же такое они оба затеяли. Я еще вчера почувствовал неладное.

Ворчун лишь хмыкнул, удивляясь сверхъестественной проницательности своего хозяина, даже не покидавшего все это время повозки.

– Как прикажете, господин, – только и ответил командир стражи.

– Непременно иди, а по пути разыщи Каменную и пришли ее ко мне. Думаю, она уже достаточно нагрузилась элем. Не хватает еще, чтобы она затеяла потасовку.

– Наверное, Каменную стоило забрать оттуда раньше. А сейчас она наверняка готова изрешетить своей рапирой любого, кто скажет хоть слово поперек. Уж я-то знаю характер этой красавицы.

– Ну, тогда пусть Харло срочно сходит за нею.

– Нет, господин, лучше не надо. Он и сам не прочь ввязаться в заварушку.

– Забавно, – слегка усмехнулся Керулий. – Насколько я помню, ты с похвалой отзывался о своих товарищах. Говорил, что лучших охранников и не найти.

– Я и сейчас о них самого высокого мнения, – ответил Ворчун. – Не подумайте, господин, что я бахвалюсь, но, когда дело касается защиты хозяина и его товаров, мы вдвоем заменяем шестерых стражников. Оттого наши услуги и стоят недешево.

– Ты мне это уже говорил, и я поверил тебе на слово. Но и у меня тоже есть условия. Передай своим товарищам: за каждый скандал, учиненный ими, я буду делать значительные вычеты из их жалованья. А за достойное поведение, наоборот, добавлю наградные.

Ворчун, не ожидавший такого поворота, едва удержался, чтобы не присвистнуть:

– Не беспокойтесь, господин. Это остудит им головы.

– Ну и замечательно. Тогда передай мои слова Харло, и пусть он немедленно сходит за Каменной.

Расписная дверца фургона тихо закрылась.

Обернувшись, Ворчун заметил Харло, который как раз возвращался с рыбалки. В одной его здоровенной ручище было зажато тонкое удилище, а в другой – пойманная рыба величиной с подошву башмака. Голубые глаза Харло сияли от радости.

– Эй, хватит киснуть, Ворчун! Гляди, что я поймал на ужин!

– Подходящий ужин для монастырской крысы. А уж воняет от твоего улова!

Харло по-мальчишески нахмурился.

– Суп можно сварить, – не слишком уверенно пробормотал он. – Пряностей добавить.

– Прекрасная мысль. Обожаю суп, приправленный речной грязью. Смотри, эта тварь даже не дышит. Похоже, ты поймал дохлую рыбешку.

– Вечно от тебя только гадости услышишь. К твоему сведению, рыбина так трепыхалась, что мне пришлось шарахнуть ей камнем между глаз.

– Видать, давно это было? Ведь она успела не только умереть, но еще и стухнуть!

– Ну все, теперь я точно не угощу тебя ухой...

– Не больно-то и хотелось. Вот что, парень, слушай внимательно. Хозяин велел тебе срочно привести Каменную. Похоже, наша красавица уже поднабралась.

– Странно, что до сих пор тихо. Обычно при этом она орет во все горло.

– Беги туда со всех ног и сделай так, чтобы обошлось без потасовок. Керулий обещал наградные, если будем вести себя достойно. Понял?

Харло посмотрел на дверцу повозки, потом кивнул:

– Ладно, сейчас схожу за Каменной.

– Поторапливайся.

Харло потрусил прочь, сжимая в руках удочку и небогатый улов. Длинные, мускулистые руки стражника совершенно не сочетались с его фигурой, костлявой и шуплой. Харло предпочитал сражаться двуручным мечом, который купил у оружейных дел мастера в городке со странным названием Рассказ Мертвеца. В его обезьяньих руках меч выглядел совсем игрушечным. Впервые увидев нескладного белобрысого Харло, люди обычно принимались смеяться над ним, но быстро понимали свою ошибку: один-два удара плашмя быстро гасили насмешки.

Вздыхнув, Ворчун направился туда, где его дожидался Эмансипор Риз.

– Веди, – бросил он старику.

Тот молча кивнул, и они двинулись к его хозяевам.

Повозку, к которой Ворчун и Риз подошли, правильнее было бы назвать домом на колесах. Под стать были и сами колеса: высокие, с массивными спицами. Остов фургона украшали резные и раскрашенные фигурки прыгающих и кувыркающихся человечков с ухмыляющимися лицами. Козлы покрывал выцветший ковер. Четыре быка, тащившие повозку, сейчас лениво разгуливали по наспех возведенному загону. Его поставили по ветру, дабы запахи животных не досаждали владельцам повозки.

Хозяева Эмансипора Риза явно предпочитали уединение, ибо остановились они на почтительном расстоянии от дороги и всех прочих торговцев. Отсюда им был виден большой кусок равнины с цепью холмиков, уходящих к югу.

На кучерском сиденье распласталась облезлая кошка. Она лениво следила за приближавшимися мужчинами.

– Твоя кошка? – спросил Ворчун.

– Моя, – со вздохом ответил старик. – Белкой звать.

– Уж больно она у тебя шелудивая. Показал бы животину какому-нибудь алхимику или свечной ведьме. Они ее запросто вылечат.

Риз смущенно опустил глаза:

– Я так и собираюсь сделать, когда мы доберемся до Сольтана. – Он кивнул в сторону холмов. – А вот и господин Бошелен идет.

Ворчун обернулся и увидел высокого нескладного мужчину, который пересек дорогу и теперь неспешно шагал к повозке. На нем были дорогой длиннополый плащ из черной кожи, такие же черные сапоги с ботфортами и темно-серые, плотно облегающие штаны. Под свободной шелковой рубашкой (тоже черной) поблескивала мастерски зачерненная кольчуга.

– В прошлом году черный цвет был самым модным в Даруджистане, – заметил Ворчун, обращаясь к Ризу.

– Черный – это извечный цвет одежд господина Бошелена.

Лицо этого человека было бледным и по форме напоминало треугольник, что еще сильнее подчеркивала аккуратно подстриженная борода. Надо лбом нависали лоснящиеся от масла волосы. Серые глаза Бошелена были столь же невыразительными, как и все остальное в нем, однако при встрече с хозяином Риза у Ворчуна мгновенно свело живот.

– Приветствую тебя, командир стражников, – негромким, хорошо поставленным голосом произнес Бошелен. – От меня не укрылось чрезмерное любопытство, проявленное к нам господином Керулием. Обычно мы не любим, когда суют нос в наши дела, но на этот раз, так и быть, сделаем исключение. Ты пойдешь со мной.

Бошелен скользнул взглядом по Ризу:

– Твоя кошка вся дрожит. Успокой бедняжку. Скажи ей, что нашего гостя бояться не надо.

– Непременно, хозяин.

Ворчун опустил ладони на рукоятки своих коротких мечей. Глаза его вперились в Бошелена. Скрипнули пружины повозки: это Риз забрался на кучерское сиденье.

– Ну, что же ты замер, командир?

Ворчун не шевельнулся.

Бошелен приподнял тонкую бровь:

– Смею заверить: твоему хозяину не терпится, чтобы ты принял мое предложение. Но если у тебя поджилки трясутся, то нужно было бы прийти сюда вместе с господином Керулием и попросить его держать тебя за руку. Однако должен предостеречь: вытащить наружу твоего хозяина – непосильная задача, даже для такого рослого и крепкого человека, как ты.

– Вы когда-нибудь ловили рыбу? – спросил Ворчун.

– А при чем тут рыба?

– Молодые рыбешки обычно бросаются на любую наживку, потому и не доживают до старости. Я уже больше двадцати лет сопровождаю караваны, господин Бошелен. И за это время научился распознавать наживки. Если вам нужен улов, закидывайте свою удочку в другом месте.

Бошелен сухо улыбнулся:

– Приятно, что я в тебе не ошибся, командир. Ну как, идем дальше?

– Ведите.

Они пересекли дорогу и по узкой тропке, протоптанной козами, устремились к холмам. Вскоре повозки на этом берегу реки скрылись из виду. Вершины и склоны вокруг покрывала трава, опаленная неведомым пожаром. Среди мертвых черных стеблей пробивались новые побеги.

– Для плодородия здешних степей нужен огонь, – сказал Бошелен, кивком указывая на сгоревшую траву. – Равно как и перемещение туда-сюда бхедеринов, топчущих землю: копыта делают тонкий слой почвы более плотным, а значит, устойчивым. Зато козы – сущее проклятие любого места. Они готовы обглодать все подчистую... Но я говорил о важности огня, не так ли? Насилие и разрушение равно важны для жизни. Не кажется ли это тебе странным, командир?

– Мне кажется странным другое: я забыл захватить с собой восковую дощечку для письма.

– О, да ты еще и грамотный! Любопытно. Ты же воин. Какой тебе прок в буквах и цифрах?

– А какой прок вам – ученому человеку – в мече у пояса и кольчуге, надетой под рубаху?

– Увы, просвещение народа имеет и оборотную сторону. Оно уничтожает в людях уважение.

– Я бы назвал это здоровым скептицизмом.

– Точнее – неприязню к власти имущим... Попробую ответить на твой вопрос. Должно быть, ты заметил, что у нас всего один слуга, да и тот уже немолод. И никакой охраны. А при нашем ремесле очень важно уметь защищаться.

– И кто же вы по профессии?

Козья тропка вывела их на утоптанную дорожку, выющуюся между холмами. Бошелен вновь повернулся к Ворчуну и улыбнулся:

– А ты не промах, командир: как говорится, сразу берешь быка за рога. Теперь я понимаю, отчего стражники столь хорошо отзываются о тебе. Среди вашего брата редко встретишь тех, кто умеет пользоваться мозгами. Идем, нам осталось совсем немного.

Завернув за изборожденный холм, Бошелен и Ворчун подошли к кромке большой ямы. Судя по всему, она появилась здесь недавно. По краям ее лежала почерневшая земля вперемешку с каменными обломками. Ворчун прикинул размеры ямы: шагов сорок в ширину и

около пяти локтей в глубину. Невдалеке от кромки сидел какой-то человек, подобно Бошелену, облаченный в черную кожаную одежду. Лысый затылок его напоминал лист выбеленного пергамента. Мужчина молча встал и с неожиданным для его грузного тела изяществом повернулся к Ворчуну и Бошелену.

– Познакомься, командир: это Корбал Брош, мой... спутник. А ты, Корбал, познакомься с Ворчуном, чье имя заключает в себе более чем явный намек на его характер.

Если Бошелен вызвал у командира стражников лишь безотчетную тревогу, то при виде его компаньона Ворчун испытал неподдельный страх. Внешне в облике Корбала не было ничего устрашающего: широкое круглое лицо; глаза, глубоко спрятанные среди складок мясистой плоти; толстогубый, чуть искривленный рот. Но, как и в случае с Бошеленом, опасность, исходившая от Броша, ощущалась не разумом, а на уровне интуиции, словно бы обоих окутывала некая тлетворная аура.

– Неудивительно, что у слуги кошка чахнет, – едва слышно пробормотал Ворчун.

Он стал разглядывать яму.

– Командир, ты понимаешь, *что* видят твои глаза? – спросил подошедший Бошелен.

– Само собой. Я же не дурак. Большую яму в земле.

– Восхитительно, Ворчун. Но это не просто яма. Тут еще совсем недавно была гробница, и в ней лежал скованный цепями яггутский тиран.

– Ну, теперь-то здесь никакой гробницы нет и в помине. Была и сплыла.

– Похоже на то. Ох, сдается мне, что это дело рук посланцев некоей далекой империи. С помощью т'лан имассов им удалось освободить из заточения яггутское чудовище.

– Значит, вы всерьез верите всяким рассказам, – заключил Ворчун. – Да случись такое, одному Худу известно, чем бы это обернулось.

– Вот и мы так думаем, командир. Мы ведь чужаки на этом континенте. До недавнего времени мы вообще понятия не имели ни о Малазанской империи, ни о диковинном городе Даруджистан. Но за короткое время пребывания здесь уже успели наслушаться достаточно историй о прошлом. Нам рассказали про демонов, драконов, наемных убийц. И еще про дом Азата, именуемый Финнэстом. Наверное, ты слышал про этот удивительный дом, который, хотя и недоступен для входа, уже успел обзавестись обитателями. Естественно, нам захотелось самим взглянуть на него, что мы и сделали. Более того, мы узнали про летающую крепость со странным названием Семя Луны. Говорят, она долгое время висела над Даруджистаном.

– Верно. Я и сам ее видел. Она улетела за день до выхода нашего каравана.

Бошелен разочарованно вздохнул:

– Увы, мы опоздали и не смогли стать очевидцами всех этих устрашающих чудес... Да, а еще нам рассказывали, будто владыкой Семени Луны является древний тисте анди.

– Может, и так, – пожал плечами Ворчун. – Сам я не люблю досужих разговоров. Это всего лишь сплетни.

Взгляд его собеседника сделался колючим. Заметив это, Ворчун про себя улыбнулся.

– Ну конечно, это всего лишь сплетни, – повторил за ним Бошелен.

– Так вы только за этим меня сюда и привели? – спросил командир стражников. – Чтобы я полюбовался на... дыру в земле?

Бошелен наморщил лоб:

– Ну, не совсем так. Эта *дыра*, как ты ее называешь, – всего лишь вход. Мы намерены осмотреть бывшую тюрьму яггута.

– Да благословят вас Опонны, – ответил Ворчун и отвернулся.

– Мне думается, – продолжал Бошелен, – что твой хозяин наверняка повелел бы тебе сопровождать нас.

– Этого он мне приказать не сможет, – возразил Ворчун. – Я нанимался охранять караван, а не лазать по грязным ямам.

– Кажется, не было речи о том, что тебе обязательно нужно лезть в грязь?

Ворчун взглянул на него и криво усмехнулся:

– Как говорят ученые люди, это просто фигура речи. Простите меня, господин Бошелен, если я неудачно выразился.

Командир стражников повернулся и сделал несколько шагов к дороге. Затем остановился:

– Вроде бы вы хотели видеть Семя Луны, господа? Пожалуйста, полюбуйте!

Базальтовая крепость черным облаком нависла над южным краем горизонта.

Бошелен и Брош, грохоча сапогами, подбежали к Ворчуну и тоже уставились на парящую в воздухе гору.

– Отсюда трудно определить истинные размеры крепости, – сказал Бошелен. – Сколько до нее?

– Может, лига, а может, и больше. Признаюсь вам честно: по мне, так ближе и не надо. Помнится, в Даруджистане я погулял в ее тени... да и не только я один... Ощущение не из приятных.

– Согласен, командир. А что Семя Луны здесь делает?

– Похоже, летит куда-то на юго-восток.

– А-а-а, вот почему у него один край наклонен.

– Нет, не поэтому. Просто ему досталось от малазанских магов, когда шла битва за Крепь.

– Смелые ребята эти маги, ничего не скажешь.

– Смелость стоила им жизни. Если не всем, то очень многим. Опять-таки это лишь слухи. Говорят, что, хотя чародеям и удалось вдарить по крепости, ее хозяин не пострадал. Может, желаете познакомиться с ним поближе? Тогда не теряйте времени – и вперед. Только учтите: он способен уничтожить вас еще на подходе.

Молчаливый спутник Бошелена наконец-то раскрыл рот и тихим, писклявым голосом спросил:

– Неужели нас учуяли?

Бошелен нахмурился. Продолжая глядеть на Семя Луны, он покачал головой:

– Нет, друг мой. Тисте анди не обращает на нас внимания. Но давай лучше отложим этот разговор на потом.

– Ладно. А этого стражника мне что, убить?

Ворчун схватился за оружие.

– Только попробуй! – прорычал он.

– Успокойся, командир, – примирительно улыбнулся Бошелен. – Мой компаньон человек простой...

– Ага, простой, как гадюка.

– Возможно. Но в любом случае не стоит волноваться. Тебе ничего не угрожает.

Ворчун не ответил и с мрачным видом зашагал дальше. Отойдя на некоторое расстояние, он зашептал:

– Хозяин! Керулий! Если вы видите все это – а я думаю, что видите, – мои наградные должны быть очень щедрыми. Прислушайтесь к мудрому совету: нам нужно держаться как можно дальше от этой парочки.

Продолжая тяжело вздыхать, Ворчун пошел дальше, поводя плечами, чтобы избавиться от охватившего мышцы напряжения. Добравшись до караванной дороги, он опять повернулся в сторону Семени Луны. Теперь базальтовая крепость казалась совсем маленькой.

– Эй, владыка Семени Луны, обрати внимание на этих двоих – Бошелена и Корбала Броша. Сделай с ними то же самое, что сделал с яггутским тираном... если, конечно, ты приложил к этому руку. У целителей есть одно мудреное словечко. Сейчас я его даже и не вспомню... Это когда, допустим, человеку оттяпывают ступню, чтобы не сгнила вся нога. Вот и эту парочку

нужно поскорее уничтожить, дабы потом они не причинили никому вреда. Прошу тебя, не останься к ним равнодушным, не то нам всем может быть плохо.

Проходя мимо громадной повозки Бошелена и Корбала Броша, Ворчун снова увидел Эмансипора Риза. Тот сидел и гладил разлегшуюся у него на коленях кошку.

– А с чего это я взял, что она шелудивая? – вслух удивился Ворчун. – Тут все не так просто.

Огромный волк пригнул голову, обошел вокруг распластанного на земле тела, затем повернулся так, чтобы этот бездыханный смертный оставался в поле зрения его единственного глаза.

Тех, кто перемещался по магическим Путям Хаоса, всегда было очень немного. Смертный человек, оказавшийся в их пределах, – необычайная редкость. Волк слишком хорошо знал эти унылые, жуткие пространства: он бродил среди них целую вечность. Одиноким, потерянным так давно, что в его сознании уже начали складываться новые образы, рожденные одиночеством; мысли бежали по непредсказуемым, случайным тропам. Глядя на этого древнего хищника, трудно было поверить, что перед тобой разумное существо. Но разум у него, несомненно, имелся: прятался так глубоко, что только особо проницательные сумели бы заметить его в зверином блеске волчьего глаза.

Волк повернулся. Напряглись мускулы под выцветшим белым мехом. Голова зверя оставалась опущенной. Единственный глаз его остановился на лежавшем на земле человеке.

Такое безраздельное внимание обладало громадной силой, подчиняя себе того, на кого было направлено. А волк, бродя в пределах Хаоса, накопил невероятную силу.

Он мало помнил о других мирах, существовавших вне Хаоса. Он ничего не знал о смертных, поклонявшихся Хаосу, словно богу. И теперь, глядя на этого смертного, волк уловил крупицы иного знания. Ощутил неведомые возможности, таившие в себе выбор.

Тем не менее волк медлил. Мир, откуда явился смертный, был полон своих опасностей. Необходимость принять решение (по сути, выбрать одно из многих, теснившихся в его мозгу) вызывала дрожь во всем теле хищника.

Зверь подошел к бездыханному человеку ближе, потом еще ближе. Волчий глаз остановился на лице незнакомца.

Дар. У этого смертного – истинный дар. Отметина судьбы. Волку вдруг почудилось, будто он заглянул в зеркало и увидел там свое отражение. Не просто нечто похожее, а именно собственное отражение, вплоть до мельчайших подробностей. Такой возможностью он пренебречь не мог.

Но зверь все еще не мог решиться. Колебался до тех пор, пока в памяти не встала давнишняя картина. Неподвижная, потускневшая от времени... Этого оказалось достаточно. Круг замкнулся. Совершить все остальное для волка не составило труда.

Первым, что увидел его единственный глаз, было небо, голубое и безоблачное. Шрам на месте второго глаза отчаянно чесался, как будто внутри завелись личинки червей. Человек осторожно ощупал свою голову. Шлем уцелел, даже забрало не помялось. Там, где шлем заканчивался, в шею впивались острые камни.

Молодой мужчина лежал неподвижно, стараясь вспомнить все, что с ним приключилось... Перед ним разверзлось темное пространство, в которое он и прыгнул. Нет, его туда швырнуло. Кажется, он был верхом, а в руках держал лук. Человек вспомнил звук порванной тетивы. Следом в памяти всплыло какое-то зыбкое, противное чувство, охватившее... их обоих. Ну да, он разделил его со своим другом. Как же того звали? Ах да, Паран. Капитан Паран.

К Току-младшему медленно возвращалась память.

«Локон! Уродливая деревянная кукла, в которую переселилась душа кадрового мага. Он подстерег нас с Параном в засаде. – Тока вдруг обдало волной страха. Кое-как он сумел перевернуться на бок. – Худ побери! Это же не равнина Рхиви. Где я?»

Вместо травы во все стороны тянулось поле, усеянное осколками черного стекла. Над ними неподвижно висела серая пыль. Слева, примерно в двухстах шагах, нарушая унылое однообразие местности, виднелся невысокий курган.

В пересохшем горле саднило. Глаз жгло. Над головой сверкало беспощадное солнце. Ток закашлялся и заставил себя сесть, ощутив под ягодицами острые обсидиановые кромки. Совсем рядом лежал его лук, сделанный из рога. Протянув руку, юноша пододвинул оружие к себе. Он вспомнил, что колчан остался привязанным к седельной сумке. Где-то теперь его верный виканский жеребец? Кроме ножа у пояса да лука, у него ничего не было. Ни воды, ни пищи. Да и от лука, похоже, теперь толку мало. Жилы тетивы растянулись и потеряли былую упругость.

«Плохо дело. Выходит, какое-то время я болтался... неведомо где. Только вот где?»

Малазанец напряг память. Похоже, Локон зашвырнул его внутрь магического Пути, в котором отсутствовало время. Да, получается, что так. Ток не ощущал ни сильной жажды, ни особого голода. Сейчас его больше заботило плачевное состояние лука. Даже если бы у него был полный колчан стрел... тетива все равно превратилась в кусок бесполезной веревки. Она высохла, а воск, которым Ток постоянно ее покрывал, расплавился на солнце и впитал в себя обсидиановую пыль. Нечего и пытаться снова ее натянуть – она попросту лопнет. Но чтобы крепкая, добротная смазанная тетива пришла в такое состояние, должно пройти несколько дней. Даже недель. Однако тело почему-то не соглашалось с доводами разума.

Ток встал. Его кольчуга, казалось, срослась с пылью и не хотела с нею расставаться.

«Я что же, до сих пор нахожусь внутри магического Пути? Или меня выбросило назад?»

В любом случае нужно было куда-то идти. Не помирать же здесь, среди безжизненной стеклянной равнины! Надо выбирать. Конечно, если вообще есть куда идти...

Ток побрел к кургану. Пусть он и не слишком высокий, с вершины можно будет хоть что-то увидеть. Подойдя ближе, юноша заметил и другие курганы, отстоявшие друг от друга на равном расстоянии. Это даже обрадовало его. Среди них обязательно найдется главный. Тот, что будет больше и выше остальных.

Мимо первого кургана Ток прошел не останавливаясь. Судя по ямам, здесь успели побывать грабители. Однако затем что-то заставило бывшего вестового развернуться и подойти к кургану поближе. Там он присел на корточки возле одной из ям и стал всматриваться в наклонный проход, ведущий вниз. Насколько ему удалось разглядеть, стенки прохода целиком состояли из обсидиановой толщи. Все курганы, которые прежде приходилось видеть Току, либо были земляными, либо состояли из плотно уложенных камней. Этот же напоминал купол храма.

– Не нравится мне все это, – произнес малазанец.

Он сел и в очередной раз воскресил в памяти цепь событий, предшествующих его появлению здесь...

С чего же все началось? Наверное, со смертоносного дождя, излившегося из базальтовых недр Семени Луны. Огонь и боль. Этот дождь лишил Тока глаза и изуродовал лицо, которое прежде можно было бы даже назвать красивым.

Что было потом? Потом он ехал по равнине куда-то на север, где столкнулся с баргастами из клана Ильгресов и спас адъютантессу Лорн. Вместе они вернулись в Крепь. А дальше начались сплошные неприятности. Лорн резко взяла его в оборот, напомнила, что он – курьер когтей. А ведь когда-то он и впрямь был их посыльным.

«Посыльным? – мысленно усмехнулся Ток. – Только не надо врать себе, дружище. Ты был шпионом когтей. Но ты ушел от них, и, как думал, навсегда. Стал разведчиком в армии

Дуджека Однорукого. Ты считал, что навеки расстался с прошлым. И все было хорошо, пока на твоём пути не появилась адъюнктесса...»

Току вспомнились осада Крепи, загадочное исчезновение колдуньи со странным именем Рваная Снасть. Кажется, они вместе с капитаном Параном отправились ее искать. А дальше...

– Боги, неужели все это было со мною? – воскликнул Паран.

Боги не ответили ему, зато память подсказала, что Локон сыграл с ним злую шутку. Деревянная кукла расправилась с человеком, как с мухой, но не прихлопнула окончательно, а бросила в недра жуткого магического Пути.

«Где я сейчас и нахожусь, – мысленно подытожил Ток. – Довольно! Хватит уже пускать слюни и охать. Ты воин или тряпка? Тогда изволь рассуждать как солдат. Никаких опрометчивых действий. Думай, как тебе выжить в здешних местах. Да уж, гостеприимными их никак не назовешь».

И юноша вновь пошел к центральному кургану. Невзирая на пологие склоны, высота его втрое превышала человеческий рост. Подъем стоил Току новых приступов кашля. Но усилия его были вознаграждены. Вершина являлась как бы центром большого колеса, по ободу которого располагались остальные курганы. В трехстах шагах от их кольца сквозь дымку проступали очертания серых холмов. Слева виднелись развалины каменной башни. Небо за нею было отвратительного кровавого цвета.

Ток поднял голову к солнцу. Когда он очнулся, оно стояло несколько ниже. Теперь же солнце висело прямо над ним, позволяя сориентироваться. Получается, ближайший холм лежал на северо-западе, а башня находилась значительно западнее.

Взгляд Тока вновь привлекло красноватое сияние, поднимавшееся за башней. Сияние не было неподвижным; оно ритмично вспыхивало и угасало, подобно биениям сердца. Малазанец почесал шрам, окружавший пустую левую глазницу. В мозгу сразу же вспыхнула радуга цветов.

«Боги, опять магия. Еще немного, и я ее возненавижу».

Вскоре Току стало не до рассуждений о чародействе. На северном склоне главного кургана он заметил глубокую яму с неровными краями, отливавшими каким-то странным блеском. Подножие окружала груда тесаных камней со следами красной краски. Постепенно до юноши дошло: яму вырыли отнюдь не грабители. Некто, исполненный яростной, неукротимой силы, вырвался из недр гробницы.

«Ох, сдается мне, в этих проклятых местах даже покойникам не лежит спокойно. – Чтобы подавить нахлынувшее беспокойство, Ток негромко выругался. – Ты солдат или нет? – опять спросил он себя. – Неужто забыл, что видел вещи и похуже? Да вспомнить хоть того жуткого т'лан имасса, сопровождавшего адъюнктессу Лорн. Ходячая мумия, Худ его побери. Глаза, которые почти не видны в глубине глазниц. Холодные, без малейшего проблеска жалости. Но для этой мумии баргаст был все равно что дикий кабан для охотников-рхиви. Один удар – и баргаста не стало».

Ток разглядывал яму, а мысли продолжали крутиться вокруг адъюнктессы Лорн и ее бессмертного спутника. Они намеревались выпустить из заточения злобную, неукротимую силу. Неужели им это удалось? Ведь узника не просто заточили под толщей вулканического стекла. Его темницу окружили плотными кольцами охранительной магии.

«Наверное, окажись я на месте этого существа, мне бы тоже в голову не пришло плясать от счастья и целовать своих освободителей. Если пленник провел там тысячи лет... представляю, какой злобой и ненавистью ко всему успел пропитаться его разум».

Ток вздрогнул, что вызвало новый приступ кашля. Да уж, мир полон тайн и сюрпризов, однако приятных среди них найдется немного.

Обойдя яму, бывший вестовой Второй армии спустился с кургана и направился к развалинам башни. Вряд ли пленник гробницы стал здесь задерживаться.

«Я бы на его месте опрометью бросился прочь отсюда».

Как давно его освободили? Оглядываясь по сторонам, Ток не сумел отыскать никаких подсказок на этот счет. Однако нутром чуял, что с того момента прошли годы, если не десятилетия. Странно, но малазанец совершенно не испытывал страха. То, что угрожало здешним унылым местам, давно их покинуло.

В нескольких десятках шагов от развалин башни Ток едва не споткнулся о труп, который скрывал тонкий слой пыли. Поднявшись облаком, пыль набилась юноше в рот, заставив его отплеиваться.

Мертвец был рослым, крупным в кости человеком. Под палящим солнцем его жилы усохли и приобрели коричневый оттенок. Мужчина был почти голым – кожа и мех его одежд истлели до жалких лохмотьев. Ток пригляделся к шлему на голове покойника и понял, что это череп какого-то рогатого зверя. Один рог был сломан, причем, похоже, очень давно. Рядом с трупом валялся запыленный двуручный меч.

«Худ меня побери! Да ведь это тот самый неупокоенный воин!»

– Что ты здесь делаешь? – хмуро спросил у него Ток.

– Жду, – едва слышно ответил т’лан имасс.

Ток порывлся в памяти:

– Погоди... я же тебя знаю. Ты – Онос Т’лэнн из клана Тарад.

– Теперь меня зовут просто Тлен. У меня нет клана. Я свободен.

«Свободен? И как же ты распорядился своей свободой, мешок с костями? Валяешься здесь, в этой стеклянной пустыне?»

– Где адьюнктесса Лорн? Где мы находимся? – на одном дыхании выпалил Ток.

– Далеко.

– Я задал тебе два вопроса. На который из них ты ответил?

– На оба.

Малазанец скрипнул зубами, борясь с искушением как следует лягнуть т’лан имасса.

– Ты можешь выразаться яснее?

– Попробую.

– Говори! Я жду.

– Адьюнктесса Лорн погибла в Даруджистане два месяца тому назад. Мы с тобой сейчас находимся на развалинах древнего города Морн, в двухстах лигах к югу от Даруджистана. Если желаешь знать время суток, солнце недавно перевалило за полдень.

– Говоришь, перевалило за полдень? Благодарю, я как раз намеревался об этом спросить.

Току не доставляло особого удовольствия разговаривать с т’лан имассом, чей возраст исчислялся сотнями тысяч лет. Вряд ли его можно задеть язвительными словами, но вот самому малазанцу подобная дерзость могла дорого стоить.

«Прикуси язык, дурень! – отчитал он себя. – Этот Тлен, или как там его, еще не разучился махать кремневым мечом». И спросил:

– Освобождение яггутского тирана – ваших рук дело?

– Да. Но его жизнь в мире людей была недолгой. Попытки Малазанской империи завоевать Даруджистан провалились.

Юноша скрестил на груди руки. Не то чтобы он так уж жаждал захвата Даруджистана, но подобный поворот событий его не обрадовал.

– Ты сказал мне, что ждешь. Кого? Или чего?

– Она какое-то время отсутствовала. Теперь возвращается.

– Кто «она»?

– Та, кто живет в этой башне, воин.

– Может, ты все-таки соизволишь встать, а не будешь говорить со мной лежа? – раздраженно осведомился Ток.

Он едва сдерживался, чтобы не кинуться на т’лан имасса.

Под скрип костей Тлен послушно поднялся, пыль каскадами посыпалась с его широких плеч. Сейчас его могучее тело больше напоминало тело зверя, нежели человека. Он посмотрел на Тока, и в глубоко упрятанных глазах его что-то блеснуло. Затем Тлен повернулся и поднял кремневый меч.

«Боги милосердные! И что это я вечно подставляю голову под удар? Да ведь он же, если захочет, уничтожит меня одним взмахом меча. Его мышцы не высохли. В нем еще достаточно силы. Ох как же покойный император Келланвед ценил т'лан имассов. Идеальная армия, которую не нужно ни кормить, ни транспортировать. Она способна сама переместиться в любое место и выполнить почти любой приказ. Армия, не знающая дезертиров, если не считать одного, стоящего сейчас передо мной. Только вот возможно ли наказать т'лан имасса за дезертирство?»

Какое-то время они молча глядели друг на друга. Затем Ток подал голос:

– Мне нужна вода. И пища. А еще мне нужны стрелы. И тетива для лука. – Он стянул с головы шлем. Кожаная шапка под ним была мокрой от пота. – Мы не можем подождать в башне? У меня скоро мозги поджарятся.

«Почему я говорю с этим Тленом так, будто рассчитываю на его помощь?»

– В тысяче шагов на юго-запад отсюда находится побережье, – сказал Тлен. – Там найдутся еда и водоросли. Они заменят тебе тетиву, пока мы не найдем подходящие жилы. Должен тебя огорчить, но пресной воды я нигде не чувую. Возможно, хозяйка башни и проявит щедрость, хотя сомневаюсь, что ей понравится, если ты зайдешь внутрь самовольно, без приглашения. А еще ты спрашивал про стрелы. Их можно будет сделать. Неподалеку, на солончаковом болоте, растет крепкий тростник. Затем мы поймем в силки несколько птиц, и у нас будет оперение для стрел. А что до их наконечников... – Тлен обвел глазами обсидиановую равнину. – С этим проще всего.

«Там помоги же мне, Худ тебя побери!» – мысленно взмолился Ток. А вслух сказал:

– Надеюсь, т'лан имасс, ты еще не научился расщеплять камни и плести тетиву из водорослей. Наверное, ты умеешь делать древки стрел из тростника, хотя лично я не представляю, каким образом их изготавливают. Прежде я получал стрелы по первому требованию, причем самые лучшие. Их древки отличались безукоризненной прямизной, а наконечники были железными.

– Не беспокойся, воин, я не утратил своих навыков.

– Адьюнктесса нас не познакомила. Меня зовут Ток-младший. Называя меня воином, ты, вероятно, считаешь меня простым солдатом. Здесь ты ошибаешься. Я – разведчик. Дозорный, если это слово тебе понятнее.

– А когда-то ты был одним из когтей.

– Но я не владею ни ремеслом наемного убийцы, ни магией. К тому же я давно расстался с когтями. Сейчас у меня только одно желание: вернуться в армию Дуджека Однорукого.

– Путь неблизкий.

– Вот и я так думаю. И чем раньше я начну этот путь, тем лучше. Скажи мне, далеко ли простирается эта стеклянная равнина?

– На семь лиг. Дальше начинается равнина Ламатат. Когда ты доберешься дотуда, сверни на север. Точнее, на северо-восток.

– И куда я попаду? В Даруджистан? Значит, Дуджек осадил город?

– Нет, – коротко ответил т'лан имасс и повернулся в другую сторону. После чего объявил: – Она приближается.

Ток обернулся в том же направлении. С юга к кольцу курганов двигались три фигуры. Посередине шла молодая женщина: высокая, худощавая, одетая в свободную белую телубу, какие в Семиградье носят представительницы знатных семейств. По плечам незнакомки струились черные волосы, длинные и прямые. Ее сопровождали две собаки: та, что слева, была

огромная, размером с пони, косматая, похожая на волчицу, а вторая – та, что справа, – поменьше, но крепкая и мускулистая, с короткой серой шерстью.

Поскольку Ток и т'лан имасс стояли на открытом пространстве, женщина просто не могла их не заметить. Однако и она, и собаки продолжали идти так, словно вокруг никого не было. И только когда их разделяло уже не более дюжины шагов, волкоподобный пес прыгнул вперед и, виляя хвостом, подбежал к т'лан имассу.

Дивясь такому поведению животного, Ток поскреб подбородок:

– Что, Тлен? Встретил старого друга? Или собачка хочет, чтобы ты угостил ее одной из своих косточек?

Бессмертный воин молча выслушал эти слова.

– Это была шутка, – добавил Ток, пожимая плечами. – Вернее, неуклюжая попытка пошутить. Кажется, т'лан имассы не умеют обижаться.

«Боги милосердные, ну что у меня за язык? Я как будто задался целью разозлить этот мешок с костями!»

– Я просто думал, как тебе ответить, – медленно проговорил Тлен. – Ты принял этого зверя за собаку. Однако на самом деле это ай, а они не любят кости. Эти животные сродни волкам, они предпочитают мясо, желательнее свежее.

– Понятно, – буркнул Ток.

– Это была шутка, – невозмутимо добавил т'лан имасс.

– Ага, я так и подумал.

«Может, я зря все время жду от него подвоха? Впрочем, тут вообще не знаешь, чего ждать».

Костлявые пальцы т'лан имасса погладили широкую голову айя. Зверь затих, будто домашний пес.

– Ты не ошибся, назвав его моим старым дружкой. Прежде наши племена брали к себе айев. Не всем это нравилось, но нельзя же было обрекать зверей на голод: ведь это по нашей вине им стало нечего есть.

– Да неужели? Выходит, сперва сами перебили на охоте всю их добычу, а затем пожалели хищников? Я думал, что т'лан имассы живут в единении с природой. Как же, слышал про ваши ритуалы задабривания духов...

– Ток-младший, – перебил его Тлен, – ты насмехаешься надо мной или выказываешь собственное невежество? О каком единении ты говоришь? Даже северные лишайники не знают покоя. Все находится в состоянии непрестанной войны, каждый в этом мире стремится утвердиться. Неудачники попросту гибнут.

– Стало быть, мы и вы похожи.

– Ошибаешься, воин. Нам дано право выбора. У нас есть дар предвидения. Хотя частенько мы слишком поздно осознаём свою ответственность.

Т'лан имасс наклонил голову и посмотрел на морду айя и на свою костлявую руку, утонувшую в его шерсти.

– Дорогой неупокоенный воин, Баалджаг ждет твоих приказаний, – послышался мелодичный женский голос. – Она очень рада тебя видеть. Гарат, а что же ты не приветствуешь нашего бессмертного гостя?

Встретившись глазами с Током, она улыбнулась:

– Гарат наверняка счел, что твоего спутника пора предать земле. Забавный пес, правда?

– Забавный, – согласился юноша. – А еще забавнее, что ты говоришь по-даруджийски, а носишь телобу, словно уроженка Семиградья.

Незнакомка изогнула брови:

– В самом деле? Как же я сплеховала! Кстати, господин, ты тоже говоришь по-даруджийски, хотя сам родом из далекой империи, которой правит одна злобная неудачница... все забываю ее имя.

– Императрица Ласин. А «далекая империя» называется Малазанской.

«Но как, интересно, ты догадалась? Я же не в форме».

– Да, верно, – улынулась женщина.

– Меня зовут Ток-младший, – представился бывший вестовой. – А т'лан имасса – Тлен.

– Вот так имечко! Однако оно ему очень подходит... Ой, что же мы жаримся здесь на солнцепеке? Поспешим в тень яггутской башни... Гарат, перестань обнюхивать Тлена. Лучше беги вперед и разбуди слуг.

Мускулистый пес послушно двинулся к башне. Ток заметил, что вход в нее был через балкон, поскольку слой вулканического стекла доходил до второго этажа.

– Слабо верится, что тут можно жить, – вслух заметил он.

– Внешность обманчива, – воркующим голосом ответила женщина и вновь наградила Тока улыбкой, от которой у него зашлось сердце.

– А как тебя зовут? – спросил малазанец, когда они направились к башне.

Вместо женщины ему ответил т'лан имасс:

– Ее зовут госпожа Зависть. Она дочь Драконуса, который изготовил меч Драгнипур. Впоследствии этим самым мечом его убил Аномандер Рейк, владыка Семени Луны. С тех пор меч находится у Рейка. Говорят, у Драконуса было две дочери. Вторую он назвал Злобой.

– Худ тебя побери, Тлен, ты, наверное, шутишь! – воскликнул Ток.

– Должно быть, самого отца тоже забавляли такие имена, – невозмутимо продолжал т'лан имасс.

– Ну вот, взял и испортил мне все удовольствие, – вздохнула госпожа Зависть. – Кстати, Тлен, разве мы раньше встречались?

– Нет. И все же ты мне знакома.

– Я так и поняла. С моей стороны было бы излишне скромным думать, будто меня не узнают. Мои пути не один раз пересекались с путями т'лан имассов. Дважды уж точно.

Ток внимательно разглядывал женщину своим единственным глазом.

– Хорошо, теперь я знаю твое имя, однако этого мало, – произнес он. – Не понимаю, почему ты обосновалась в развалинах Морна. Неужели так ценишь уединение? Или, может быть, ты что-то ищешь в здешних пустынных местах?

– Так ли уж это важно? – насмешливо протянула госпожа Зависть.

В проеме башни мелькнула чья-то фигура в маске и кожаных доспехах. Бывший вестовой резко остановился.

– Никак *сегулех*? – изумленно спросил он, резко повернувшись к спутнице. – У тебя в услужении состоят сегулехи?

– А-а-а, вот, стало быть, как их называют! Знакомое слово. Я его где-то слышала, но не помнила, что оно обозначает. Сегулехи, говоришь? Я долго думала, какое имя дать каждому из них, но остальное меня не слишком интересует. Однажды мой путь пересекся с путем Сену – того, которого ты сейчас видел, – и его соплеменников. Они намеревались убить меня, чтобы хоть как-то развлечься. Решили, что их путешествие в этом случае будет менее однообразным. – Она вздохнула. – Как видишь, я до сих пор жива, а они мне служат.

Затем госпожа Зависть обратилась к сегулеху:

– Сену, ты разбудил собратьев?

Коротышка наклонил голову. В прорезях его причудливой маски блеснули темные глаза.

– Думаю, его кивок означает утвердительный ответ, – заключила женщина, обращаясь к Току. – Мои слуги не отличаются разговорчивостью.

Малазанец покачал головой. Его внимание привлекли два меча с широкими лезвиями, висящие у пояса сегулеха.

– Скажи, госпожа, ты отдаешь приказание всем троим или же передаешь их через этого Сену?

– А ведь и правда, из всех троих только он один общается со мной напрямую... А что, это так важно?

– Насколько я могу судить, Сену занимает в их иерархии самую низшую ступень. Двое других не желают общаться с теми, кто не принадлежит к племени сегулехов.

– Надо же, какое самомнение!

Дозорный усмехнулся:

– Сам я впервые вижу сегулеха. Но слышал о них достаточно. Они живут на острове, к югу от континента. По характеру – домоседы, равнодушные к путешествиям. Тем не менее о сегулехах слышаны также и на севере, даже в Натилоге.

«Худ меня побери, еще бы там не знали об этом народце!»

– В твоем голосе я уловила высокомерие. Интересно, как воспримут тебя мои слуги? Сену, дорогой, води же нас внутрь.

Сегулех не шевельнулся. Он словно бы приклеился взглядом к т'лан имассу.

У айя шерсть поднялась дыбом. Он встал между Тленом и Сену.

– Сену, в чем дело? – подчеркнуто вежливо осведомилась госпожа Зависть.

– По-моему, он готов броситься на Тлена, – прошептал Ток.

– Какое смехотворное предположение! С какой стати ему нападать на т'лан имасса?

– Для сегулехов самое главное – определить ранг незнакомца. Если сомневаешься в том, какое положение кто-то занимает в иерархии, испытай его. Времени зря эти ребята не тратят. Госпожа Зависть сурово взглянула на слугу:

– Изволь вести себя прилично, – и махнула рукой, велев ему уйти с глаз долой.

Сену вздрогнул и заметно напрягся.

У Тока опять зачесался шрам. Он вполголоса выругался и стал неистово скрести пустую ладонь.

Сегулех отступил в маленькую комнатку. Ток уже было решил, что он там и останется, однако Сену, немного помешкав, неожиданно развернулся и повел всех по коридору. Изогнутый коридор оканчивался центральным залом, посреди которого уходила вверх винтовая лестница, ведущая на верхние этажи башни. Стены были отделаны ноздреватой пемзой и начисто лишены каких-либо украшений. В дальнем углу помещения стояли три сделанных из известняка саркофага с прислоненными к стене крышками. Рядом сидел пес Гарат, которого госпожа Зависть послала вперед предупредить слуг. Почти у самого входа помещался круглый деревянный стол, уставленный свежими фруктами, мясом, сыром и хлебом. Тут же стояли запотевший глиняный кувшин и несколько чашек.

Возле стола замерли двое собратьев Сену. Их позы свидетельствовали о том, что они готовы защищать яства до последнего и, если понадобится, пожертвовать жизнью. Оба были такими же низкорослыми. У каждого на поясе висело по паре мечей. Единственное их различие составляли маски. Если у Сену блестящую поверхность почти сплошь покрывали темные узоры, то у второго сегулеха украшений было меньше, а у третьего и вовсе лишь виднелись на щеках две черные полосы – по одной под каждым глазом. Из прорезей этой маски на них смотрели глаза, черные и твердые, как обсидиан.

При виде т'лан имасса обладатели масок замерли, а потом дружно шагнули вперед.

– А ну-ка прекратите! – шикнула на них госпожа Зависть. – Я запрещаю нападать на моих гостей. Еще одна такая выходка, и у меня лопнет терпение.

Сегулехи вздрогнули, словно бы их огрели плеткой, и послушно отступили на шаг.

– Вот так-то лучше, – кивнула хозяйка и обратилась к Току: – Угощайся, воин. В кувшине – белое сольтанское вино, причем охлажденное.

Ток заворуженно рассматривал сегулеха в странной маске, полосы которой чем-то напоминали шрамы от сабельных ударов.

– Пристальный взгляд расценивается ими как угроза, – почти шепотом сказала ему госпожа Зависть. – Прошу тебя, Ток-младший, ради спокойствия этой трапезы – не говоря уже о сохранности твоей жизни – перестань глазеть на него.

Словно бы очнувшись, бывший вестовой Второй армии поспешно отвел взгляд от сегулеха.

– Спасибо за предупреждение, госпожа. Правда, я никогда не слышал о... Ладно, не будем об этом. Пустяки.

Ток протянул руку к кувшину.

Краем глаза юноша уловил какое-то молниеносное движение, затем за спиной у него раздался негромкий звук, и через всю комнату пролетело тело, глухо ударившись о противоположную стену. Забыв о вине, Ток обернулся... Тлен застыл с поднятым мечом и невозмутимо глядел на двоих сегулехов. В десяти шагах от них на полу лежал Сену: то ли без сознания, то ли мертвый. Оба меча он успел вытащить из ножен лишь наполовину. Баалджаг, стоявшая рядом с т'лан имассом, виляла хвостом.

Госпожа Зависть холодно посмотрела на слуг.

– Что ж, раз моих приказов вам оказалось недостаточно, теперь с вами будет разбираться т'лан имасс. Чувствую, его язык вы понимаете лучше. Я даю ему полное право утихомиривать вас так, как он сочтет нужным... Сену мертв? – спросила она, повернувшись к Тлену.

– Нет, госпожа. У меня нет желания убивать твоих слуг. Я ударил его плашмя.

– Ценю твое великодушие.

Дрожащей рукой Ток-младший взялся за ручку кувшина:

– Позволь налить тебе вина, госпожа Зависть.

Женщина приподняла бровь и слегка улыбнулась:

– Прекрасная мысль, воин. Мы с тобой просто обязаны сохранять хорошие манеры.

– Что ты сумела узнать про Разрыв? – спросил Тлен.

– Гляжу, тебе во всем не терпится добраться до самой сути, – усмехнулась госпожа Зависть. – Чья-то смертная душа залатала Разрыв. Уверена, ты это тоже заметил. Меня больше интересуют особенности этого магического Пути. Он сильно отличается от всех остальных. Его портал представляется мне каким-то странным. Такое впечатление, что... – Она не договорила.

«Разрыв? Так вот чем вызвана кровавая полоса в воздухе!»

– А гробницы к'чейн че'маллей ты уже осмотрела? – задал новый вопрос Тлен.

Госпожа Зависть наморщила нос:

– Мельком. Они давно уже пустые. Думаю, не один десяток лет.

Тлен с легким скрипом наклонил голову.

– Не один десяток лет? – переспросил он.

– Согласна, новость не из приятных. Я считаю, что Матерь потратила немало сил, пока высвободилась. Времени на отдых у нее почти не было. Едва оправившись, она стала освобождать своих детей. Дальнейшие ее следы я нашла в одном сожженном городе на северо-западе. Но там, как мне показалось, ее усилия не увенчались особым успехом. А затем Матерь и вовсе покинула эти места. – Госпожа Зависть ненадолго умолкла. А потом заключила: – Скорее всего, Матерь и была той душой, что залатала Разрыв. А теперь в глубинах магического Пути блуждает еще чья-то несчастная душа.

Т'лан имасс кивнул.

Ток молча ел и уже налил себе вторую чашку вина. Из разговора он не понял ровным счетом ничего. От безуспешных попыток разобраться, о чем идет речь, у него голова пошла кругом, и малазанец решил, что обдумает это позже.

– Мне нужно на север, – сказал он, продолжая жевать зернистый хлеб. – Госпожа, не могла бы ты снабдить меня провизией? Уверю тебя, я не останусь в долгу, сделаю все, что только прика... – Он не договорил, заметив, как хищно блеснули глаза женщины.

– Будь осторожен со своими обещаниями, юнец.

– Прошу прощения, но почему ты называешь меня юнцом? Ты ведь и сама еще совсем молодая: никак не дашь больше двадцати пяти.

– Ты мне льстишь, Ток-младший. Значит, хотя Тлен и узнал меня и кое-что поведал тебе о моем происхождении... признаюсь, меня не слишком обрадовали подобные откровения... но, похоже, тебе имена, которые называл т'лан имасс, ни о чем не говорят.

Ток передернул плечами:

– Про Аномандера Рейка я, конечно же, слышал. Однако не знал, что он отобрал меч у кого-то другого, – и понятия не имею, когда это произошло. Не удивлюсь, если ты ненавидишь Рейка. Можно ли любить того, кто убил твоего отца? Как его звали? Ах да, Драконус. Между прочим, Малазанская империя разделяет твои чувства относительно Аномандера Рейка. А те, у кого есть общий враг...

– Поневоле становятся союзниками. Разумное предположение, но, к сожалению, неверное. Как бы то ни было, я с удовольствием снабжу тебя провизией и вином в таком количестве, какое ты сумеешь унести. А вот помочь тебе с оружием я, увы, не могу. Ну а взамен... возможно, когда-нибудь я попрошу тебя об ответной услуге... Не волнуйся, от тебя не потребуются немыслимых жертв. Всего лишь небольшое одолжение. Согласен?

Току вдруг расхотелось есть. Он оглянулся на Тлена, но лицо т'лан имасса оставалось бесстрастным.

Малазанец нахмурился:

– Даже и не знаю. Ты застала меня врасплох, госпожа Зависть.

Она обворожительно улыбнулась.

«Эх, красавица, познакомиться бы с тобой поближе. Напрасные надежды... Ох, Ток, опять ты думаешь не о том...»

Улыбка женщины стала еще шире.

Покраснев, Ток взялся за чашку, допил вино и объявил:

– Я принимаю твоё предложение.

– Меня восхищает твоё самообладание, Ток-младший. Сразу видно настоящего мужчину.

Он едва не поперхнулся вином.

«Не будь я одноглазым уродом, я бы решил, что она завлекает меня».

– Госпожа Зависть, если ты хочешь больше узнать об этом Разрыве, то здесь ответов не найдешь, – вдруг сказал Тлен.

Току было приятно видеть, как женщина слегка побледнела и перестала улыбаться. Она повернулась к т'лан имассу:

– Неужели? Хватит уже разыгрывать из себя скромника. Потрудись объяснить свои слова.

Ток-младший удовлетворенно хмыкнул, но сразу же сник, поймав на себе мрачный взгляд госпожи Зависти.

– Попробую, – неуверенно ответил Тлен.

«Вечно ты осторожничаешь».

– Прошу, не томи меня, – с заметным раздражением произнесла хозяйка башни.

– Я иду по древней тропе. Морн – всего лишь остановка, но не конечная цель моего путешествия. Оно продолжается и уводит меня на север. Возможно, среди ответов, которые я ищу, найдутся и те, что ищешь ты.

– Ты хочешь, чтобы я отправилась вместе с тобой?

– Мне все равно, какое решение ты примешь, – бесстрастным тоном промолвил т'лан имасс. – Однако, если ты пожелаешь остаться здесь, должен тебя предостеречь. Игры с Разрывом очень опасны – даже для таких, как ты.

– Думаешь, я легкомысленна и беспечна? – с вызовом спросила госпожа Зависть.

– Я думаю, что ты зашла в тупик, отчего отчаяние твое лишь растет. Надеюсь, ты приободрись, узнав, что твои давние спутники направляются туда же – в Паннионский Домин. Каладан Бруд и Аномандер Рейк оба готовятся к войне против этой империи. Неужели подобное совпадение не пробуждает в тебе любопытства?

– А ты не так-то прост, т'лан имасс, – с упреком произнесла женщина.

Тлен промолчал.

– Кажется, теперь он поставил тебя в неловкое положение, – сказал Ток, едва сдерживая свое торжество.

– Дерзость – одна из отвратительнейших черт характера, – огрызнулась госпожа Зависть. – Куда пропала твоя недавняя учтивость, Ток-младший?

Ему вдруг захотелось броситься к ее ногам и умолять о прощении. Отбросив столь нелепое желание, малазанец пробормотал:

– А ты способна больно ужалить.

Лицо ее моментально стало кротким и ласковым. И снова Ток подумал, что неплохо бы познакомиться с этой женщиной поближе. Чтобы не выдать смущения, он отвернулся и принялся чесать шрам.

– Я не хотела тебя уязвить...

«Ага, расскажи кому другому!»

– И искренне прошу меня простить, – добавила госпожа Зависть, после чего обратилась к т'лан имассу: – В таком случае мы все отправляемся в путь. Просто восхитительно!

Она махнула рукой, привлекая внимание слуг:

– Эй! Немедленно займитесь сборами в дорогу!

– Пойду поищу все необходимое для твоего лука и стрел, – сказал Тлен малазанцу. – Будет чем заняться в пути.

– Можно и мне с тобой? Хочу посмотреть, как ты это делаешь. Глядишь, и сам научусь у тебя чему-то полезному.

Т'лан имасса несколько озадачили эти слова, но потом он кивнул.

Сзади слышались стоны лежащего на полу Сену. Сегулех пришел в сознание и увидел нависшего над ним айя. Зверь с явным удовольствием облизывал его маску.

– Баалджаг нравится то, чем нарисованы узоры на маске, – с неизменным бесстрашием пояснил т'лан имасс. – Смесь древесного угля, слюны и человеческой крови.

– Бедный сегулех получил хорошую встряску, – заметил Ток.

Направляясь к двери, госпожа Зависть прошла совсем рядом с юношей, задев его краем одежды.

– Мне не терпится поскорее пуститься в путь!

Ее легкое касание вызвало у Тока странное чувство. Ему вдруг показалось, что в животе шевелится клубок змей. Прислушиваясь к бешено стучащему сердцу, малазанец и сам не знал, радоваться ли ему или страшиться.

Глава вторая

Армия Дуджека Однорукого буквально истекала кровью, сочившейся из многочисленных ран. Войне не было конца, и победы в ней обходились малазанцам куда дороже, чем поражения. Но из всех недугов, терзавших армию Дуджека, самой тяжелой была рана в душе самого полководца...

Всадник Хурлокель. Серебряная Лиса

Устроившись среди камней на склоне холма, капрал Хватка следила за поднимавшимся стариком. Путь наверх давался ему с трудом. Вскоре его тень накрыла то место, где пряталась Мутная, однако незнакомец по-прежнему думал, что он здесь один. Мутная беззвучно поднялась и несколько раз махнула рукой, подавая сигнал своему командиру.

Старик беспечно продолжал карабкаться наверх. Когда он был в полдюжине шагов от Хватки, капрал выпрямилась во весь рост. Посыпалась серая пыль. Женщина направила на старика арбалет и громко рявкнула:

– Стой, путник!

Удивленный старик попятился назад и споткнулся о камень. Не удержавшись на ногах, он зашатался и вскрикнул. Хватке показалось, что незнакомец боится не столько упасть, сколько приземлиться на кожаной мешок, висевший у него за спиной. Испуганный путник сделал еще пару шагов назад и оказался почти у самых ног Мутной.

Хватка усмехнулась:

– Да остановись ты уже, бедолага. Чего струсил? Но на всякий случай предупреждаю: сейчас ты находишься под прицелом пяти арбалетов, так что давай без фокусов. А теперь говори: какая нужда занесла тебя в эти места?

Поношенная одежда старика заскорузла от пыли и пота. У него было странное лицо, словно бы состоящее из отдельных разрозненных фрагментов: широкий лоб нависал над узким лицом со впалыми щеками и скошенным подбородком. Он попытался улыбнуться, но из-за редких кривых зубов, уродливо торчащих в разные стороны, это выглядело как довольно жалкая пародия. Пританцовывая на месте, путник с грехом пополам сумел восстановить равновесие.

– Тысяча извинений, – тяжело дыша, произнес он, боязливо озираясь на Мутную.

Сообразив, что глаза женщины-солдата не предвещают ему ничего хорошего, старик поспешил перевести взгляд на Хватку:

– Я-то думал, по этой тропе не ходят даже воры. Видите ли, сударыня, я вложил в товар, который несу в мешке, все свои сбережения. На то, чтобы охрану нанять, денег уже не хватило. Да что там, я даже мула купить не смог.

– Стало быть, ты торговец, – протянула Хватка. – И куда же идешь?

– В Крепь. Сам я из Даруджистана.

– Я уже догадалась. Между прочим, Крепь теперь в руках малазанской армии. И эти холмы – тоже.

– Про холмы я не знал. Разумеется, мне известно, что Крепь попала в объятия малазанцев.

Хватка подмигнула Мутной:

– Слыхала? В объятия. Хорошо сказано, старик. В нежные материнские объятия. А что у тебя в мешке?

– Я – простой ремесленник, – ответил старик, почему-то внезапно испугавшись. – Э-э-э... мастер, резчик. Делаю всякие безделушки из кости. Из камня тоже: яшма, серпентин.

– Обыкновенные украшения? Или заговоренные? – уточнила капрал. – А с благословениями есть?

– Нет, добрая женщина. Какая там магия, я вложил в них только свой труд и талант. Я работаю один. Что же до благословений... да, мне удалось получить их от одного жреца. Он освятил набор трех браслетов из слоновой кости.

– Какому богу поклоняется этот жрец?

– Тричу, Тигру Лета.

Хватка снисходительно усмехнулась:

– Дурень ты. Трич вовсе не бог. Его называют Первым Героем. Он лишь на полубога тянет. Взошедший из одиночников, который...

– Может, оно и так, да вот только в его честь недавно освятили новый храм, – перебил ее старик. – В Гадробийском квартале Даруджистана, на улице Лысой Обезьяны. Меня как раз нанимали, чтобы я изготовил им кожаный переплет для молитвенной книги.

Капрал удивленно выпучила глаза, затем опустила арбалет:

– А ну-ка, покажи свои браслетики.

Старик услужливо снял со спины мешок, положил его на землю и развязал горловину.

– Предупреждаю: если у тебя в мешке окажется нечто совсем другое, получишь дюжину стрел в свою седую голову.

– Я не тороплюсь расставаться с жизнью, добрая женщина, – пробормотал ремесленник. – И потом, откуда, интересно, вдруг возьмется дюжина стрел, если стрелков всего пятеро?

Хватка насупилась.

– Наши солдаты умеют приближаться незаметно, – выручила ее Мутная.

– Вот-вот, – обрадованно подхватила капрал. – Пока мы тут с тобой болтаем, сюда потихоньку подтянулось еще два взвода. Имей в виду: солдаты следят за каждым твоим движением.

Старик с необычайной осторожностью извлек небольшой сверток, перетянутый бечевкой, и взялся за ее концы.

– Мне говорили, что кость, из которой я вырезал браслеты, очень древняя, – благоговейно сообщил ремесленник. – Она – часть клыка громадного зверя, который некогда был любимой добычей Трича. Тушу этого зверя нашли в мерзлой земле далекого Элинггарта.

– Хватит уже сказок, – огрызнулась Хватка. – Вытаскивай свои проклятые браслеты!

Услышав это, путник испуганно изогнул седые брови:

– Проклятые?! Да как ты можешь говорить такие слова? Боги, простите эту женщину. Неужели ты думаешь, что я бы стал торговать чем-то зловредным?

– С тобой уж и пошутить нельзя. Ну, чего рот разинул? Шевелись, старик. У нас не так много времени.

С губ Мутной слетел какой-то странный звук, за что капрал тут же наградила подчиненную сердитым взглядом.

Наконец ремесленник развернул тонкую кожу и извлек на свет божий три тускло поблескивающих костяных браслета, какие носят на предплечье. Каждый браслет был вырезан из цельного куска кости.

– И где же знаки благословения? – спросила Хватка.

– Их нет. Благословение даровалось иным способом. Браслеты девять дней и десять ночей лежали завернутыми в особую ткань, в покрывало, сотканное из выпавшей во время линьки шерсти самого Трича.

Мутная хмыкнула.

– Из шерсти, выпавшей во время линьки? – поморщилась Хватка. – Тоже мне «благословенная ткань»! Ну и мерзость!

– Штырь бы с тобой не согласился, – пробормотала себе под нос Мутная.

– Я что-то никак в толк не возьму, – продолжала рассуждать вслух капрал. – Один браслет на правую руку, другой на левую. А третий куда? Отвечай, старик! И не вздумай произнести какое-нибудь похабное словцо. У нас с Мутной нежные ушки.

– Все браслеты надеваются на правую руку. Они сцепляются между собой. Так мне объяснил жрец, даровавший благословение.

– Я видела соединяющиеся браслеты, но там всегда были какие-то специальные крючочки. А здесь ничего. Ты, часом, не дуришь нам головы, старик? Покажи-ка, как они сцепляются.

– При всем желании не могу. Это благословенное свойство украшений проявляется лишь однажды, когда купивший их – будь то женщина или мужчина – наденет браслеты себе на руку.

– А вот тут уже попахивает мошенничеством.

– Ничего, сейчас проверим, – сказала Мутная. – Такой обман срабатывает, лишь когда можешь всучить подделку и быстренько смотаться.

– Угу, – поддакнула Хватка. – Помнишь, на рынке в Крепи? Народу было – не протолкнуться. Прямо рай для жуликов. – Она язвительно взглянула на старика. – Но здесь тебе не рынок. Ты один, а нас много. Смекаешь? Сколько ты хочешь за свои браслеты?

Ремесленник поежился:

– Ты выбрала самую лучшую мою работу. Я намеревался выставить браслеты на аукцион.

– Аукциона, как ты понимаешь, не будет. Еще раз спрашиваю: сколько?

– Триста з-золотых «советов».

– Золотых «советов»? Стало быть, в Даруджистане новые монеты появились?

– Если ты собрался торговать в Крепи, то там теперь в ходу малазанские деньги, – пояснила Мутная. – Сколько это будет в переводе на джакаты?

– А я почему знаю? – фыркнула Хватка.

– Могу вам сказать, – осторожно произнес старик. – В Даруджистане за один «совет» дают две джакаты с третью. Если учесть, что одну джакату менялы забирают в свою пользу, то выходит – одна с третью.

Мутная наклонилась, разглядывая браслеты:

– Триста золотых «советов»... Да таких денег хватит целой семье на пару лет безбедного существования, а то и больше.

– Именно на это я и рассчитывал, – признался ремесленник. – Правда, я живу один, и потребности у меня достаточно скромные. Я думал, года на четыре мне хватит, даже если прикупить еще слоновой кости и камней для работы. Отдать браслеты дешевле – это сущее разорение.

– У меня от жалости просто сердце кровью обливается, – сказала Хватка и обернулась к подруге. – Что для солдата деньги? Сегодня ты жив, а завтра...

Мутная передернула плечами.

– Тащи сюда мешочка, – приказала ей капрал.

– Слушаюсь.

Мутная прошла мимо старика и, беззвучно ступая по тропе, исчезла среди камней.

– Умоляю: только не платите мне джакатами, – заскулил старик. – Пожалуйста...

– Успокойся! – прикрикнула на него Хватка. – Сегодня Опонны тебе благоволят. А теперь отойди от мешка. Я должна осмотреть его содержимое.

Кланяясь, мастер попятился:

– Честное слово, все остальное – сущие безделушки. Вряд ли они тебя заинтересуют.

– Я не собираюсь больше ничего покупать, – объяснила Хватка, засовывая руку в мешок. – Просто действую по долгу службы, выполняю приказ.

– А-а-а, понимаю. Есть что-то такое, чего нельзя доставлять в Крепь?

– Есть. Фальшивые джакаты, например. Мы за минувшую неделю изъяли их с избытком. Торговля в Крепи и так еле-еле поднялась с колен. Кстати, новые даруджистанские деньги там тоже не жалуют.

У ремесленника округлились глаза.

– Ты, никак, собралась заплатить мне фальшивыми монетами?

– Была у меня такая мысль, но я не поддаюсь искушению. Говорю тебе, ты сегодня ходишь в любимчиках у Опоннов.

Осмотрев содержимое мешка, Хватка полезла в сумку, что висела у нее на поясе, и достала восковую дощечку:

– Мне нужно записать твое имя. Обычно здешними тропками пользуются контрабандисты. Всячески изворачиваются, чтобы не нарваться на равнине на наш кордон. Но ты вроде человек честный. А ловкачам потом приходится платить за свои хитрости в десять раз больше. Не понимают, дурни, что на кордоне творится такая неразбериха, что в суматохе там куда легче проскользнуть незамеченными.

– Меня зовут Мунуг.

Женщина прищурилась, глядя на него:

– Ну и имена у вас в Даруджистане.

Вернулась Мутная, неся три мешочка с монетами.

– Это настоящие золотые «советы»? – недоверчиво спросил Мунуг.

– Настоящие, не сомневайся. Чувствуешь, какие тяжелые? Эдак ты спину надорвешь, пока дотащишь их до Крепи. А потом еще обратный путь в Даруджистан. Или теперь ты уже не пойдешь в Крепь? Зачем, с такими-то деньжищами?

Хватка спрятала восковую дощечку и подмигнула старику.

– Здравая мысль, – согласился Мунуг, вновь заворачивая браслеты в кожу и отдавая сверток Мутной. – Но я все-таки отправлюсь в Крепь. Нужно же продать остальные поделки. – И, демонстрируя в улыбке кривые зубы, старик беспокойно огляделся по сторонам. – Если Опонны продолжают мне благоволить, я смогу удвоить эти деньги.

Хватка покачала головой:

– Жадность не приносит дохода, Мунуг. Могу побиться с тобой об заклад: через месяц, когда ты будешь возвращаться из Крепи, в твоих карманах не останется ничего. Только дорожная пыль. Что скажешь? Предлагаю поспорить на десять «советов».

– Ну уж нет, ведь, если я проиграю, мне придется отдать тебе целых десять золотых монет!

– Можно и по-другому, старик. У тебя же умелые руки. Сделаешь мне пару-тройку безделушек, и будем в расчете.

– Спасибо за предложение, но все же я не стану биться об заклад.

– Как знаешь, – пробормотала Хватка. – Часа через два начнет темнеть. У нас наверху, почти у самой вершины, разбит перевалочный лагерь. Если поспешишь, успеешь добраться туда еще засветло.

– Постараюсь.

Мунуг продел руки в лямки мешка, кряхтя, выпрямился и опасливо прошел мимо капрала.

– А ну-ка постой, – вдруг велела ему Хватка.

У старика подогнулись колени. Бедняга даже зашатался.

– В чем-де дело? – стуча зубами, спросил он.

Хватка взяла из рук Мутной сверток с браслетами.

– Хочу надеть их и проверить, как абсолютно гладкие браслеты вдруг сцепятся между собой.

– Обязательно проверь, добрая женщина.

Капрал закатала рукав своей пропыленной рубашки. Увидев толстую шерстяную подкладку красного цвета, старик глотнул воздуха и застонал.

Хватка довольно заулыбалась.

– Узнал? Да, мы – сжигатели мостов. А пыль помогает нашей одежде не так бросаться в глаза.

Капрал по очереди надела все браслеты на свою мускулистую руку, изборожденную несколькими шрамами. Послышалось два негромких щелчка, и браслеты без всяких крючков крепко соединились между собой.

– Худ меня побери! – прошептала Хватка. – И правда!

Мунуг широко улыбнулся, но тут же погасил улыбку и почтительно поклонился:

– Теперь я могу идти?

– Проваливай, – разрешила капрал, завороченная зрелищем сцепившихся браслетов.

Мутная проводила ремесленника хмурым взглядом.

Вскоре Мунуг добрался до нужного места. Он настороженно оглянулся (наверное, уже в десятый раз, не меньше). Однако никто и не думал идти за ним следом. Тогда ремесленник проскользнул между двумя стоящими под углом валунами, обозначавшими проход к тайной тропе.

Несколько шагов он проделал в полном сумраке. Затем узкая щель вывела старика на тропку, выходящую среди высоких каменных стен. Здесь его не увидят никакие сжигатели мостов. До захода солнца оставалось уже совсем немного. Мунуг заключил выгодную сделку, однако это его не радовало. Солдаты отняли у него драгоценное время. Если он опоздает на встречу, это может стоить ему жизни.

– Я не слышал, чтобы боги прощали смертных, – тяжело дыша, прошептал старик.

Монеты были тяжелыми, и так же тяжело билось сердце в груди Мунуга. Он не привык к чрезмерным усилиям; как-никак он был резчиком, а не носильщиком. Ноша сгибала спину. Опухоль между ног делала его еще слабее, но горе и страдания лишь обострили зрение и благотворно сказались на таланте. Он вспомнил слова бога: «Именно из-за этих изъянов я и выбрал тебя, Мунуг. Ну и еще, само собой, из-за твоего незаурядного таланта. Я очень в нем нуждаюсь...»

Быть может, бог благословит его, и опухоль спадет. А если нет, то по возвращении в Даруджистан триста золотых монет перекочают к кому-нибудь из искусных целителей, врачующих с помощью Дэнула – магического Пути Исцеления. В конце концов, не даром народная мудрость гласит: «На Бога надейся, а сам не плошай». Так что насчет аукциона в Крепи он не соврал: следовало просчитать запасные варианты, а его безделушки наверняка купили бы за хорошие деньги – такого мастера еще поискать. Но способности ваятеля и резчика были не самыми главными достоинствами Мунуга, хотя созданные им вещи неизменно отличались высоким качеством. Талант живописца – вот его несравненный дар. Незаурядный талант, как без ложной скромности думал о себе Мунуг.

Не обращая внимания на туман, клубящийся под ногами, старик шел дальше. Еще через десять шагов он вступил в магический портал. Утесы и расселины восточной гряды Тахлинских гор полностью исчезли. Туман рассеялся, обнажив бесплодную каменистую равнину под унылым серым небом. На равнине стоял старый шатер, сделанный из шкур. Из отверстия вверху шел сизый дым. Мунуг прибавил шагу.

В груди свербило. Ремесленник припал на одно колено и ухватился за полог шатра. Изнутри послышался надсадный кашель, и хриплый голос произнес:

– Входи, смертный.

Старик вполз внутрь. Едкий густой дым сразу впился ему в глаза, ноздри и горло, но после первого же вдоха от легких начал расходиться слабый холодок. Мунуг остановился у

самого входа. Не решаясь поднять глаза на бога, он вперился взглядом в истлевшие тряпки, которыми был устлан пол шатра.

– А ты запоздал, – упрекнул его бог. Каждое слово сопровождалось присвистом.

– Повелитель, я наткнулся на солдат.

– И они нашли то, что ты должен был мне принести?

Ремесленник злорадно улыбнулся:

– Нет. Они обшарили только мешок. Обыскивать меня им даже и в голову не пришло.

Бог снова зашелся кашлем, но теперь к этому звуку примешался другой. Это затрещала горсть семян, высыпанных им на жаровню.

Мунуг сунул руку под свою ветхую одежду и достал сверток толщиной с книгу. Это была колода деревянных карт. Все еще не решаясь поднять головы, старик неуклюже подал карты богу.

Тот затаил дыхание. Карты зашелестели в его руках. Когда бог вновь заговорил, он придвинулся ближе, и голос его прозвучал уже почти над ухом Мунуга:

– Ты не забыл про изьяны?

– Нет, повелитель. По одному на каждой карте, как ты и приказал.

– Мне это нравится, смертный. Воистину твое искусство неподражаемо. Сколько боли и несовершенства в этих изображениях. Их словно бы разрывает от горя и страданий. От одного лишь вида несчастных на глаза наворачиваются слезы, а сердце обливается кровью. А какое страшное одиночество запечатлено на лицах, нарисованных тобой! Похоже, ты рисовал с натуры и натурой тебе служила собственная душа, – с легкой издевкой добавил бог.

– Повелитель, в моей жизни было мало счастья...

– А его и не могло быть! – резко перебил мастера бог. – Ни в этой, ни в тысяче других жизней, которые тебе суждено прожить, прежде чем ты обретишь спасение. Но его ты должен заработать своими страданиями.

– Повелитель, умоляю: не облегчай мои страдания, – промямлил старик.

– Врешь. Это всего лишь слова. А на самом деле ты мечтаешь совсем о другом: о спокойствии и избавлении от мучений. В мешке у тебя полно золота, и ты веришь, что сумеешь купить на него желаемое. Ты готов и дальше торговать своим талантом, как уличная девка телом, – только бы получить еще денег. Не пытайся этого отрицать, смертный. Я знаю твою душу. В рисунках на картах хорошо отражены и ее алчность, и жажда мирских удовольствий. Не бойся, твои чувства забавляют меня, ибо они ведут к отчаянию.

– Да, повелитель.

– А теперь, Мунуг из Даруджистана, получи награду...

Старик пронзительно вскрикнул. Опухоль между ног вспыхнула и обожгла его нестерпимой болью. Скрючившись, несчастный повалился на грязный пол.

Бог захохотал. Вскоре отвратительный звук его хохота перешел в затяжной приступ кашля.

Боль, скрючившая Мунуга, постепенно ослабевала.

– Ты исцелен, смертный. Я также продлил твою никчемную жизнь. Но мне претит совершенство. Более того, оно является моим собственным проклятием, а потому совершенства не может быть и у моих возлюбленных чад.

– П-повелитель, но я не чувствую н-ног!

– Они мертвы, Мунуг. Такова была плата за избавление от опухоли. Увы, дальше тебе придется добираться ползком. Долгий, утомительный путь. И запомни, дитя мое: значимо само путешествие, а не его цель.

Бог опять засмеялся, чем вызвал новый всплеск кашля.

Чувствуя, что пора покидать шатер, Мунуг кое-как развернулся. Он помогал себе руками, волоча омертвелую нижнюю часть тела. Выбравшись наружу, старик перевернулся на спину. Лицом он уперся в мешок. Ободки золотых монет больно врезались ему в лоб.

– Моя награда, – прошептал он. – Благословенно касание Павшего. Веди же меня, повелитель, по тропам отчаяния, и пусть боль этого мира никогда не оставляет меня. О, я заслужил ее, как никто другой...

Из-за полога шатра донесся хриплый смех.

– Бережно сохрани в памяти это мгновение, Мунуг! Благодаря тебе началась новая игра. Благодаря тебе вскоре весь мир содрогнется!

– Моя награда, – закрыв глаза, едва слышно произнес старик.

Ремесленник давно уже скрылся из виду, а Мутная все смотрела на тропу, по которой он ушел.

– Ох, чует мое сердце, тут что-то неладно, – пробормотала она.

– Ты о чем говоришь? – спросила Хватка, не поднимая головы.

– Да об этом старикашке. Он не тот, кем кажется.

– Чему тут удивляться? Все они темнят. Будет он перед тобой душу наизнанку выворачивать!

Капрал опять попробовала стянуть с руки костяные браслеты:

– Никак не снимаются. Но ведь пролезали же, когда надевала. А теперь словно распухли. Очень странно.

– Гляди, капрал, как бы у тебя рука не отсохла, – подлила масла в огонь Мутная.

Хватка встревожилась:

– Думаешь, они все-таки проклятые?

Ее подруга передернула плечами:

– На твоём месте я бы поспешила к Быстрому Бену и показала ему эти штучки. Может, все тут не так просто.

– Чтоб ты подавилась волосатыми яйцами Тогга! Где ты раньше была со своими подозрениями?

– Да какие там подозрения? Я только сказала, что старик странный какой-то... Ну что, не получается?

– Никак не снимаются, – нехотя призналась Хватка.

– М-да, – протянула Мутная и отвернулась.

Хватке захотелось как следует врезать подчиненной, но капрал благоразумно отбросила эту мысль, поскольку с тех самых пор, как они вдвоем заступили на пост, подобное искушение посещало ее по меньшей мере раз десять на дню. Хватка закусил губу. Хороши будут сжигатели мостов, если начнут колошматить друг друга!

– Триста монет за то, чтобы рука отсохла. И на кой ляд мне понадобились эти браслеты?

– Не раскисай, капрал. Во всем есть свои плюсы. Если вдруг останешься без руки, то, по крайней мере, у вас с Дуджеком будет общая тема для разговоров.

– Ну и стерва же ты временами бываешь! – скривилась Хватка.

Мутная вкрадчиво улыбнулась:

– Скажи лучше: ты подложила старику в мешок камешек?

– Угу. Он все боялся, что мы станем его обыскивать. Когда я под конец остановила его, бедняга вообще чуть в обморок не упал со страху. Видела?

Мутная молча кивнула. Хватка со вздохом расправила рукав.

– Так что теперь Быстрый Бен не потеряет этого старикашку из виду.

– Если только тот не обыскал мешок и не вытряхнул оттуда камешек.

– Ему сейчас явно не до того, – возразила Хватка. – Можешь не сомневаться: если этот тип и нес что-то ценное, то такие штуки прячут под рубаху, а не в мешок. Кстати, одну мою

наживку он заглотил с ходу. Теперь в Крепи будет кричать на всех углах, чтобы в эти места не совались. Пока ты ходила за деньгами, я убедила старика, что через кордон на равнине прошмыгнуть куда проще.

Мутная заулыбалась во весь рот:

– Небось толкнула ему сказочку про «неразбериху на перекрестке»? Что ж, отчасти верно, поскольку команда Парана уже не знает, куда девать захваченную контрабанду.

– Пойдем-ка, подруга, лучше займемся ужином. Моранты редко опаздывают, – сказала ей Хватка.

Она не ошиблась. Черные моранты прилетели вскоре после наступления темноты. Послышался знакомый шелест крыльев. Заметив сигнальный круг из фонарей, расставленных Хваткой и Мутной, моранты направили вниз своих кворлов – диковинных летающих тварей, которых люди до сих пор побаивались. Едва только шесть тонких ног одного из кворлов коснулись земли, вниз соскочил человек. Бормоча проклятия, он направился к фонарям.

– Давно тебя не видали, Бен, – улыбнулась ему Хватка.

– Что у вас тут творится, капрал? – довольно сердито спросил маг.

Улыбка сползла с лица женщины.

– Что у нас может твориться? Тишина, глушь. А почему ты спросил?

Худощавый, насквозь пропыленный мужчина оглянулся на черных морантов. Те успели уже слезть с кворлов и тоже шли сюда. Быстрый Бен понизил голос:

– Давай начистоту. На подлете сюда я чуть не выпал из этого поганого седла. Окружающие холмы просто бурлят магической силой. С чего бы это вдруг? – Чародей подошел ближе, и глаза его вспыхнули. – Слушай, Хватка! От тебя тоже так и разит магической силой.

– Торжествуй, Мутная! – прошипела капрал, выплеснув в словах всю язвительность, какая в ней накопилась. – Твои дрянные предчувствия оправдались.

– Ты, никак, сподобилась благословения кого-то из Взошедших? – с заметным беспокойством осведомился Быстрый Бен. – Ну и дура же ты, Хватка! Скажи хоть, кто тебя погладил?

– А если Трич? – с вызовом произнесла капрал. – Не так уж плохо для воина: Тигр Лета, Властитель Битв.

– Лет пятьсот назад и впрямь было бы неплохо. Но Трич давно уже пребывает в облике одиночника. Он перестал думать как человек. Пойми, Хватка, Трич теперь не просто неразумен – он превратился в безумца!

Мутная захихикала.

– Что смешного я сказал? – порывисто обернулся к ней маг.

– Это я так. Прошу прощения.

Хватка закатала рукав и показала браслеты.

– Все дело в них, Бен, – торопливо объяснила она. – Ты можешь их снять?

Увидев костяные украшения, колдун даже отпрянул. Он покачал головой:

– С каким-нибудь другим, более рассудительным и здравомыслящим Взошедшим можно было бы попробовать... договориться. Ладно, не бери в голову.

– Как это «не бери в голову»? – Хватка вцепилась в плащ Бена. – Хорошо тебе говорить! Ах ты, червяк ползучий!

Она вдруг замолчала, и только обезумевшие глаза сверлили оторопевшего чародея.

– Что с тобой, женщина? – тихо спросил Быстрый Бен.

– Прости, пожалуйста.

Она разжала руки. Быстрый Бен поправил сползший плащ.

– Проводи морантов к вашему тайнику, – велел он Мутной.

Та молча отправилась выполнять приказ.

– Капрал, а откуда все это взялось? – спросил Бен Хватку.

– Браслеты?

– Да забудь ты хоть на время про браслеты. Я говорю про даруджистанские денежки. Кто их привез?

– Тут вообще странная история. Прикинь, на дороге вдруг появляется громадная повозка. Не пойми откуда, как будто с небес свалилась. Представляешь? Только что дорога была пустой, и вдруг – на тебе! Шестерка взмысленных лошадей, запряженных в фургон. А дорога-то узенькая, по ней едва двуколка проедет. Не веришь? Но не я же одна видела, как они появились. Стражники вооружены до зубов и постоянно озираются по сторонам. Будешь тут озираться, когда в повозке целая куча золотых монет – аж десять тысяч «советов»!

– Тригальльская торговая гильдия, – поморщился Быстрый Бен. – Никогда не знаешь, чего от них ждать... И еще вопрос: ты израсходовала все мои камешки?

– Ага, все.

– И кому подложила последний маячок?

– Неужели сам не чувствуешь, маг? Это же твои камешки.

– Если бы чувал, не стал бы спрашивать. Так кому ты его подкинула?

– Ремесленнику, делающему разные безделушки.

– Уж не от него ли у тебя эти браслеты?

– От него. Но ими этот тип дорожил больше, чем всем остальным. Я специально порылась в его мешке. Любопытные штучки, но ничего особенного.

Невдалеке черные моранты деловито грузили на кворлов мешки с деньгами. За ними с ухмылкой наблюдала Мутная.

– Вряд ли этот ремесленник ушел далеко отсюда, – сказал Быстрый Бен. – Думаю, я сумею его найти, и довольно скоро...

Маг отошел в сторону и, выбрав удобное местечко, сел, скрестив ноги.

Вечерний воздух становился все прохладнее. С запада, со стороны Тахлинских гор, потянуло ветром. Звезды над головой заблестели ярче, словно на них поплевали и потеряли тряпкой.

– Эй, Мутная! – окликнула капрал подругу. – Скажи морантам, чтобы приготовили еще два седла.

– Есть, – отозвалась та.

Конечно, Крепь – не самое лучшее место на земле, но там хотя бы ночи теплые. Это лет десять назад Хватка могла спокойно ночевать на жесткой холодной земле. Нынче возраст уже не тот. Ей хватило недели, пока они дожидались прибытия денег. И так все кости ломит. Теперь, после щедрого подарка даруджистанцев, Дуджеку наконец-то будет на что купить все необходимое для армии. Если Опонны от него не отвернулись, еще неделя – и они выступят в поход. Была бы армия, а война всегда найдется. И скорее всего, потопают они напрямик в Паннионский Домин, зашиби Фэнер копытом тамошнего правителя!

Вот уже два месяца, как Быстрый Бен покинул Даруджистан. Его включили в число помощников Скворца, который получил звание командора, превратившись из простого сержанта в непосредственного заместителя Дуджека Однорукого. Быстрому Бену поручили сплавивать ряды мятежной армии. Как ни странно, штабная волокита и чародейство в малых дозах великолепно сочетались друг с другом. Маг тщательно плел сеть, подбирая себе надежных людей в самой Крепи и в окрестностях города. Армия нуждалась в деньгах. Где-то хватало проникновенных слов, чуть усиленных магическим действием, где-то приходилось устанавливать и взимать подати. Захватывая города, малазанцы добавляли их к своей империи, будто нанизывая новые бусины на нить. Военное правление неизменно сменялось гражданским. Без этого никак, ибо полное отсутствие власти грозило хаосом. И не важно, что пути Малазанской империи и армии Дуджека Однорукого разошлись, Крепь и ее окрестности нуждались в каком-то порядке. Бен с усмешкой подумал, что ему все равно приходится исполнять обязанности имперского чиновника.

«Неужто мы и в самом деле мятежники и отступники? Выходит, что да, и Худ мечтал бы увидеть нас примкнувшими к его стаду. Только вот зеленых пастбищ там нет».

Дуджек находился в состоянии томительного ожидания, хотя внешне сохранял невозмутимость. Армия Каладана Бруда по прозвищу Воевода двигалась без особой спешки и только вчера вышла на равнину к северу от Крепи: в центре – тисте анди, на одном фланге – наемники и баргасты из клана Ильгресов, а на другом – рхиви с их огромными стадами бхедеринов.

Но войны с армией Бруда не будет. На этот раз – не будет.

«Клянусь безднами Хаоса, кажется, обе стороны намерены заключить союз и вместе воевать против нового врага. С даруджистанскими властями мы, кажется, нашли общий язык. Если переговоры с Брудом не сорвутся... хотя вроде бы не должны. И он, и мы понимаем угрозу, исходящую от нового государства, где правит оголтелый фанатик, объявивший себя Провидцем. Паннионский Домин – так зовется эта империя, поглощающая город за городом. Но почему у меня такие скверные предчувствия насчет будущей войны?.. Что-то я отвлекся. Пора искать ремесленника, унесшего мой камешек-маячок...»

Закрыв глаза, Быстрый Бен ослабил узы своей души и покинул тело. Поначалу он совсем не ощущал камешка. Ну и где же этот обыкновенный речной голыш, наделенный крупницей магической силы? Чародей решил двигаться дальше, рассчитывая, что рано или поздно близость маячка обострит его чувства. Что ж, придется искать на ощупь, а этого Быстрый Бен очень не любил.

«Ага, кажется, нашел!»

Бену показалось, что камешек где-то рядом. Маг будто пересек некую невидимую преграду. Перед глазами по-прежнему было темно. Ни одной звезды в небесах. Зато внизу появилась твердь.

«Я – внутри одного из магических Путей. Самое противное, что я никак не могу его опознать. Вроде бы знакомый, но в то же время и нет».

Впереди чародей заметил какое-то странное красноватое сияние, поднимавшееся снизу. Оно совпадало с местонахождением камешка. В затхлом воздухе отчетливо пахло сладковатым дымом. Тревога Быстрого Бена усилилась, но маг полетел на свет.

Вскоре он увидел и его источник – жаровню внутри ветхого шатра. Полог был опущен. Кто находился в шатре, этого Бен не чувствовал. Маг приблизился к нему и притаился у входа, но войти пока не решался.

«Любопытство – самое страшное мое проклятие, но, увы, мало просто осознать порок, чтобы от него избавиться».

Чародей неслышно отвернул клапан и оказался внутри шатра.

У противоположной стены, шагах в трех от мага, сидела какая-то закутанная в покрывало фигура. Рядом стояла жаровня с углями. Наклонившись над ней, незнакомец вдыхал дым, поднимающийся сизыми кольцами. Дышал он шумно и натужно. Из-под покрывала торчала рука. Она была не просто костлявой – казалось, все ее кости перебиты и переломаны. Лица Быстрый Бен не видел, но отчетливо услышал голос, негромкий и хриплый:

– Входи, чародей. Я знал, что кто-то из ваших обязательно придет сюда.

Быстрый Бен призвал на помощь все свои магические Пути. Доступными сейчас оказались только семь, хотя их у него было больше. Через его бесплотное тело потекли волны колдовской силы. Появилось ощущение, близкое к всемогуществу, но радости чародею оно не принесло. Быстрый Бен хорошо знал, насколько ложно это чувство и как губительно для тех, кто в него поверит.

– Думаю, теперь ты понял... – Сидящий не договорил, зайдясь в приступе надсадного кашля. – Ты понял, что должен забрать свой камешек. Меня восхищает твоя незаурядная сила, смертный. Но быть связанным с тобой...

– Кто ты? – спросил его маг.

– Раздавленный. Разбитый. Прикованный к труп, что находится под нами и бьется в лихорадке. Я не просил о такой участи. Я знал иную жизнь, где не было боли...

Невидимая рука Быстрого Бена протянулась за стену шатра, ощупывая землю. Глаза мага широко раскрылись, затем медленно сомкнулись.

– Ты наделил ее болезнью, – с упреком сказал он.

– Да, – тяжело выдохнул его собеседник. – Здесь я подобен раковой опухоли. И с каждой минутой становлюсь все опаснее. Я впился в ее плоть, но ей все равно не проснуться.

Сидящий повернулся. Из-под грязного покрывала послышался лязг цепей.

– Твои боги, смертный, заковали меня в эти цепи и решили, что расправились со мной.

– И ты хочешь, чтобы в обмен на камешек я чем-нибудь тебе помог? – спросил чародей.

– Угадал. Если я здесь страдаю и мучаюсь, то пусть и твои боги тоже познают страдание.

Быстрый Бен открыл все свои магические Пути. Шатер захлестнуло волнами невидимой силы. Сидящий у стены с криком отпрянул. Покрывало на нем вспыхнуло. Огонь охватил его длинные спутанные волосы. С последним всплеском магической силы Быстрый Бен вернулся в шатер. Растопырив пальцы, он ткнул увечного в глаза, а затем ударил в лоб. Голова закованного в цепи запрокинулась. Другой рукой маг безошибочно отыскал и быстро выхватил из-под лохмотьев свой камешек.

Но сила магических Путей Быстрого Бена иссякла. Он метнулся к выходу, слыша за собой громкий лязг цепей и полный ярости вопль узника. Выбравшись наружу, маг бросился прочь... Сзади его ударило яростной волной. Она опрокинула Быстрого Бена на землю. Как ни пытался чародей вырваться из незримых пут, некая иная сила неумолимо тянула его назад. Кожа на пальцах была содрана, и с них капала темная кровь.

«Прости меня, Огнь», – мысленно прошептал Быстрый Бен.

А чужая сила волокла его все ближе к входу в шатер. Кем бы ни был закованный в цепи, маг чувствовал его бешеную ярость и звериный голод. Но что еще хуже, Быстрый Бен ощущал свою полную беспомощность.

– Теперь и ты познаешь такую же боль! – взревел древний бог.

Неожиданно из-под земли высунулась громадная рука: будто младенец-великан потянулся за игрушкой. Да вот только игрушкой был живой человек. Быстрый Бен закричал, но его рот тут же забился землей с привкусом горечи. Сверху приглушенно доносились яростные крики древнего бога.

Быстрого Бена тащило вниз, во владения Спящей Богини, сквозь ее плоть. Стало трудно дышать. Разум окутала темнота.

Маг закашлялся, выплевывая из себя комья земли. В освобожденные легкие хлынул сладковатый воздух. Быстрый Бен протер глаза, затем перевернулся на бок. Стоны, которые он теперь слышал, исходили не от закованного в цепи древнего бога. Почва под ногами вздымалась и оседала. Опираясь на руки и колени, маг приподнялся. Его тело было изранено, а одежда порвана в клочья. Но главное, он был жив. Быстрый Бен поднял голову и едва не вскрикнул.

Перед ним высилась гора, отдаленно напоминающая человеческую фигуру. Она была раз в пятнадцать выше его и почти доставала до куполообразного свода пещеры. Темную глиняную глыбу украшали блестящие драгоценные камни, придававшие ей еще более жуткий вид. Казалось, чудовище не замечает Быстрого Бена, хотя это ведь именно оно спасло мага от мести Увечного Бога. Громадные руки были подняты к потолку, а пальцы упирались в крышу цвета ржавчины. На потолке тускло поблескивали ряды искривленных белых брусьев, напоминавших ребра.

Дальше, в тысяче шагов от первого монстра, находился второй. И он сидел на корточках, подняв руки. Поморщившись, Быстрый Бен повернулся в другую сторону. Там тоже высились эти странные чудовища. Слуги Спящей Богини. Их было не то четверо, не то пятеро. Пещера, искривляясь, терялась во мраке.

«Я попал внутрь Огни – Спящей Богини. Это живой магический Путь, состоящий из плоти и костей и населенный ее служителями».

– Благодарю тебя за спасение! – крикнул маг возвышающемуся над ним страшилищу.

Плоская бесформенная голова слегка наклонилась. Бриллиантовые глаза вспыхнули, будто падающие звезды.

– Помоги нам.

Голос был тоненьким, совсем детским. Маг уловил глубокое отчаяние служителя.

– Помочь? – повторил Быстрый Бен. – А что случилось?

– Она слабеет, – застонал великан. – Наша мама теряет силы. Мы гибнем. Помоги нам.

– Но как?

– Умоляю тебя, помоги.

– Я не знаю, как и чем вам помочь.

– Помоги!

Быстрый Бен с трудом встал. Глиняная плоть таяла у него на глазах. Вместе с кусками глины вниз падали драгоценные камни.

«Теперь я понял! Увечный Бог отравляет плоть Огни, обрекая ее служителей на гибель».

Мысли мага лихорадочно закружились.

– Служитель! Дитя Огни! Сколько еще вы сможете продержаться?

– Недолго, – всхлипнув, ответил служитель. – Наша погибель близка. Она уже совсем рядом.

Отчаяние великана напугало Быстрого Бена.

– Насколько близка? Ты можешь ответить поточнее? Мне надо знать, сколько времени осталось. Понимаешь? Я должен подумать над тем, как спасти ее и вас.

– Времени очень мало. Всего лишь несколько десятков лет. Нам вот-вот придет конец. Пожалуйста, помоги!

Маг вздохнул. Для таких существ, как эти служители, века были все равно что дни. Так что на самом деле время еще есть. Но безысходность, овладевшая великаном, передалась и ему, равно как и ощущение смертельной опасности.

«Что будет, если Огнь вдруг погибнет? Страшно даже подумать. Вызов брошен, и отныне эта война становится моей».

Быстрый Бен огляделся, затем достал камешек:

– Служитель, я оставляю свою метку, чтобы снова вернуться сюда. Обещаю, я найду способ вам помочь. Я скоро вернусь.

– Мне ты уже не поможешь, – пропищал монстр. – Я умираю. Помоги другим.

Чародей вскинул голову. От громадных глиняных рук великана, упиравшихся в ребра Огни, почти ничего не осталось.

– Я сейчас умру, – прошептал служитель.

Глина исчезла, как будто ее и не было. На месте огромных рук появились ржаво-красные пятна. Ребра покрылись трещинами.

– Я найду ответ, – прошептал Быстрый Бен. – Клянусь.

Он махнул рукой, открыв свой магический Путь. Не оглядываясь, чтобы горестная картина не сокрушила ему сердце, Быстрый Бен скрылся внутри портала.

Кто-то немилосердно тряс его за плечо. Быстрый Бен открыл глаза.

– Ну наконец-то очнулся, – проворчала Хватка. – Скоро начнет светать. Нам пора лететь.

Кряхтя, маг выпрямил затекшие ноги. Каждое движение заставляло его болезненно морщиться. Капрал помогла ему встать.

– Ну, нашел его? – спросила Хватка, ведя чародея к ожидавшему их кворлу.

– Кого?

– Да свой дурацкий камешек!

– Нет. Слушай, Хватка, у нас большие проблемы. Мы в беде.

– Тоже мне новость! А когда-нибудь было иначе?

– Я говорю не только про сжигателей мостов. Мы все в беде. – Быстрый Бен остановился, пристально глядя ей в лицо. – Я имею в виду вообще всех. Понимаешь?

Хватка вздрогнула, но совладала с собой.

– Потом поговорим. А сейчас нам нужно убираться отсюда.

– Да. Ты только крепче привяжи меня к седлу. Боюсь, я по дороге усну.

Они подошли к кворлу. Морант, восседавший спереди в хитиновом седле, повернул к ним голову, но ничего не сказал. Хватка помогла Быстрому Бену забраться и стала проворно обматывать его веревкой.

– Королева Грез, будь мне свидетельницей. Таким перепуганным я тебя еще не видела. У тебя такое лицо, что я от страха вот-вот обмочусь льдинками!

Это были последние слова, которые в ту ночь запомнил Быстрый Бен.

Ганос Паран тонул в пучине, только была она заполнена не водой, а тьмой, в которой мелькали некие смутные образы. Он беспорядочно метался по каким-то неведомым местам, уже отчаявшись их узнать. Стоило закрыть глаза, и начиналось бешеное головокружение. Кишки в животе буквально завязывались в узел. Паран вновь превращался в испуганного, ничего не понимающего ребенка.

Капитан покинул равнинный кордон, через который в обе стороны непрерывно проезжали одинокие купцы и целые торговые караваны. Некоторым из путников, последним на сегодня, еще предстояло задержаться здесь и показать малазанским солдатам содержимое своих седельных сумок и повозок. Выполняя приказ Дуджека Однорукого, Паран разбил лагерь в узкой горловине перевала. Пошлины и штрафы за нарушение многочисленных правил служили армии неплохим финансовым подспорьем. Но постепенно весть о кордоне распространилась повсюду, заставив торговцев и контрабандистов быть осторожнее. Денежный ручеек стал пересыхать. Парану пришлось несколько отпустить вожжи, снизив пошлины и в некоторых случаях закрывая глаза на контрабанду. Капитан не был в восторге, но требовалось соблюдать хрупкое равновесие, ибо сохранение прежних строгостей грозило уничтожить на корню торговлю между Даруджистаном и Крепью. Впрочем, кордон был наименьшей из проблем, с которыми столкнулся Паран.

После событий в Даруджистане жизнь его сделалась суматошной: капитан чувствовал, что его несет по течению, бросает туда-сюда, словно щепку, а все потому, что он связался с опальным Дуджеком Одноруким и его объявленной вне закона армией. Прежних каналов снабжения больше не существовало, и на плечи оставшихся офицеров легли непомерные тяготы. Десять тысяч солдат, которые еще вчера умели думать и действовать самостоятельно, вдруг превратились в растерянных ребятишек, нуждающихся в поддержке старших.

Но капитан Паран был не в состоянии их поддержать, ибо тоже постоянно пребывал в растрепанных чувствах, не в силах преодолеть внутреннее смятение. Сам он считал, что всему виной кровь зверя, Гончей Тени, бурлившая в его жилах. Ночи превратились в сущий кошмар. Парана преследовали какие-то бессвязные картины, причем только очень немногие из них были его собственными воспоминаниями. Дни проходили, словно в тумане больших и малых забот. Хуже всего капитан чувствовал себя в роли третейского судьи, решая очередной спор между солдатами и торговцами, заподозренными в контрабанде.

Странное недомогание длилось уже несколько недель подряд. Паран почти убедил себя, что знает, в чем корень зла.

«Кровь зверя. Пса Тени, который ринулся в царство самой Тьмы... Эмоции бурлят во мне, словно у маленького ребенка. И я вижу все его глазами. О боги, но ведь это не я сам: это какой-то другой ребенок...»

Паран в который раз уже прогнал от себя эту мысль, хотя знал, что вскоре она вернется снова и вызовет в животе противное жжение. Взглянув туда, где сидел Ходок, капитан пошел вверх по склону.

Странный недуг трансформировал его личность и душу. Перемены одновременно злили и пугали Парана. Собственная душа представлялась ему чем-то вроде жалкой, взмокшей от пота крысы, попавшей в каменную лавину. Бедняжка отчаянно пищала, лихорадочно металась туда-сюда, уворачиваясь от катящихся булыжников. Земля дрожала под ее лапами. Крыса мечтала найти хоть какое-то укрытие, чтобы отсидеться и переждать напасть.

«Клочок земли, чтобы дышать спокойно и не бояться, что тебя заденет... А камни все несутся и несутся... а потом пропадают, и появляется тягучая тьма».

Паран пробовал думать о былой победе в Даруджистане... Замыслы императрицы Ласин провалились: она так и не завладела городом. Даруджистан удалось спасти от разрушений. Скворец и солдаты из его взвода, которых отправили на верную смерть, остались живы. Разве этого мало?.. Но сейчас все это казалось Парану не более чем горсткой пыли на его жизненном пути.

Он стал совсем не тем, кем был прежде, и таким он себе очень не нравился.

Окружающий мир виделся ему омраченным болью, разобщенным ею. Мир превращался в чужой дом, из которого не убежишь.

«Кровь Пса Тьмы... она шепчет о свободе. О выходе, но выходе не *из* тьмы, а *во* тьму. Туда, куда ушли Гончие... в самое сердце Драгнипура – проклятого меча Аномандера Рейка»

При этой мысли Паран едва не выругался вслух. Он шел по тропе, вьющейся вдоль холма, прозванного Водоразделом. День быстро тускнел. Затих свистевший в траве ветер. Хриплый голос в мозгу Парана сменился шепотом.

Этот шепот крови Гончей Тьмы был не единственным. Были и другие голоса; каждый из них требовал безраздельного внимания к себе, каждый предлагал способ бегства.

«Бегство, всегда только оно. Трус способен думать лишь о том, как бы слиться... особенно когда ноша начинает давить все сильнее и сильнее».

Разобщенность.

«Все, что я вижу вокруг, кажется мне... чужими воспоминаниями. И трава на пологих холмах, и камни на вершинах. Заход солнца и прохлада, которую несет ветер... пот, высохший на моем лице... Потом спускается темнота, и я пью воздух, будто он – самый сладостный из всех напитков. Боги, что же все это значит?»

Ходок, воин-баргаст, сидел среди пожухлой травы. Дневной поток путников начал иссякать, и над дорогой с глубокими колеями уже не висели плотные облака пыли. Те, кто не успел сегодня пересечь малазанский кордон, располагались на ночлег: к посту уже привыкли. Если все останется по-прежнему, рядом может очень скоро возникнуть придорожная деревушка. Такие поселения, как известно, растут очень быстро.

«Да нет, какое там останется по-прежнему. У нас просто терпения не хватит. Дуджек уже обрисовал всем ближайшее будущее. Снова поход, опять привкус дорожной пыли во рту. Но самое скверное – на этой карте нет значков, обозначающих неожиданности и подстерегающие путников ловушки. А ведь сжигатели мостов непременно с ними столкнутся».

Затаив дыхание и морщась от приступов боли, капитан Паран остановился. Он присел на корточки рядом с обнаженным до пояса Ходком. Мускулистое тело баргаста покрывали замысловатые узоры татуировки.

– Тебя с утра так и раздувает от важности, Ходок, – заметил он. – Ну прямо вожак стада бхедеринов. Что это вы со Скворцом задумали, а?

Широкие тонкие губы баргаста сложились в подобие улыбки. Глаза его продолжали следить за дорогой.

– Конец холодной тьме, – буркнул он.

– Тебя, никак, Худ поцеловал, дурень? Какой там конец тьме, если солнце вот-вот сядет?

– Конец холоду и неподвижности, – продолжал вещать Ходок. – Конец всеохватным сумеркам. Я – сказание, которое слишком давно уже не звучало в этом мире. Я – меч, готовый выпрыгнуть из ножен. Я – железо. Свет моего дня ослепит вас всех! Ха-ха-ха!

Паран сплюнул на траву:

– Молоток предупреждал меня о внезапно проснувшемся в тебе... красноречии. А еще он сказал, что это не сулит ничего хорошего, поскольку ты потерял последние крупинки разума.

Баргаст ударил себя в грудь. Звук получился гулким, как от барабана.

– Я – сказание, и вскоре оно прозвучит. Ты услышишь его, малазанец. Вы все услышите.

– Солнце иссушило тебе мозги, Ходок. Вечером мы возвращаемся в Крепь. Впрочем, думаю, ты уже знаешь об этом от Скворца. Колотун сменит тебя на посту.

Капитан Паран встал, и боль вновь нахлынула на него.

– Я пошел дальше, – сказал он баргасту.

«Худ меня побери, Скворец! Хитрая ты бестия. Ну что же такое вы с Дуджеком опять затеяли? Нацелились на Паннионский Домин? Какое вам дело до безумца, считающего себя Провидцем и спасителем мира? Разве он первый? Мало ли было умников, свихнувшихся на сомнительных религиозных учениях? Потом у них непременно появлялись сподвижники, фанатики под предлогом борьбы за чистоту веры развязывали гражданскую войну... И вот уже очередной цветок раздавлен и втоптан в грязь на бесконечной дороге истории.

Сейчас он еще жив и цветет, этот цветок. Только лепестки потускнели. Так бывает всегда... Однажды Малазанская империя тоже убедится, что и она смертна. И тогда на нее опустятся сумерки».

Живот опять скрутило от боли.

«Хватит уже думать о Малазанской империи. И о так называемой Великой чистке, затеянной Ласин. Положись на Тавору, Ганос. Твоя сестра спасет Дом Паранов. У нее это получится гораздо лучше, чем у тебя. Верь в свою сестру...»

Боль слегка отпустила. Капитан глотнул воздуха и побрел вниз, к дороге.

«Я тону. Клянусь Бездной, я снова тону».

Карабкаясь с ловкостью горной обезьяны, Колотун добрался до вершины. Еще несколько шагов – и кривоногий сапер оказался возле того места, где сидел Ходок. Подкравшись к баргасту сзади, Колотун с силой дернул его за косицу.

– Обожаю смотреть, как ты выпучиваешь глаза, когда я это делаю, – признался Колотун, усаживаясь рядом.

– Ты, сапер, – просто пена вокруг камешка, что лежит в ручье, текущем через грязное пастбище для свиней.

– Прекрасное сравнение, хотя и излишне многословное. Наверное, ты и нашему капитану ловко голову задурил?

Баргаст не ответил. Его взгляд был устремлен вдаль, туда, где проступала стена Тахлинских гор.

Колотун сорвал с головы обгоревшую кожаную шапочку и принялся сосредоточенно чесать остатки жидких волос. Глаза его с любопытством разглядывали застывшего Ходока.

– А вообще-то, сильно сказано. Есть в твоих словах что-то благородное и таинственное. Мне понравилось.

Ходок улыбнулся, обнажив острые голубоватые зубы:

– Я изрекаю. А объяснения... пусть этим заморачивается Скворец.

– Пока что ему не до объяснений. Дуджек приказал всем собраться в Крепи. Хочет знать, сколько сжигателей мостов уцелело. Паран будет счастлив: наконец-то он получит под свое начало целый полк вместо двух жиденьких взводов. Кстати, Скворец ведь упоминал о предстоящих вскоре переговорах с Брудом?

Ходок медленно кивнул.

– А можно подробнее? – нахмурился Колотун.

– Они скоро должны начаться.

– Да неужели? Спасибо за потрясающую новость! Между прочим, солдат, я пришел сменить тебя на посту. Ребята внизу варят тушу бхедерина. Я специально попросил повара добавить в похлебку навоза, чтобы тебе было по вкусу.

Ходок встал:

– Смотри, сапер, дошутишься, что однажды я сварю и съем тебя самого.

– Ага, и подавишься моими костями.

– Вообще-то, я предложил это от всей души, Колотун. Чтобы оказать тебе последние почести, дружище.

Колотун некоторое время оторопело глядел на баргаста, а затем понимающе усмехнулся:

– Паршивец! А я ведь едва не поверил твоим словам!

– «Едва» не считается, – фыркнул Ходок и отвернулся.

Скворец ждал, когда Паран закончит обходить посты и вернется с кордона. Бывший сержант, а ныне командор, заместитель и ближайший помощник Дуджека Однорукого, Скворец прибыл сюда с последним звеном морантов. Рядом с ним стоял взводный целитель Молоток. Оба смотрели, как солдаты бывшей Второй армии грузят на кворлов то, что удалось собрать за минувшую неделю.

Паран шел медленно, стараясь не выказывать мучившую его боль.

– Как ваша нога, командор? – спросил он, поздоровавшись со Скворцом и целителем.

– Мы как раз только что про нее говорили, – ответил Молоток, и его круглое лицо покраснело. – Плохо заживает. Надо бы вплотную этим заняться...

– Успеется, – оборвал его бородатый командор. – Капитан Паран, приказываю собрать взводы. Через два колокола все должны быть на месте. Ты уже решил, что делать с остатками Девятого?

– Так точно, решил: их нужно объединить с остатками взвода сержанта Мураша.

– Назови имена, – велел Скворец.

– Мураш берет к себе капрала Хватку и... дайте вспомнить... Штыря, Мутную, Деторан. Естественно, также Молотка с Колотуном, Ходока и Быстрого Бена.

– Быстрый Бен и Штырь теперь кадровые маги, капитан. Но они будут в твоём полку. Думаю, Мураш только обрадуется.

– Обрадуется? – хмыкнул Молоток. – Да Мураш вообще не знает, что это такое.

Паран сощурился:

– Насколько я понимаю, сжигатели мостов не выступят в поход вместе со всей армией?

– Верно, капитан, не выступят. Но в Крепь мы все равно вернемся. – Серые глаза Скворца скользнули по лицу Парана. – Из сжигателей мостов осталось всего тридцать восемь человек. Маловато для полка. Если хочешь, можешь отказаться от этого назначения, капитан. У нас есть еще несколько элитных рот морских пехотинцев, где недостает офицеров. Они, к слову, привыкли к командирам из благородного сословия... Может, тебе лучше перейти туда?

Воцарилась тишина.

Паран отвернулся. По склонам окрестных холмов ползли тени. В небе блестели первые звезды.

«Подобное заявление равносильно удару в спину. Сжигатели мостов известны своей давнишней неприязнью к аристократам».

Еще год назад он бы выкрикнул эти слова вслух, считая, что нелицеприятную правду нужно говорить без стеснения.

«Я бы наговорил кучу нелепостей, заявив, что именно так поступают настоящие солдаты, хотя на самом деле все обстоит наоборот... В мире, полном ям и ловушек, всегда прихо-

дится балансировать по самому краю, двигаясь осторожными шажками. Только глупцы надеются перепрыгнуть ямы. Но глупцы долго не живут».

Удар в спину? Однажды он уже испытал это на себе. Здесь, в Крепи. По всем меркам, от таких ран умирают. При воспоминании о той ночи Парана бросило в пот. Теперь он не посмел бы с юношеским бахвальством отмахнуться от угрозы, списав все на случайность. Нет, за эти месяцы он кое-чему научился. Паран это прекрасно знал. Как и двое опытных воинов, стоявшие рядом с ним.

– Я по-прежнему почту за честь командовать сжигателями мостов. Быть может, со временем я сумею доказать, что достоин этих солдат.

– Как хочешь, капитан. Предложение мое пока остается в силе. На случай, если вдруг передумаешь.

Паран повернулся к командору. Тот лукаво улыбнулся:

– Смотри, завтра уже будет поздно.

Из сумерек вынырнула массивная темнокожая женщина. Оружие, которым она была обвешана, негромко позвякивало. Увидев Скворца и Парана, женщина смешалась, не зная, к кому обратиться. Потом, устремив взгляд на Скворца, отрапортовала:

– Командор, караульные покинули посты. Мы все собираемся в одном месте, как и было велено.

– А почему это, интересно, ты обращаешься ко мне? – накинулся на нее Скворец. – У тебя есть свой командир, вот ему и докладывай.

Женщина угрюмо повернулась к Парану:

– Караульные...

– Я слышал, Деторан. Передай сжигателям мостов: пусть соберут вещи и с оружием, в полной экипировке, построятся возле казармы.

– Но до отхода еще полтора колокола.

– Я знаю. Ты слышала приказ?

– Так точно, господин капитан.

– Ну так выполняй.

Недовольно ворча что-то себе под нос, Деторан удалилась.

– Похоже, ты зря отверг мое предложение, – вздохнул Скворец, – поскольку...

– Когда-то у меня был наставник-напанец, – сказал Паран. – Я еще тогда понял, что напанцам уважение не свойственно в принципе. Деторан – не исключение. Так что я не принимаю это близко к сердцу.

– Похоже, этот твой наставник не зря получал деньги. Одному он тебя определенно научил, – нахмурился Скворец.

– Чему, интересно?

– Неуважению к начальству, капитан. Ты перебиваешь своего командира.

– Прошу прощения. Все время забываю, что вы теперь уже не сержант.

– Я тоже об этом забываю, именно поэтому мне и нужны рядом люди вроде тебя. Так сказать, для освежения памяти... И тебя, кстати, это тоже касается, – обратился он к Молотку. – Ясно?

– Так точно, ясно.

Скворец опять взглянул на Парана и иронически хмыкнул:

– Я уж молчу про приказ, который ты только что отдал, капитан. Всем известно, что поспешные сборы и долгое ожидание на плацу положительно действуют на солдат. Им нравится такая неопределенность.

Прихрамывая, Скворец зашагал к караульному помещению.

– Скажи, целитель, мне нужно знать что-то из того, о чем вы тут говорили с командором? – осведомился Паран.

Молоток сонно хлопал ресницами:

– Никак нет, капитан.

– Тогда ты свободен.

– Слушаюсь, капитан.

Паран остался один.

«Тридцать восемь опытных, закаленных жизнью солдат. Разочарованных и озлобленных, ибо их дважды предали. Первый раз во время осады Крепи. Меня тогда здесь еще не было. Во второй раз, когда Ласин объявила сжигателей мостов вне закона, я пережил это вместе с ними. Никто не имеет права в чем-либо меня обвинить, однако они все равно это делают».

Он протер глаза. Хотелось спать, но Паран знал, чем обернется его сон. Ночь за ночью, с того самого дня, как они покинули Даруджистан... сплошная боль и кошмары...

«До чего же вы жестоки, боги...»

Он проводил долгие бессонные часы, слушая, как в висках стучит кровь, и чувствуя жжение, разъедающее нутро. Если усталость брала свое и сон все же приходил, сновидения его были полны картинами бесконечного бегства. Он мчался сначала на ногах, потом становился на четвереньки. А затем начинал тонуть.

«Кровь Гончей Тени. Это она отравляет все во мне. Другой причины быть не должно».

Опять, в который уже раз, Паран старательно убеждал себя, что кровь Пса Тени – единственный источник его безумного состояния. Однако все попытки оказались тщетными, и дело закончилось грустной усмешкой.

«Это неправда. Я боюсь не чего-то вообще. Мой страх более чем реален. Хуже всего, что меня преследует стойкое ощущение потери и... недоверия к кому бы то ни было. Ну и чего же, спрашивается, мне ждать при таком раскладе? Какая жизнь ожидает меня? Одиночество, убогое, беспросветное одиночество... И опять эти голоса, нашептывающие про побег. Побег».

Паран встряхнул головой и выплюнул сгусток слезы.

«Думай о чем-нибудь другом, Ганос. Разве у тебя нет приятных и светлых мыслей? Ты стенаешь об одиночестве и недоверии к людям. Вспомни голос, который ты слышал. То была Рваная Снасть, теперь-то ты в этом не сомневаешься. Она жива. Пусть ты не знаешь, где она сейчас, но колдунья жива...

О боги! Опять эта боль! Ребенок, кричащий в темноте. Гончая Тени, воющая от безысходности. Душа, пригвожденная к израненному сердцу... А я-то, глупец, вообразил себя одиноким! Да уж лучше бы я и впрямь был один!»

Скворец вошел в караульное помещение, закрыл за собой дверь и направился к столу, за которым обычно размещался писарь. Он сел, привалившись к стене и вытянув больную ногу. Командор был один, а потому не боялся громко вздохнуть и слегка постанывать. С каждым вздохом боль чуть-чуть уменьшалась. Когда нога совсем успокоилась, он вдруг заметил, что дрожит.

Дверь открылась. Скворец резко выпрямился и хмуро покосился на Молотка:

– Я думал, капитан позвал тебя на совещание, целитель.

– Паран что-то совсем плох, командор.

– Мы с тобой это уже обсуждали. Кажется, я поручил тебе следить за ним, не привлекая внимания. Или у тебя на уме что-то еще?

– Ты не понял меня, Скворец. Я пытался выяснить, что же такое с ним творится. Открыл свой Дэнул. Знаешь, меня моментально отбросило назад – просто вышибло из магического Пути.

Скворец лишь сейчас заметил, что всегда румяное лицо Молотка сильно побледнело.

– Неужели вышибло? – переспросил он.

– Да. Такого раньше никогда не случалось. Капитан серьезно болен.

– Что с ним? Язва? Опухоль? Ты можешь выразиться яснее?

– К счастью, пока ничего подобного. Но вполне может до этого дойти. Он буквально разъедает себя изнутри. Ни с кем не делится своими бедами, все держит в себе. Без помощи Быстрого Бена тут не обойтись. Парана зацепила чужая магия. Она пустила в нем корни и не дает покоя.

– Опонны?

– Нет, братец с сестрицей давно оставили его в покое. Скорее всего, что-то приключилось с Параном по пути в Даруджистан. Правильнее сказать, не что-то, а много чего. Он пытается сопротивляться этой магии и растрчивает силы. Конечно, я не настаиваю на своей правоте. Здесь нужен Быстрый Бен.

– Это я уже слышал. Разыщи мага, когда мы вернемся в Крепь. Но смотри действуй осторожно. Не хватало только, чтобы мы еще добавили капитану страданий.

Лицо Молотка сделалось совсем мрачным.

– Скворец, только честно... Паран сейчас в состоянии командовать сжигателями мостов?

– Ты *меня* спрашиваешь? Если хочешь выложить Дуджеку свои опасения, давай действуй. У тебя есть на то полное право... Ты и впрямь считаешь, что Паран не может командовать полком?

Молоток ответил не сразу. Он наморщил лоб, несколько раз вздохнул и только потом сказал:

– Пока еще может. Он упрямый... вроде тебя. Вы с ним, случайно, не родственники?

– Еще чего придумал! – огрызнулся Скворец. – Да у любого бродячего пса и то более благородная родословная, чем у меня... Ладно, хватит уже попусту языками трепать. Поговори с Быстрым Беном и Штырем. Попробуйте вместе разобраться, что это за магия такая. Если боги снова дергают Парана за ниточки, мне надо знать, кто именно. Тогда докопаемся и до причин.

Молоток, сощурившись, глядел на командора:

– Скажи, во что мы опять ввязываемся?

– Я и сам пока толком не знаю, целитель, – нехотя признался Скворец.

Поморщившись, он стал растирать больную ногу.

– С благоволения Опоннов, мне, возможно, не придется обнажать меч. Командиры ведь не лезут в пекло, правда?

– Если бы ты позволил мне заняться твоей ногой...

– Потом, Молоток. Сейчас не время, мне нужно обмозговать предстоящие переговоры. Каладан Бруд и его армия уже в окрестностях Крепи.

– Ясно.

– А капитан твой наверняка уже не раз помянул Худа, пытаясь выяснить, куда ты подевался. В общем, иди, хватит уже прохлаждаться. Встретимся на переговорах.

– Слушаюсь, командор!

Глава третья

Дуджсек Однорукий со своими сподвижниками ожидал появления Каладана Бруда и его союзников: беспощадных тисте анди, баргастских воинов из далеких северных кланов, нескольких полков наемников, а также кочевников-рхиви. Встреча должна была состояться невдалеке от города Крепь – там, где еще совсем недавно две этих силы противостояли друг другу. Вчерашним противникам предстояло учесть горькие уроки прошлого и научиться действовать сообща. Но ни Дуджсек, ни Бруд, ни кто-либо еще из тех легендарных героев и представить себе не могли, что грядущая война станет битвой не мечей, а миров...

Исповедь Артантоса

К северу от Крепи, в лиге от города, холмы опоясывали остатки невысоких изгородей. Шрамы, оставшиеся от тех времен, когда городские власти попытались было посягнуть на земли, граничащие с равниной Рхиви. За это посягательство крестьяне с хуторов близ Крепи расплатились собственной кровью.

Но раны, нанесенные земле, затягивались очень медленно. Уцелевшие менгиры, круги из камней и плоские каменные гробницы можно было пересчитать по пальцам. Валуны были беспорядочно разбросаны или же венчали чьи-то безымянные могилы на полях, где некогда выращивали маис. Память о здешних святынях – вот и все, что осталось у рхиви.

«Во что мы верим, тем мы и становимся на самом деле».

Мхиби поплотнее завернулась в накидку из шкуры антилопы. Ее плечи совсем исхудали, сплошные кости. Утром все тело ей так и прожгло болью – безошибочный знак того, что узы, связывавшие мать с дочерью, за ночь стали еще слабее.

«Так и должно быть, – твердила себе старуха. – Мне не следует гневаться или предаваться унынию».

Происходящего не остановить, и в ее ребенке осталось очень мало детского. Девочка все явственнее превращается во вместилище иных сил, управляемых хладнокровными духами, которым нет дела до человеческих переживаний.

А время почти на исходе.

Темные, глубоко посаженные глаза Мхиби – единственное, что еще осталось живого на ее морщинистом лице, – следили за дочкой. Девочка резво носилась по каменистым склонам. Старуха чувствовала, что ей ни при каком раскладе все равно не подавить в себе материнские чувства. Нет, она не могла с проклятием отказаться от них. Была не в состоянии уничтожить любовь сердца, шедшую вразрез со страданиями дряхлеющего тела. Какая бы ярость ни вскипала в ней, сколь бы чудовищными ни казались ей выходки дочери, Мхиби не могла и не хотела сплестать паутину ненависти.

Тем не менее увядание плоти ослабило дары сердца, за которые рхиви столь отчаянно цеплялась. Еще полгода назад Мхиби была юной цветущей девушкой, красивой и гордой. Лучшие парни племени оставляли у ее шатра сплетенные из травы полукруглые венки. Однако она не торопилась с выбором, поскольку была еще не готова, согласно обычаю, вплести их в собственный венок и таким образом вступить в брак.

Рхиви были притесняемым и уничтожаемым врагами народом, обреченным на нескончаемые войны. Ну и зачем ей в этом случае муж и дети? Мхиби (тогда ее звали иначе) оказалась более рассудительной, чем сверстницы, и не желала рожать сыновей, которые вскоре улягутся в землю, пополнив урожай неутомимого жнеца – Смерти. Ее мать была заклинательницей костей и умела проникать глубоко в прошлое каждого человека, проходя всю цепь его

многочисленных предков. Ее отец был храбрым воином, сражавшимся сначала с баргастами из клана Белолицых, а потом – с солдатами Малазанской империи.

Мхиби очень не хватало родителей, однако девушка понимала: их уход из мира живущих вкупе с ее целомудрием стали главными причинами, определившими выбор сонма духов. Ее тело избрали в качестве сосуда, дабы поместить туда две поверженные души: одну бессмертную, а другую – спасенную от смерти при помощи древнего колдовства. Обе души слились воедино в этом живом сосуде, уготованном для рождения необыкновенного ребенка.

На языке кочевников-рхиви, не имевших ни городов, ни даже мелких поселений, слово «мхиби» означало недолговечный сосуд, который после опорожнения бросали где придется. Так будущая мать обрела новое имя, в котором теперь отразилась вся суть ее жизни.

«Я ведь только выгляжу старухой, но лишена мудрости прожитых лет. Какая же из меня наставница для этой девочки, растущей не по дням, а по часам? С каждым днем она вытягивает из меня силы, а ее взросление подведет черту под моей жизнью. Сейчас дочка резвится и играет, как все дети. Она смеется, не зная, что питается моими соками».

За спиной Мхиби послышались шаги, и вскоре рядом с нею появилась рослая темнокожая женщина. Ветер трепал длинные черные волосы. Раскосые глаза следили за играющей малышкой. Из-под кожаной одежды женщины проглядывала тонкая кольчуга.

– Как обманчива ее наивность, – сказала тисте анди.

Мхиби со вздохом кивнула.

– Постарайся внушить дочери, чтобы она никого не пугала своими словами, – продолжала Корлат. – На таких встречах любой пустяк может вызвать ожесточенные споры. Тем более что у нас и без того не все идет гладко.

– Что, опять возникли разногласия?

– Да. Каллор возобновил свои нападки.

У Мхиби внутри все сжалось.

– И что? Ему удалось чего-то добиться?

– Каладан Бруд пока что держится стойко, – ответила Корлат. – Если у него и есть сомнения, он глубоко их прячет.

– Сомнения-то, может, и есть. Но их перевешивает потребность в воинах-рхиви и в наших стадах бхедеринов. Тут голый расчет, а не доверие к нам. Без нас Воеводе никак не обойтись. Но, боюсь, все изменится, когда Бруд заключит союз с одноруким малазанцем. И что тогда?

– В этом случае малазанцы узнают больше подробностей о происхождении девочки, – промолвила тисте анди.

– И постараются избавиться от возможной угрозы? Корлат, ты должна убедить Бруда. Объясни ему: две души, живущие в этом ребенке, теперь совсем не те, какими были раньше. – Наблюдая за играющей дочерью, Мхиби продолжала: – Она – порождение магии т'лан имассов. Незримые нити связывают девочку с их магическим Путем, неподвластным времени. А сплел эти нити т'лан имасский шаман, причем живой. Ее родня по духу – т'лан имассы. Да, обликом своим моя дочь похожа на рхиви. В ней живут души двух малазанских колдуний, но она теперь – одиночница. И более того, заклинательница костей, причем довольно опытная. И это – лишь начало. Я даже не представляю, кем она станет, когда войдет в зрелый возраст. Так объясни: зачем бессмертным т'лан имассам вдруг понадобилась шаманка из плоти и крови?

Корлат поморщилась:

– Этот вопрос надо задавать не мне.

– И не малазанцам.

– Ты так думаешь? А разве т'лан имассы не сражались под малазанскими знаменами?

– Сражались, но это уже в прошлом. Скажи мне, какая невидимая трещина пролегла между ними? Какие тайные побуждения скрываются за всем, что бы ни посоветовали малазанцы? Можно хоть что-то узнать?

– Наверное, у Воеводы есть свои способы, – сухо ответила Корлат. – Впрочем, ты сама увидишь и почувствуешь. Малазанцы вот-вот будут здесь. Бруду необходимо твое присутствие на переговорах.

За спиной Мхиби находился лагерь Каладана Бруда, и там, как всегда, была тщательно продумана каждая мелочь. Наемники расположились на западе, тисте анди – в центре, а рхиви – на востоке. Тут же паслись их стада бхедеринов. Путь сюда был неблизким. Начинался он на плато Старого Короля, пролегал через города Кот и Клок, затем сворачивал на юг и старинной тропой рхиви вился по равнине, которую кочевники считали своим родным домом.

«Моя бедная родина, – горестно подумала Мхиби. – Истерзанная долгими годами войны, истоптанная ногами солдат, спаленная „морантскими гостинцами“, падающими с неба... Я помню, как и сама пряталась, заметив в небе черные точки летящих кворлов. Когда они приближались, ужас охватывал наших людей, передаваясь также и священным стадам».

Рхиви забыла о стоявшей рядом Корлат.

«А теперь мы должны... подружиться с врагами. С малазанскими захватчиками, с хладнокровными и жестокими морантами. Две армии, две половины „брачного венка“, сплетутся воедино. Но этот союз будет заключен не ради мира. Неприятель готов пойти на временное примирение, чтобы сразиться с новым противником...»

К югу от лагеря армии Каладана Бруда высились стены Крепи – свидетели зверств малазанских магов. Правда, все пробоины и проломы в городских стенах уже успели заделать. Мхиби видела, как из Северных ворот выехало несколько всадников. Их кони двигались почти шагом. Над головами малазанцев реял серый прямоугольник знамени – простое, без каких-либо изображений полотнище, означавшее, что они теперь объявлены в империи Ласин вне закона.

Мхиби опасливо сощурилась, разглядывая знамя.

«Ты и впрямь рассуждаешь как немощная старуха, которую пугает все подряд. Страх стал твоим проклятием. Перестань думать об ужасах прошлого. Дуджек Однорукий и его армия ненавидят императрицу Ласин не меньше, чем рхиви. Война с малазанцами закончилась. Теперь начинается другая, против иного врага. Духи предков, увидим ли мы когда-нибудь конец всем этим войнам?»

Девочка подбежала туда, где стояли взрослые. Девочка ли? Во взгляде спокойных глаз дочери Мхиби ощущала знания и мудрость тысячелетий. Возможно, так оно и было.

«Вот стоим мы тут троим. Если кто-нибудь посмотрит со стороны, то увидит ребенка лет десяти, молодую женщину с глазами, непохожими на человеческие, и скрюченную старуху. Но это лишь иллюзия: на самом деле все обстоит наоборот. Я – дитя по сравнению с ними обеими. Ведь тисте анди живет уже несколько тысяч лет, а девочка... сотни тысяч».

Корлат улыбнулась малышке:

– Ну что, Серебряная Лиса, хорошо ты поиграла?

– Только сначала, – совсем не детским, низким грудным голосом ответила та. – Но вскоре мне стало грустно.

– Почему же? – удивилась Корлат.

– Когда-то между здешними холмами и духами рхиви был заключен священный союз. Теперь он разорван. Духи превратились в разбросанные сосуды, наполненные болью и горечью утраты. Эти холмы уже не исцелить.

Внутри у Мхиби все похолодело. Проницательности девочки могли позавидовать мудрейшие шаманки из племен рхиви. Однако сочувственные слова были произнесены каким-то

отстраненным, холодным тоном. Серебряная Лиса явно знала гораздо больше, но умышленно недоговаривала.

– Ты уверена в этом, дочка? Неужели священным холмам ничем нельзя помочь?

Серебряная Лиса совсем по-взрослому пожала плечами:

– В этом больше нет нужды.

– Как понимать твои слова?

Круглолицая девочка улыбнулась:

– Мама, пойдем уже, не то опоздаем на переговоры.

Место встречи обустроили на невысоком холме, в тридцати шагах от последней цепи караульных постов. К западу от него темнели груды камней – могилы погибших при осаде Крепи. Мхиби задумалась о том, какие чувства владеют сейчас духами, что витают над этим местом.

«Духи – они ведь рождаются от пролитой крови. Если их не задобрить, они могут превратиться в грозную злобную силу, какую увидишь лишь в кошмарных снах. Неужели только рхиви известны ритуалы умиротворения духов? А теперь мы заключаем с извечными врагами союз... Как духи к этому отнесутся?»

– Они считают, что их предали, – раздался голос Серебряной Лисы, шедшей сзади. – Но я поговорю с ними, мама. – Она взяла Мхиби за руку. – Настало время для воспоминаний. Древних и недавних.

– А ты, дочка, служишь мостом между теми и другими? – спросила рхиви и удивилась тому, как дребезжит ее голос.

– Хотя тебе и недостает веры в себя, но ты очень мудра, мама. Постепенно все потаенное становится явным. Взять хотя бы наших недавних врагов. Ты же продолжаешь воевать с ними в глубине своей души, да? Ты всеми силами пестуешь свою ненависть и отвращение к ним, поскольку эти чувства тебе хорошо знакомы. Воспоминания – это камни, на которых строится твоя ненависть. И не только твоя. Мама, в воспоминаниях есть и иная правда, скрытая, и мы подспудно ее ощущаем. Ты согласна?

Мхиби кивнула.

– Я слышала эти слова от наших старейшин, – сказала она, подавляя легкую досаду.

– Ощущения. Они есть у каждого из нас. И у наших недавних врагов тоже. В чем-то они могут отличаться, но по сути своей ощущения одинаковы. Понимаешь, одинаковы?

– Я это знаю, Серебряная Лиса. Бессмысленно кого-либо обвинять. Нас тянут невидимые и неумолимые силы, и возможностей сопротивляться у нас не больше, чем у волны, гонимой ветром.

Девочка крепче ухватила за материнскую руку.

– В таком случае спроси Корлат. Узнай, что говорят ей собственные воспоминания.

Рхиви оглянулась на их спутницу:

– Ты молчала на протяжении всего нашего разговора, только слушала. Какого ответа ждет от тебя моя дочь?

Корлат печально улыбнулась:

– Мои ощущения не отличаются от твоих. И в том, что касается наших недавних врагов, и в том, что одинаково во все времена. Для всех, кто обладает памятью, будь то один человек или целый народ, уроки жизни – всегда одни и те же.

Глаза тисте анди, ставшие почти лиловыми, обратились к Серебряной Лисе.

– Все сказанное относится и к т'лан имассам тоже. Ты это имела в виду, дитя?

Девочка пожала плечами:

– Какие бы события ни случились в грядущем, всегда думайте о прощении. Держитесь за эту мысль, но не забывайте: его не стоит даровать всем без разбора. – Сонные глаза Серебряной Лисы вдруг посуровели. – Иногда в прощении нужно *отказать*.

После этого воцарилась тишина.

«Духи предков, вразумите нас, – мысленно взывала Мхиби. – Эта девчонка меня пугает. Я понимаю тревогу Каллора, и это пугает меня еще сильнее».

Подойдя к месту встречи, они встали на самом краю площадки для переговоров, почти у самого караульного поста армии Каладана Бруда.

Вскоре к холму подъехали малазанцы. Их было четверо. Узнать Дуджека не составило труда. Прославленный военачальник, бывший верховный кулак, ныне объявленный в Малазанской империи вне закона. Однорукий полководец оказался старше, чем думала Мхиби. Судя по тому, как он сидел на своем чалом жеребце, рхиви поняла: у него ломит кости и болят старые раны. Среднего роста, худощавый, Дуджек был одет в простую кольчугу и вооружен таким же простым коротким мечом без всяких украшений. Узкое вытянутое лицо с гладковыбритыми щеками покрывали многочисленные боевые шрамы. Шлема на голове не было; единственным знаком его высокого положения служил длинный серый плащ с серебряными застежками.

Слева от Дуджека ехал другой офицер, крепко сбитый, седобородый. Шлем с опущенным забралом и кольчужной бармицей скрывал черты его лица, но Мхиби почуяла исходившую от него невероятную силу воли. В седле он держался прямо, только левая нога почему-то не была вде́та в стремя. Его длинная кольчуга явно видела не один десяток сражений. То, что именно этот малазонец скакал слева от Дуджека, с незащищенной стороны, многое сказало Мхиби.

Справа от мятежного полководца ехал молодой человек самой заурядной внешности. Однако глаза его постоянно бегали туда-сюда, внимательно подмечая все вокруг. Он-то и держал в руке серое знамя.

Четвертый всадник был из черных морантов. Издали он напоминал громадного блестящего жука. Матовые полосы – следы ударов мечом – только подчеркивали это сходство. Судя по вмятинам и заплаткам, черные доспехи моранта тоже повидали достаточно битв. На правой руке воина недоставало четырех пальцев, но он все равно надел кольчужную перчатку.

– Кроме этого мальчишки со знаменем, остальные – бывалые воины, – заметила Корлат.

Мхиби кивнула, затем спросила:

– А как зовут того, что скачет слева от Дуджека?

– Думаю, это и есть Скворец, – криво усмехнувшись, ответила тисте анди. – Интересный мужчина, правда?

На мгновение Мхиби вновь ощутила себя молодой. Она поморщилась:

– Ну и бородачи у него! Хвала духам, рхиви не такие волосатые.

– И тем не менее впечатляющая фигура, – не погасив усмешки, добавила Корлат.

– Да уж.

– А я бы хотела, чтобы у меня был такой дядюшка, – вдруг сказала Серебряная Лиса.

Обе женщины удивленно взглянули на девочку.

– В смысле – родной дядя? – переспросила Мхиби.

– Да. Ему можно доверять. Однорукий старик что-то скрывает... Вернее, у них обоих одна общая тайна... но я все равно верю бородатому. Морант – тот в душе смеется. Всегда смеется, и никто об этом не знает. Смех его не злой, не жестокий, но исполненный горечи. А вот знаменосец... – Серебряная Лиса нахмурилась. – Тут я ничего не могу сказать. И раньше тоже не могла.

Мхиби и Корлат переглянулись.

– Нам стоит подойти ближе, – предложила тисте анди.

Вслед за ними со стороны караульного поста появились две пешие фигуры в сопровождении знаменосца. Тот нес штандарт, но без вымпела на верхушке древка.

«Как-то малазанцы воспримут этих воинов?» – подумала Мхиби.

В жилах Каладана Бруда имелась примесь баргастской крови. Это было заметно как по его мощной, рослой фигуре, так и по лицу, широкому и плоскому; и еще... было в нем нечто не

совсем человеческое. Воевода вооружился тяжелым металлическим молотом, привешенным сбоку. Они с Дуджеком более двенадцати лет сражались не на жизнь, а на смерть, успев дать не меньше двух десятков яростных сражений и штурмовать столько же городов. Оба не раз оказывались на грани гибели, оба истекали кровью, но не погибали, продолжая свой поединок. Прежде Дуджек Однорукий и Каладан Бруд воевали, никогда не встречаясь друг с другом. И вот теперь судьба свела их лицом к лицу.

Рядом с Брудом шагал серолицый Каллор, высокий и поджарый. Хотя утреннее солнце не было ярким, его кольчуга ослепительно сверкала. Простой солдатский меч раскачивался в такт его шагам. Если кто-то из участников этой смертельно опасной игры и представлял загадку для Мхиби, так только он, самозванный Верховный Король, правитель древности. Рхиви не сомневалась, что Каллор ненавидит Серебряную Лису. Его ненависть проистекала из страха перед девочкой, а может, он знал что-то еще, о чем не желал рассказывать другим. Каллор утверждал, будто живет уже сотни тысяч лет. Он хвастался, что некогда, давным-давно, создал могущественную империю, которую сам же потом и уничтожил. О причинах такого злодейства он не распространялся. Мхиби знала: бессмертными бывают лишь боги и Взошедшие. Однако Каллор к Взошедшим не принадлежал и жизнь свою поддерживал, скорее всего, за счет алхимических снадобий. Жизнь, но не молодость, ибо выглядел он как смертный, достигший столетнего возраста.

Каладан Бруд вовсе пользовался военным опытом Каллора, который умел виртуозно проводить крупные сражения, нанося противнику молниеносные удары и столь же молниеносно перемещая войска. Вот только для бывшего Верховного Короля такие битвы были заурядными играми, в которые он играл с плохо скрываемым равнодушием. Он так и не снижал доверия солдат. Его уважали как стратега, но не более того, и Мхиби подозревала, что подобное положение вещей Каллору уже не изменить.

Сейчас он с брезгливостью и презрением взирает на Дуджека, Скворца и посланца морантов. Казалось, Каллор едва сдерживается, чтобы не встретить их какой-нибудь оскорбительной фразой. Однако спешивающиеся малазанцы не обращали на него ни малейшего внимания. Взгляды всех троих были прикованы к Каладану Бруд.

Дуджек Однорукий выступил вперед:

– Приветствую тебя, Воевода Бруд. Позволь представить тебе мою скромную свиту. Это Скворец, мой непосредственный заместитель... Это Артантос, мой знаменосец... А это – полководец черных морантов. Его титул в переводе на наш язык означает нечто вроде «Достигшего» или «Поднявшегося», но имя его, к сожалению, совершенно невозможно произнести. – Дуджек лукаво улыбнулся и взглянул на моранта. – Но поскольку он еще в Чернопсовом лесу обменялся рукопожатием с духом рхиви, мы зовем его Меченым.

– Артантос, – пробормотала Серебряная Лиса. – Похоже, он лишь недавно назвался этим именем. Нет, этот человек совсем не тот, кем кажется.

– Если он и соткал иллюзию, то сделал это безупречно, – шепотом ответила Корлат. – Я не чувствую никакого подвоха.

Девочка кивнула:

– Воздух равнины... омолодил его.

– Тогда кто же он, дочка? – спросила Мхиби.

– Химера.

Выслушав Дуджека, Каладан Бруд хмыкнул и представил своих соратников:

– Это Каллор, моя правая рука. Тисте анди здесь представляет Корлат. От имени рхиви присутствуют Мхиби и ее малолетняя дочь. Ну а остатки моего знамени держит всадник Хурлокель.

Дуджек Однорукий сдвинул брови:

– А где же Багровая гвардия?

– Князь К'азз Д'Авор и его люди заняты... своими внутренними делами. Он не пожелал присоединиться к нам в борьбе против Паннионского Домина.

– Скверно, – вырвалось у Дуджека.

Каладан Бруд пожал плечами:

– Не беспокойся, верховный кулак. Мы заменили их другими вспомогательными силами. С нами отправятся Сольтанский кавалерийский полк, четыре клана баргастов и по одному полку наемников из Одноглазого Кота и Мотта.

Скворец чуть не поперхнулся, услышав это. Он несколько раз кашлянул и поинтересовался:

– Надеюсь, это не так называемые «Моттские разгильдяи»?

Каладан Бруд усмехнулся, обнажив острые зубы.

– Что, командор? Никак успел с ними познакомиться? Наверное, еще в ту пору, когда служил в сжигателях мостов?

– Да, я с ними знаком, и не только по сражениям. Чаще всего эти «герои» просто крали у нас припасы и давали деру.

– Мы называем это солдатской находчивостью, – вставил Каллор.

– Хотелось бы надеяться, – обращаясь к Дуджеку Однорукому, продолжал Каладан Бруд, – что переговоры с городским Советом Даруджистана оказались плодотворными.

– К счастью, да. Их... жертвоприношения позволили нам запастись всем необходимым.

– Сюда вскоре должна приехать делегация из Даруджистана, – добавил Воевода. – Если вам потребуется дополнительная помощь...

– Очень щедро с их стороны, – улыбнулся Дуджек.

– Прошу в штабной шатер, – пригласил его Каладан Бруд. – Нам ведь нужно еще кое-что обсудить.

– Не возражаю, – кивнул Однорукий. – Мы долгое время воевали друг против друга. Я с нетерпением жду, когда мы начнем сражаться как соратники. Полагаю, Паннионский Домин окажется достойным противником.

– Лучше бы не слишком достойным, – поморщился Каладан Бруд.

– Согласен, – вновь улыбнулся Дуджек.

Серебряная Лиса тоже улыбнулась и тихо сказала, обращаясь к Мхиби и Корлат:

– Главное уже случилось. Они испытали друг друга на прочность, и оба остались довольны.

Тисте анди покачала головой и иронически заметила:

– Просто удивительный союз. Так легко забыть столь многое...

– Прагматичные воины, думающие о выгоде, – самые опасные из всех, кого я встречала за свою недолгую жизнь, – сказала Мхиби.

Серебряная Лиса басовито рассмеялась:

– И ты еще сомневаешься в своей мудрости, мама!

Штабной шатер Каладана Бруда располагался в центре лагеря тисте анди. Мхиби много раз бывала здесь и уже привыкла к ним. Но сейчас, оказавшись в лагере вместе с остальными, она вновь почувствовала, насколько представители этой расы отличаются от всех прочих. Древностью и мрачным величием веяло от остроконечных шатров, стоящих на безупречно одинаковом расстоянии друг от друга. Высокие, одетые в черное тисте анди почти не разговаривали между собой. Каладан Бруд и представители его новоявленных союзников, в недавнем прошлом заклятых врагов, не вызвали у них никакого любопытства. Мало того, даже Корлат – ближайшая помощница Аномандера Рейка – едва привлекла внимание соплеменников.

Мхиби было трудно понять этот народ, охваченный безразличием ко всему. Казалось, самые обыденные разговоры требовали от них чрезмерных усилий. Длинный и мучительный путь тисте анди насчитывал много тысячелетий и был полон тайных трагедий. Сколько неза-

живающих ран нанесла им судьба? Но даже вечное страдание может стать образом жизни. Однако то, что подобное существование растянулось на десятилетия, века, даже тысячелетия, повергало Мхиби в безмолвный ужас.

Узкие, странного вида шатры вполне могли служить пристанищем для духов и призраков. Рхиви вдруг подумалось, что она идет по кладбищу, полному живых покойников. Выцветшие рваные ленты, прикрепленные к металлическим опорным шестам, только усугубляли жуткую картину. Хорошо, что сейчас утро; в сумерках высокие и тощие фигуры тисте анди вполне могли бы сойти за привидения. Женщине казалось, что они пребывают в состоянии вечного ожидания. Видя это, она всегда вздрагивала. И в то же время заторможенность и апатия тисте анди были весьма обманчивы. Мхиби знала, на что они способны; она видела, с какой яростью воины – тисте анди обнажают мечи и сколь искусно владеют оружием. И магию этого народа ей тоже приходилось наблюдать не единожды.

У людей холодное безразличие нередко сочеталось с жестокими поступками. Оно считалось олицетворением зла. Но поведение тисте анди могло огоршить даже самого черствого человека. Они сражались под командованием Каладана Бруда, воюя за чужие интересы. Сами тисте анди редко погибали, но, когда такое случалось, соплеменники даже и не думали хоронить погибших. Они бросали трупы, предоставляя рхиви заниматься погребением и совершать необходимые ритуалы. И то и другое тисте анди воспринимали с неизменным равнодушием. Их даже удивляло, как можно столько возиться с мертвецами.

Штабной шатер имел форму восьмиугольника: на деревянный каркас была натянута парусина – некогда ярко-красная, а теперь выгоревшая на солнце до оранжевого цвета. Во многих местах виднелись заплаты. Первоначально этот шатер принадлежал Багровой гвардии и был брошен ею вместе с грудой прочего мусора. Всадник Хурлокель разыскал его и привез Каладану Бруду. Неприхотливого Воеводу, не привыкшего к роскоши, шатер вполне устраивал.

Широкий полог у входа был открыт и подвязан. На вершине переднего опорного столба восседал великий ворон и, вскинув голову, разглядывал вошедших. Клюв громадной птицы раскрылся в немом смехе. Мхиби невольно улыбнулась; она узнала Каргу – любимую служительницу Аномандера Рейка, которая неумолимо, точно больная совесть, донимала Каладана Бруда своими советами. Карга неоднократно приводила Воеводу на грань бешенства.

«И все же Бруд терпит ее, как терпит и самого Аномандера Рейка. Ох и непростой у них союз. Говорят, Бруд и Рейк сражаются вместе еще с незапамятных времен. Только вот доверяют ли они друг другу? В их отношениях очень трудно разобраться; там накопились целые пласты всевозможных сложностей, перемежающиеся неопределенностями и двусмысленностями. И никто не знает, действительно ли Карга, так сказать, служит мостиком, связующим звеном между обоими воинами или же, напротив, только еще больше все запутывает».

– Эй, Дуджек Однорукий! – громко прокаркала Карга. – И ты, Скворец! Я принесла вам привет от даруджистанского алхимика Барука! А еще по приказу моего повелителя Аномандера Рейка, владыки Семени Луны, Рыцаря Высокого дома Тьмы и сына Матери Тьмы, я должна донести до вас кое-что. Я передаю вам... нет, не его приветствие... ни в коем случае. Его изумление. Да, очень верное слово. Изумление!

– И что же так изумляет твоего господина, птичка? – нахмурившись, спросил Дуджек Однорукий.

– Птичка?! – взвилась Карга. – Да как ты посмел так меня назвать? Ты хоть знаешь, кто перед тобой? Я, между прочим, предводительница многочисленного и шумного племени великих воронов!

– Предводительница великих воронов, говоришь? – хмыкнул Скворец. – Похоже, не врешь, учитывая, как отчаянно ты орешь.

– Жалкий выскочка! – каркнула Карга. – Знай, Дуджек Однорукий: изумление моего повелителя не знает границ и не имеет объяснения.

– Скажи лучше, что объяснение тебе не по мозгам, – огрызнулся верховный кулак.
– Неслыханная дерзость. Изволь выказывать мне уважение, смертный, не то однажды я славно попирую на твоём трупе!

– Клюв сломаешь на моей шкуре, Карга, но тогда мне уже будет все равно.

– Хурлокель, у тебя еще сохранилась та веревка для клюва? – сердито спросил Каладан Бруд.

– Да, Воевода.

Карга втянула голову и приподняла свои широкие крылья:

– Не смей ко мне прикасаться, грязный вол! Только попробуй тронуть меня, и горько об этом пожалеешь! Довольно с меня и прошлого раза!

– Тогда лучше помолчи, – осадил ее Каладан Бруд.

Он вошел в шатер, приглашая остальных следовать за собой. Карга придирчиво оглядывала каждого, кто проходил мимо столба. Заметив Мхиби, посланница Аномандера Рейка ехидно каркнула:

– Девчонка, которая с тобой, скоро удивит всех нас.

Рхиви остановилась:

– Что ты чувствуешь, мудрая Карга?

Подобное обращение польстило воронихе, и она довольно захихикала:

– Что я чувствую? Неотвратимость, мой дражайший глиняный горшок. Неотвратимость, и ничего больше. Ну, здравствуй, Серебряная Лиса!

Девочка задрала голову и, взглянув на говорящую птицу, ответила:

– Привет, Карга! Я только что догадалась, откуда появились ты и твои сородичи. Они родились из гниющей плоти...

– Молчи! – пронзительно каркнула великая ворониха. – Сокровенные знания нельзя высказывать вслух. Ты должна научиться молчанию, дитя, ради своей же собственной безопасности.

– Ты хотела сказать – ради твоей безопасности, – улыбаясь, поправила ее Серебряная Лиса.

– Да, если хочешь. Не стану этого отрицать. Но прежде чем ты переступишь порог шатра, прислушайся к советам столь древнего и мудрого создания, как я. Стоит тебе сболтнуть что-то, хорошенько не подумав, как все собравшиеся моментально почувствуют в твоих словах величайшую угрозу. Откровения могут стоить тебе жизни, дитя. И знай: пока ты еще не в состоянии себя защитить. И Мхиби, которую я искренне люблю, тоже не может этого сделать. У нее нет такой силы. Вы обе нуждаетесь в защитниках. Понимаешь?

Не переставая улыбаться, Серебряная Лиса кивнула.

Мхиби захотелось крепко прижать к себе дочь, и она с трудом удержалась от этого. Карга лишь подтвердила ее собственные опасения. Рхиви понимала: она бессильна что-либо сделать с магическими силами, бурлящими внутри Серебряной Лисы.

«Карга права: мне нечем защитить мою девочку. Да и моя ли она теперь? Правильно назвала меня вещая птица. „Глиняный горшок“, да к тому же пустой. А создание, которое я выносила, сейчас уже не во мне – вот оно, наивное, слабое дитя: стоит рядом и не понимает, чем может отозваться каждое неосторожное слово, опрометчиво произнесенное вслух».

Середину штабного шатра занимал громадный стол, грубо сколоченный и на редкость кособокий, как будто его делал какой-нибудь вдрызг пьяный плотник. Скворец, уже успевший снять шлем, громко хохотал, разглядывая стол.

– Ну и мебель у тебя, Воевода! – сказал командор, весь аж трясаясь от смеха.

– Да уж, не из покоев малазанской императрицы, – съязвил Каладан Бруд. – Но я привык к нему.

– Такое сляпать могли только Колотун со Скрипачом. Благо в Моттском лесу деревьев хватало.

– Кто такие Колотун и Скрипач?

– Два моих сапера, я тогда командовал Девятым взводом. Они обожали играть в карты, но не в обычные. Эти ребята предпочитали Колоду Драконов. Ну, на земле в карты не больно-то поиграешь. Вот они и сколотили этот столик. Помнится, поглазеть на то, как они режутся, всегда собиралось не меньше сотни сжигателей мостов. Правда, условия, прямо скажем, были не самыми спокойными. Нас без конца атаковали, не говоря уже о том, что мы долго торчали в болотах. Но игра продолжалась, пока нас не вышибли с того места. Ненадолго. Мы обозлились и вскоре вернули свои позиции. А вот стола уже не было. Карты валялись на земле, а его кто-то успел спереть... Слышал бы ты, как честили воров наши саперы!

Каладан Бруд даже не улыбнулся. Скрестив руки, он угрюмо глядел на стол, затем выдавил из себя:

– Это трофей, подарок от «Моттских разгильдяев». Он мне славно послужил. Можешь передать мою благодарность своим саперам. Кстати, если они до сих пор убиваются по этому столу, я готов его вернуть.

– Не нужно, Бруд. Обойдутся...

Казалось, командор хотел сказать что-то еще, добавить нечто важное, но лишь просто покачал головой.

Серебряная Лиса глядела то на диковинный стол, то на бородатого малазанца. Девочка улыбалась, но Мхиби, следившая за дочерью, вся внутренне сжалась.

«Сейчас что-то произойдет», – с отчаянием подумала она.

– Дядюшка Скворец, – вдруг заговорила девочка, – а ведь твои саперы всегда жульничали, правда? И игра у них была – сплошной обман.

Командор насупился:

– Твое счастье, девочка, что здесь нет сжигателей мостов. В их присутствии я бы не советовал тебе бросаться такими обвинениями. У Колотуна со Скрипачом были свои правила, причем настолько запутанные, что никто не брался предугадать ход игры. А вот насчет жульничества... не знаю...

Скворец умолк и с нарастающей тревогой смотрел на Серебряную Лису.

«Он что-то заподозрил, – вспыхнуло в мозгу Мхиби, – почувствовал в ней нечто знакомое. Малазанец думает, что впервые видит эту девочку, однако его не слишком удивило, что она назвала его дядюшкой... Нет, причина не в этом, его насторожило другое. Ее голос: грудной, знакомый... Должно быть, он хорошо знал ту женщину».

Все ждали, что Серебряная Лиса хоть как-то объяснит свои слова, но девочка молча подошла к столу и медленно провела рукой по его щербатой поверхности. Мимолетная улыбка вспыхнула на ее круглом личике. Потом она облюбовала себе стул и уселась.

– Разверни нам карту Паннионского Домина. Сам знаешь какую, – велел Каладан Бруд Хурлокелю.

Тот разложил карту. Все подтянулись к столу.

– Эта карта намного подробнее наших, – признал Дуджек. – Гляжу, вы нанесли расположение паннионских войск. Это последние сведения?

– Трехдневной давности, – ответил Бруд. – Сородичи Карги постоянно летают над их позициями. Все, что касается устройства паннионской армии и применяемой ею тактики, почерпнуто из разных источников. Как видите, войско Домина намерено осадить и взять Капастан. Им понадобилось всего четыре месяца, чтобы подмять под себя Маурик, Сетту и Лест. Силы Паннионского Провидца сосредоточены на южном берегу реки Серп, но уже начались приготовления к переправе.

– Армия Капастана сумеет помешать переправе? – спросил Дуджек. – Если нет, то осада города может начаться очень скоро. И местным силам Капастан не удержать.

– Там все не так просто, – сообщил Каладан Бруд. – Городом правят принц Джеларкан и коалиция верховных жрецов, а эти две фракции всегда были на ножах друг с другом. В Капастане идет постоянная борьба за власть. Положение осложняется еще и тем, что принц усилил свою ничтожную дружину – она называется Капантальский гарнизон – полком наемников.

– Что за полк? – заинтересовался Скворец.

– «Серые мечи». Слыхал о таких, командор?

– Нет.

– Я тоже, – сказал Бруд. – Говорят, они родом из Элинггарта. Их больше семи тысяч. Скоро узнаем, достойны ли они того непомерного вознаграждения, какое затребовали у принца. Представляешь, их годовичное жалованье почти в два раза выше, чем у Багровой гвардии.

– Просто их командир сумел воспользоваться положением, – вяло вставил Каллор, всем видом своим показывая, насколько ему здесь скучно. – Денег у принца Джеларкана больше, нежели солдат, но от паннионцев ему не откупиться. Те воюют не за деньги. Паннионский Провидец объявил эту войну священной, а большего полуголодной оголтелой толпе и не требуется. Такие фанатики полезут куда угодно. Дело усугубляется еще и тем, что у верховных жрецов при каждом храме имеется свой полк хорошо обученных и до зубов вооруженных солдат. Их почти три тысячи, и они не идут ни в какое сравнение с жалким Капантальским гарнизоном Джеларкана. К тому же принц издал закон, ограничивающий численность гарнизона двумя тысячами человек. Совет масок – так в Капастане называется сообщество храмов – год за годом переманивает из этого гарнизона лучших солдат. Разумеется, не во имя служения богам.

Мхиби подозревала, что, если Каллора не остановить, его брюзгливо-снисходительный монолог продлится до вечера. Скворец, видимо, тоже это почувствовал и, едва тот умолк, чтобы набрать воздуха в легкие, тут же вклинился в его речь:

– Стало быть, принц Джеларкан обошел закон, призвав в город наемников?

– Да, – быстро ответил Каладан Бруд. – Однако Совету масок удалось протащить другой закон, запрещающий «Серым мечам» сражаться за пределами городских стен. Так что войска Паннионского Домина смогут спокойно переправляться через Серп. Никаких боев на северном берегу реки не будет.

– Ну и дурачье! – рявкнул Дуджек Однорукий. – Уж кому-кому, а жрецам должно быть хорошо известно, что такое священная война. Тут уж надо забыть все разногласия и выступать единым фронтом против Паннионского Домина.

– Жрецы не так уж глупы, – вновь вступил в разговор Каллор. Его зубы были оскалены в язвительной усмешке, которая могла в равной мере предназначаться и Дуджеку, и капастанским жрецам, а может, и всем вместе. – Кроме войны с Паннионским Домином, им ведь еще нужно следить, чтобы власть принца не превысила их собственную.

– Я уже говорил: там не все так просто, – напомнил ему Каладан Бруд. – Правительница Маурика сумела обойтись малой кровью. Она арестовала в своем городе всех жрецов и выдала их паннионским *тенескариям*. Знаете, кто это такие? Крестьянское ополчение. Умная женщина, надо отдать ей должное. Одним махом решила сразу несколько проблем: и город уберегла, и сундуки свои набила добром из храмов, а заодно и избавилась от вечной занозы в боку. Да, кое-чем пришлось пожертвовать: она лишилась прежней власти, Паннионский Провидец сделал ее всего лишь наместницей. Однако это намного лучше, чем если тебя разорвут на куски и сожрут озверевшие тенескарии: именно так они и поступили со жрецами.

– То есть как... сожрали? – испуганно переспросила Мхиби. – В буквальном смысле?

– А ты думала, я это ради красного словца ввернул? Толпа нищих, голодных крестьян с замутненными мозгами страшнее обученной армии. Паннионский Провидец не тратит ни гроша на содержание тенескариев, но зато позволил им любым способом добывать себе про-

питание и оружие. Если слухи не преувеличены, в списке их зверств людоедство значится где-то на последнем месте.

– До нас эти слухи тоже доходили, – кивнул Дуджек Однорукий. – Сейчас нужно решить главный вопрос: намерены ли мы спасти Капастан или позволим городу пасть? Провидец должен узнать о нашем приближении к границам его империи. Последователи у этого безумца имеются не только в пределах Паннионского Домина. Их хватает повсюду: в Даруджистане, в Сольтане и даже здесь, в Крепи. То есть он будет знать, что рано или поздно мы переправимся через Серп. Если армия Паннионского Провидца возьмет Капастан, в его руках окажется также и самый широкий и удобный брод через реку. Тогда нам придется переправляться западнее Сольтана, там, где прежде был каменный мост. Теоретически, саперы могли бы соорудить нам наплавной мост, но в тех местах нет лесов. Так что доски и все прочее придется захватить с собой. Кроме перемещения по суше, есть еще две возможности.

Великая ворониха, примостившаяся на краю стола, громко каркнула:

– Нет, вы только его послушайте!

– Да что тебе все неймется, Карга? – покосился на нее Дуджек Однорукий.

– Ты очень похож на Бруда! Как и он, думаешь вслух! И мысли ваши похожи! О, недаром вы в последние двенадцать лет постоянно сходились в бою, словно два отточенных клинка, если мне будет позволено столь поэтическое сравнение!

– Угомонись, Карга! – прикрикнул на нее Каладан Бруд. – Капастану все равно не избежать осады. Паннионцы направили против города значительные силы. Мы узнали, что армией противника командует Кульпат, а он, пожалуй, самый даровитый из септархов Паннионского Провидца. У него в подчинении пятьдесят тысяч *беклитов*, как у них называют регулярные пехотные части. И это еще не все. Провидец дал ему дивизию *урдов* – а это самый цвет их пехоты. Добавим сюда разные вспомогательные части, обозы и прочее. Капастан – не ахти какой большой город, но принц Джеларкан усердно потрудился над его обороной. В Капастане возвели несколько колец заградительных сооружений. Если «Серые мечи» устоят в первом сражении, город сумеет какое-то время продержаться. И тем не менее...

– Мои черные моранты смогли бы перебросить в Капастан несколько взводов, – перебил его Дуджек Однорукий, оглядываясь на Меченого, до сих пор не проронившего ни слова. – Но нужно, чтобы власти Капастана попросили у нас помощи, иначе это чревато нежелательными последствиями.

– Какая наивность! – фыркнул Каллор. – Неужели ты думаешь, что в Генабакисе найдется хотя бы один город, который согласится по доброй воле впустить малазанские легионы? Я больше скажу: о пропитании вам придется позаботиться самим. В Капастане вас никто кормить не будет. Имей в виду, верховный кулак, что малазанцы столкнутся там с откровенной враждебностью, если не с явным предательством.

– Разумнее всего будет предварительно наладить отношения с местным принцем, – сказал Скворец.

Серебряная Лиса прыснула со смеху:

– Зачем ты разыгрываешь нас, дядюшка? Ты ведь уже начал осуществлять свой замысел, тщательно продумал все наперед вместе с одноруким полководцем. Вы намереваетесь освободить Капастан. Но не в открытую. Вы никогда и ничего не делаете открыто, правда? Вы хотите держаться в тени событий. Извечная особенность малазанцев.

Двое полководцев, как и надлежит опытным игрокам, сохраняли полную невозмутимость. Негромкий смешок Каллора был похож на грохот костей в мешке.

Мхиби всматривалось в лицо Скворца.

«Я чувствую твою тревогу, малазанец. Клянусь тебе нашими духами, это дитя часто пугает даже меня, а ведь я знаю дочь намного лучше, чем ты».

– Ну что ж, – по-прежнему спокойно продолжал Каладан Бруд, на лице которого не дрогнул ни один мускул, – рад слышать, что мы достигли согласия. Капастан не должен пасть. Если городу можно помочь, то лучше действовать исподволь, хитроумно. Естественно, мы не станем тайком пробираться в Капастан. Пусть все видят наши армии, движущиеся по суше: это позволит септарху Кульпату определиться с началом осады. Я бы даже сказал, мы в какой-то мере будем диктовать ему сроки. Но, думаю, все вы согласитесь со мною: Капастан не должен быть единственной нашей целью.

Дуджек задумчиво кивнул:

– Возможно, наши усилия не уберегут Капастан, и город падет. Но если мы собрались разбить Паннионский Домин, нужно ударить в самое его сердце.

– Согласен. Скажи, Однорукий, какой город вы избрали главной своей мишенью в первый сезон Паннионской кампании?

– Коралл, – мгновенно ответил Скворец.

Все опять склонились над картой. Каладан Бруд не скрывал улыбки:

– Мы и в самом деле мыслим одинаково. Нам бы только достичь северных границ Домина. А там... это будет словно быстрый удар копья. Мы освободим захваченные города... Сетту, Лест, Маурик – даже если его правительнице и понравилось жить под гнетом Паннионского Провидца... Последним станет Коралл. За один сезон кампании мы уничтожим плоды четырехлетних усилий этого безумца. Я хочу, чтобы от его религии не осталось и воспоминаний, чтобы этот его ужасный культ рассыпался в прах.

– Полностью согласен с тобой, Воевода. Значит, передвигаемся по суше? Никаких кораблей. Это подхлестнет Кульпата. Но нужно прояснить еще одну деталь... – Пока Скворец говорил, его серые глаза поочередно останавливались на каждом из участников встречи, за исключением Меченого, так до сих пор и не раскрывшего рта. – Мы должны знать, ждать ли нам помощи от Аномандера Рейка. Скажи, Корлат, тисте анди будут сражаться на нашей стороне?

Женщина улыбнулась, но промолчала. Вместо нее ответил Каладан Бруд:

– Как и вы, мы тоже предприняли кое-какие шаги. Семя Луны летит в сторону Паннионского Домина. На полете к владениям Провидца базальтовая крепость станет... невидимой.

– Впечатляет, – заметил Дуджек Однорукий.

Карга насмешливо каркнула.

– Нам почти ничего не известно о чародействе, лежащем в основе могущества Паннионского Провидца, – продолжал Воевода. – Мы знаем только, что оно существует. Как и ваши черные моранты, Семя Луны предоставляет нам тактические возможности, которые глупо было бы не использовать. – Улыбка Каладана Бруда стала еще шире. – Подобно вам, верховный кулак, обдумывая свои маневры, мы стремимся избежать предсказуемости. – Он кивнул в сторону Корлат. – Тисте анди, как известно, обладают мощнейшей магией.

– Этой магии недостаточно, – вдруг перебила Воеводу Серебряная Лиса.

Тисте анди наградила ее суровым взглядом:

– Дитя мое, здесь не место для голословных утверждений.

– Да что вы слушаете какую-то девчонку? – прошипел Каллор. – Бруд свидетель: я с самого начала считал ее присутствие на нашей встрече глупой затеей. Тоже мне нашли союзницу! Попомните мои слова: да она предаст нас всех. Предательство – ее давний спутник. Слышите? Я обращаюсь ко всем. Это создание, эта... тварь – просто недоразумение какое-то.

– Каллор, ты и дальше намерен говорить в том же духе? – по-взрослому вздохнув, спросила Серебряная Лиса. – Тебе нравится меня обижать?

– Воевода, признаться, я тоже в недоумении, – промолвил Дуджек. – Позволь тебя спросить: что делает на нашей встрече эта девочка? Кто она такая? Ее слова – отнюдь не детская болтовня. И хотя у нее облик десятилетнего ребенка, она явно владеет сверхъестественными знаниями.

Каллор с нескрываемой ненавистью смотрел на Серебряную Лису:

– Ты не до конца ее раскусил, Однорукий. Взгляни-ка на дряхлую старуху, что стоит рядом с девчонкой. На самом деле ей едва исполнилось двадцать, а этого так называемого ребенка почти четыре месяца назад вырвали из ее чрева. Это создание сосет жизненную силу матери... Вернее, нет, не матери, а несчастного сосуда, который понадобился для вынашивания плода. Недавно вы с ужасом рассуждали о людоедстве тенескариев. А что вы скажете о чудовище, пожирающем саму душу женщины, что произвела ее на свет? Но если бы все ограничивалось только этим! – Верховный Король спохватился и замолчал, опасаясь сболтнуть лишнее. А затем угрюмо заключил: – Девчонку нужно убить. И немедленно, пока ее сила не превзошла нашу.

В шатре воцарилась гнетущая тишина.

«Будь ты проклят, Каллор! Раскол в нашем лагере – это ты хотел показать новообретенным союзникам? Духи предков, вы свидетели, как же он жесток!.. И будь ты вдвойне проклят за то, что раскрыл девочке правду. Я так надеялась, что она никогда ее не узнает...»

Мхиби едва отважилась взглянуть на дочь. Серебряная Лиса стояла с широко распахнутыми глазами, полными слез.

– Мама, это правда? – прошептала бедняжка. – Неужели я вытягиваю из тебя жизненные соки?

Мхиби закрыла глаза. О, если бы она могла навсегда утаить эту правду от дочери. Но, увы, отпираться слишком поздно.

– Ты не виновата, милая. Это не твой выбор. Это часть твоей сущности. Смирись и прими сие, как я сама... В тебе, Серебряная Лиса, живет древняя и неукротимая сила, и тебе о ней известно, как и мне.

«Но я не могу сказать ей *всей* правды – признаться, что иногда меня охватывает слепая ярость и я ропщу на жестокость духов, избравших меня своим оружием».

– Древняя? Неукротимая? Жалкая состарившаяся дикарка, да ты не знаешь и половины всей правды! – вновь послышалось змеиное шипение Каллора.

Он протянул руку, схватил девочку за одежду и почти вплотную притянул ее к себе.

– Ты же здесь, да? – угрожающе произнес бывший тиран. – Я чувствую, что здесь. А ну вылезай, сука!

– Отпусти ее, – тихо, но властно приказал Каладан Бруд.

Зловеще ухмыляясь, бывший Верховный Король разжал руку и привалился к спинке стула.

У Мхиби бешено колотилось сердце. Дрожащей рукой она прикрыла лицо. Когда Каллор схватил ее дочь, у бедной рхиви внутри все заледенело от ужаса. Материнский инстинкт требовал броситься на защиту девочки, но его заглушило собственное бессилие. Разве она способна противостоять Каллору? Хотя нет, это не довод. Она струсила, испугалась за *свою* жизнь, и ее малодушие видели все. Мхиби заплакала от стыда, и слезы катились по впалым щекам.

– Только посмей еще раз тронуть девочку, и я изобью тебя до беспамятства. Ты, Каллор, меня знаешь, – все так же тихо произнес Каладан Бруд.

– Воля твоя, – усмехнулся Каллор.

Скворец порывисто встал, звякнув кольчугой. Лицо малазанца потемнело от гнева, а серые глаза стали почти черными.

– Если бы ты не осадил его, Воевода, то это сделал бы я. – Он впился взглядом в бывшего Верховного Короля. – С ребенком воевать надумал? Я бы не стал избивать тебя до беспамятства. Я бы просто-напросто вырвал твое поганое сердце.

– Да неужели? – осклабился Каллор. – Я прямо весь дрожу от страха.

– Ну смотри, сам напросился, – пробормотал Скворец и левой рукой с размаху ударил древнего тирана по лицу.

Голова Каллора запрокинулась. Из раны, нанесенной кольчужной перчаткой, хлынула кровь, пачкая стол и карту. Когда первое оцепенение прошло, Каллор вскочил на ноги и схватился за меч... да так и замер, лишь наполовину выдвинув его из ножен.

Пальцы Каладана Бруда, словно клещи, сжали Каллору оба запястья. Бывший Верховный Король делал отчаянные, но безуспешные попытки высвободиться. На шее и у висков проступали синие жилы. Должно быть, Воевода усилил хватку. Рукоятка меча выскользнула из пальцев Каллора, и оружие со звоном вернулось в ножны. Каладан Бруд низко наклонился к строптивому воителю, однако Мхиби услышала его слова:

– Прими то, что заслужил, Каллор. Я устал от твоей надменности. Если ты и дальше вздумашь испытывать мое терпение, я тоже пройду по твоему лицу. Но уже не кольчужной перчаткой, а своим молотом. Понял?

Каллор буркнул что-то невразумительное. Воевода отпустил его. В шатре по-прежнему было тихо. Все смотрели на окровавленное лицо Каллора.

Дуджек Однорукий вынул из поясной сумки платок со следами мыльной пены и бросил его древнему тирану:

– На, утрись.

Мхиби подошла к бледной растерянной дочери и опустила ей руки на плечи.

– Умоляю, больше ни слова, – прошептала она.

Для Скворца Каллор, похоже, вообще перестал существовать. Повернувшись к Каладану Бруду, малазанец спросил:

– И все-таки, Воевода, что это за ребенок?

Серебряная Лиса дернула плечами, сбросив с них материнские ладони. Рхиви показалось, что дочка вот-вот бросится из шатра прочь. Но девочка вытерла рукавом глаза и с шумом втянула в себя воздух:

– Я сама отвечу на твой вопрос, дядюшка. – Она мельком взглянула на мать, потом обвела глазами остальных. – И вообще, за все должна ответить я, и только я.

Мхиби потянулась было к ней, но потом опустила руку.

– Надо принять все как есть, доченька, – с горечью сказала она, ощущая новую волну жгучего стыда.

«Девочка моя, ты должна простить... простить себя. Ох, духи нижнего мира, я не осмелюсь сказать это вслух. Я лишилась права что-либо тебе говорить. Потеряла его только что, когда не бросилась на твою защиту...»

Серебряная Лиса встала перед Скворцом:

– А теперь слушай правду, дядюшка. Я родилась от душ двух женщин. Одну из них ты знал очень хорошо. Ее звали Рваная Снасть. Другая душа принадлежала высшей имперской колдунье по имени Ночная Стужа. От нее самой остались лишь обгорелые куски плоти и обломки костей, но душу уберегли охранительные заклинания. Смерть Рваной Снасти... она наступила в пределах магического Пути Телланна... куда ее забросил один т'лан имасс.

Похоже, только Мхиби заметила, как вздрогнул знаменосец Артантос.

«Что, воин, услышал знакомые имена?» – промелькнуло у нее в голове. Однако у рхиви не хватало сил раздумывать сейчас над такими вопросами.

– А потом, дядюшка, – продолжала Серебряная Лиса, – случилось нечто неожиданное. Из далекого прошлого явились заклинатель костей и древний бог. Там был еще и третий, кто-то из смертных людей, но его душу я не помню.

Платок, которым Каллор все еще зажимал кровоточащую рану, немного заглушил его язвительные слова:

– Ха, Ночная Стужа! Ну никакого воображения... Неужели даже К'рул ее не узнал? Забавно...

– Они втроем, дядюшка, собрались, чтобы помочь моей матери – молодой рхиви, которая вдруг обнаружила, что носит в чреве необычного ребенка. Я родилась одновременно в двух местах: здесь, в племени рхиви, и в пределах магического Пути Телланна. – Девочка умолкла, словно бы ее оставили силы. Так она стояла несколько мгновений, плотно обхватив себя руками, а затем шепотом добавила: – Мое будущее принадлежит т’лан имассам.

Серебряная Лиса повернулась к Корлат:

– Т’лан имассы вновь собираются на Слияние, и в грядущей войне вам понадобится их могущество.

– Нечестивые домыслы! – прохрипел Каллор. Он отшвырнул платок. Окровавленное лицо бывшего Верховного Короля было совсем бледным. – Этого-то я и боялся, глупцы. Ох, до чего же вы глупы. Причем абсолютно все!

– Слияние, – произнесла Корлат, равнодушная к его злобствованиям. – Но зачем они собираются? Ради какой цели? Ты это знаешь?

– Мне еще предстоит это решить. Я родилась, чтобы повелевать ими. Всеми и каждым. Мое рождение и возвестило о Слиянии. Зов был обращен к каждому т’лан имассу. И теперь те, кто может, собираются. Они идут сюда: Слияние началось.

Голова у Скворца шла кругом. Раскол в ближайшем окружении Каладана Бруда. Тревожная новость. Но она не шла ни в какое сравнение со словами этой странной девочки... Мысли лихорадочно разбегались в разные стороны, и штабной шатер словно бы вдруг отступил в туман, а сам командор очутился в совершенно ином месте – в мире хитроумных планов, мрачных предательств и их непредсказуемых кровавых последствий – в мире, который он от всей души ненавидел.

Ему вспомнилось многое: осада Крепи, гибель сжигателей мостов, неудавшиеся попытки уничтожить Семя Луны. Битвы зримые и невидимые. Мерзостная паутина хитроумных ухищрений, которая только разъедала армию.

А’Каронис... Беллурдан... Ночная Стужа... Рваная Снасть... Скворец не сомневался, что их гибель целиком лежала на совести высшего имперского мага Тайскренна. Эх, швырнуть бы этот начертанный кровью список к его ногам и потребовать от мерзавца объяснений. Хотя какие там объяснения? Тайскренн покинул армию, ищи теперь ветра в поле. По правде говоря, Скворец (да и не только он один) ничуть не сожалел о бесследном исчезновении этого скользкого типа.

«Все думают, что Ласин, объявив войско Дуджека вне закона, полностью развязала нам руки... На самом деле это был изощренный ход, умело замаскированная ложь».

Только они с Одноруким знали правду; остальные верили, что их бросили на произвол судьбы: хитроумная уловка императрицы сработала.

Солдаты и офицеры были беззаветно преданы верховному кулаку. Командор от души надеялся, что и ему они тоже по-прежнему доверяют.

«А девчонка-то, похоже, тоже в курсе истинного положения вещей», – подумал он.

Скворец ничуть не усомнился, что перед ним – возродившаяся колдунья Рваная Снасть. Чародейка, которую он прежде знал, проглядывала тут и там: черты лица Серебряной Лисы, ее мимика и манера двигаться, этот сонный, все понимающий взгляд. Открытие было столь ошеломляющим, что командор пребывал в растрепанных чувствах. Ему требовалось время, чтобы привыкнуть к новой реальности.

«Рваная Снасть... Будь ты проклят, Тайскренн! Преднамеренно или нет, но это ведь ты ее погубил!»

С Ночной Стужей Скворец знаком не был и знал о ней лишь по чужим рассказам. Возлюбленная теломена Беллурдана, Ночная Стужа владела силой Высшего Рашана, магического Пути Тьмы, и была среди избранных покойного императора. Подобно сжигателям мостов, она тоже стала жертвой чудовищного предательства...

Говорили, что характером Ночная Стужа напоминала лезвие меча: зазубренное, местами заржавленное, покрытое пятнами запекшейся крови. И это, безусловно, передалось девочке. Иногда мягкий, сонный взгляд, доставшийся ей от Рваной Снасти, вдруг становился жестким и колючим. И пусть жесткость в глазах Серебряной Лисы была адресована не ему, Скворец невольно поежился.

Он поежился и сейчас, вспомнив, *как* девочка посмотрела на Каллора.

«Боги, простите нам наши глупые игры».

А в Крепи его ждал Ганос Паран.

«Последний из тех, кого любила Рваная Снасть. Что я скажу капитану? Поверит ли он мне? Я и сам впервые про такое слышу: взрослая женщина мгновенно превратилась в новорожденного младенца, а тот за считанные месяцы стал десятилетним ребенком. Но я видел Серебряную Лису собственными глазами. Еще несколько месяцев – и ей будет все двадцать! Ох, Паран, может, это тоска по Рваной Снасти и горечь утраты гложут тебя изнутри? Только вот обрадуешься ли ты моим новостям?»

Малазанец еще некоторое время тщетно старался уяснить значение слов, произнесенных Серебряной Лисой, и что-то прочитать на ее лице, а затем мысли командора переключились на Мхиби. Несчастливая женщина. До чего жестоко обошлись с ней боги. Двадцатилетняя старуха, которая не протянет и года, отдав всю себя дочери. Вот она, скрытая и страшная сторона материнства, о которой он вплоть до сегодняшнего дня даже и не подозревал.

В его воспаленном сознании всплыла последняя фраза Серебряной Лисы.

«Стало быть, т'лан имассы идут сюда: Слияние началось. Как будто нам и без них не хватало забот, – посетовал в душе Скворец. – Кому я должен верить? Только не Каллору. Этот мерзавец сам заслуживает слов, которыми пытался оскорбить Серебряную Лису. „Тварь“, „чудовище“, „недоразумение“... Будь у него возможность, он убил бы девчонку. Однако, как ни противен мне Каллор, в одном он прав: Серебряная Лиса только внешне кажется ребенком. На самом деле она – возродившаяся колдунья Рваная Снасть, женщина храбрая и честная. А также чародейка Ночная Стужа, служившая императору Келланведу. И в то же время она – новая правительница т'лан имассов, и вот это-то больше всего удивило и насторожило всех присутствующих на переговорах».

Скворец несколько раз моргнул, выбираясь из лавины мыслей, как из тяжелой дремы... В шатре сохранялась гнетущая тишина. Командор мельком взглянул на Серебряную Лису, все такую же бледную, с дрожащими руками, и сразу же поймал на себе взгляд Корлат. Их глаза встретились.

«А она на редкость хороша, эта женщина. Когда видишь такую красавицу, поневоле жалеешь, что зря ухлопал лучшие годы жизни. Почему она так на меня смотрит? Строит глазки? Вряд ли я интересую Корлат как мужчина. Она пытается сказать мне что-то совсем другое... – Вскоре он догадался. – Серебряная Лиса... она пока еще совсем ребенок. Кусок чистого пергамента, на котором можно написать все, что угодно. Я понимаю тебя, тисте анди».

Те, кто сейчас окажется рядом с Серебряной Лисой, смогут влиять на нее в ближайшем будущем. Корлат звала Скворца на разговор без свидетелей, и он принял ее приглашение. Как же ему сейчас не хватало Быстрого Бена. Этот продувной маг, уроженец Семиградья, сразу бы разобрался, что к чему. Скворец вновь вспомнил о Паране, и ему стало не по себе.

«Так что же я скажу тебе, капитан? Ведь, узнав про Серебряную Лису, ты наверняка захочешь с нею увидеться. И, клянусь Худом, мне придется устроить тебе эту встречу!»

Клюв Карги был широко раскрыт, но вовсе не от беззвучного смеха. Ее обуял ужас, какого она прежде еще не знала.

«Т'лан имасс и К'рул, один из древних богов! Только они знают правду о появлении великих воронов... Нет, теперь не только они. Провалиться мне в бездны Хаоса... эта Серебряная Лиса заглянула в мою душу и все там прочтала».

Беспечная, легкомысленная девчонка! Неужто нам придется защищаться от тебя, а заодно и от тех, кем ты станешь повелевать? Мы, великие вóроны, сами еще ни с кем не воевали. Неужели своими дурацкими откровениями ты заставишь нас объявить тебе войну?

Если только Рейк узнает... оправдываться будет бессмысленно. Разве мы своими глазами не видели пленения Увечного Бога? Разве нас не было там, когда он пал с небес?.. Ладно, допустим, мы появились из личинок на теле поверженного бога, ну и что? Почему мы должны нести на себе вечное проклятие? Почему забывают, что мы были надежными хранителями магии Увечного Бога? А сколько раз мы спасали мир, извещая его глупых обитателей о грядущих бедах? Наконец, если уж на то пошло, разве не мы принесли весть о Паннионском Домине, ставшем угрозой для всего Генабакиса?

Но мы еще не забыли древнюю магию и, если понадобится, обрушим ее на ваши глупые головы. Знала бы ты, девчонка, с каким огнем играешь, выбалтывая чужие тайны!»

Черные блестящие глаза Карги остановились на Каладане Бруде. Увы, мысли Воеводы были полностью скрыты от нее. Всегдашняя, такая знакомая ей маска.

«Ну что ты раскаркалась раньше времени? – одернула себя Карга. – Надо не паниковать, а хорошенько все обдумать. Вот и думай!

Во времена прежнего императора т'лан имассы были главной силой малазанской армии. Если бы не они, не завоевать бы малазанцам Семиградья. Потом Келланведа убили, союз с т'лан имассами развалился. Это-то и уберегло Генабакис от зверств бессмертных неупокоенных воинов, умеющих перемещаться, как пыль на ветру. И Каладан Бруд по той же причине мог сражаться с малазанцами на равных... Нет, тут я опять загнула. Разве не Бруд перетянул на свою сторону Аномандера Рейка и других тисте анди? И разве у него не доставало собственных сил? Проходит время, многое забывается, о многом просто не желают знать. А ведь Бруд – один из Взшедших. Его магический Путь – Тэннес, сила самой Земли, что служит домом для вечно спящей богини Огни. Вон какие руки у Бруда, здоровые и мускулистые. Только Воевода способен размахивать тяжеленным боевым молотом, что висит у него на поясе. Да он запросто может горы сокрушить. Каркни я такое вслух, меня бы назвали вруней. А вы полетайте над восточными склонами Лейдеронского плато и сами посмотрите... Конечно, Бруд был тогда моложе и сил у него было побольше... Эх, Карга, тебе ли не знать? Сила обязательно притягивает другую силу. Так уж повелось испокон веков. С возвращением т'лан имассов равновесие опять нарушается.

Мои сородичи без устали кружат над Паннионским Доминем. От тех земель, обильно политых кровью, исходит магическая сила, причем сила громадная. Но она скрыта густой завесой, сквозь которую нам не пробиться. Так какое же чародейство питает империю этого безумца?

А ведь эта болтливая девчонка знает. Все она знает, клянусь породившей нас плотью Павшего Бога. И Серебряная Лиса поведет т'лан имассов... в самое сердце Паннионского Домина.

Ты уразумел это, Каладан Бруд? Думаю, что да. Так что забудь про свой молниеносный удар! Собрался за несколько месяцев захватить Домин? Ха! Теперь ты понимаешь, что все намного серьезнее? Если миру опять понадобились т'лан имассы, то, значит, Паннионский Провидец куда опаснее, чем тебе казалось... Так с кем же нам все-таки придется воевать? И что вообще от нас останется?

А ведь Каллор не врет. Сгинуть мне в безднах Хаоса, этот древний тиран и впрямь знает какую-то страшную тайну Серебряной Лисы. Ну почему мне никак не проникнуть в его секреты?»

Мхиби подавила отвращение к себе, заставив уши прислушиваться к каждому слову дочери и к тому, что таилось в паузах между словами. Рхиви сгибалась под тяжестью откровений, которые нынче услышала. Духи предков, сколько же бед навлекала на свою голову ее

бесстрашная девочка! Неожиданно Мхиби открылось и другое: Серебряная Лиса просила о помощи.

«Дочери нужны союзники. Я ей плохая помощница, и Серебряная Лиса сказала об этом во всеуслышание. Давнишние враги вмиг не станут соратниками, и моей девочке суждено быть мостом между обеими сторонами. На одной она родилась, а к другой обращается сейчас. Даже не она сама: это Рваная Снасть и Ночная Стужа вызывают через нее к старым товарищам. Ответят ли те?»

Что думал Скворец, об этом рхиви оставалось только гадать. Может, он согласен с Каллором, осмелившимся назвать Серебряную Лису чудовищем? Мхиби заметила, как командор и Корлат многозначительно переглянулись. С чего бы это?

«Думай! – приказала она себе. – Здесь собрались полководцы. Сейчас они заняты тем, чем занимались всегда: оценивают и взвешивают положение, обдумывая свои и чужие ходы. Серебряная Лиса за считанные минуты оказалась в соперниках Каладана Бруда, Аномандера Рейка и Каллора. Понимает ли Дуджек Однорукий, с кем ему приходится иметь дело? Ведь, по большому счету, это Малазанская империя и его армия заставили объединиться столь разнородные силы... Клань баргастов и рхиви, наемники из разных городов Генабакиса, тисте анди, Аномандер Рейк, Каладан Бруд и Каллор, не говоря уже о Багровой гвардии. Двенадцать лет все мы сообща сражались против малазанцев.

Теперь же и нам, и малазанцам угрожает новый враг, очень опасный и во многом неизвестный. Так ли крепки наши объединенные ряды, чтобы двинуться на Паннионский Домин? За словами того же Дуджека чувствуется растерянность.

Серебряная Лиса утверждает, что без помощи т'лан имассов нам не обойтись. Только злодей Келланвед мог заключить союз с этой чудовищной расой. Даже Каллора воротит при упоминании неупокоенных воинов. Похоже, едва созданный союз начинает трещать по швам, грозя рассыпаться. Ты слишком мудр, верховный кулак, чтобы не видеть этого и не терзаться сомнениями».

Однорукий полководец был первым, кто нарушил затянувшееся молчание. Он обратился к Серебряной Лисе и заговорил, тщательно подбирая слова:

– Т'лан имасской армией, которая воевала на стороне Малазанской империи, командовал Логрос. Из твоих слов явствует, что есть также и другие армии. Но нам о них неизвестно. Почему?

– Последнее Слияние происходило сотни тысяч лет назад, – ответила девочка. – Тогда совершился Ритуал Телланна, связавший этот магический Путь с каждым т'лан имассом. Этот обряд сделал их бессмертными. Жизненная сила всей расы слилась воедино во имя священной войны, которой предстояло длиться тысячи лет.

– Войны против яггутов, – с прежней язвительностью бросил Каллор. Кровь на его морщинистой щеке успела подсохнуть. – Не считая горстки тиранов, яггуты были мирной расой. Просто их существование помешало т'лан имассам.

– Не смей говорить о несправедливости, Верховный Король! – накинулась на него Серебряная Лиса. – Во мне живет память Ночной Стужи. Вспомни имперский магический Путь. Пока малазанцы не захватили его, ты безраздельно хозяйничал там. И чем окончилось твое владычество? Горами пепла и грудями обгорелых костей! Ты истребил там все живое! Полностью!

Лицо Каллора перекошилось.

– А-а-а, и ты тоже здесь? Только прячешься, наполняя голову этой девчонки ложными воспоминаниями. Затаилась, высокомерная дрянь. Ну, так я тебе тоже кое-что напому: мое терпение долго испытывать нельзя. Сообразила, заклинательница костей? И к вам это тоже относится, Рваная Снасть и Ночная Стужа... Равно как и к тебе, милое дитя.

Мхиби видела, как побледнела Серебряная Лиса.

«Между ними существует... давняя вражда. И как только я раньше этого не замечала? Воспоминания прошлого. Что-то связывает Каллора с моей дочерью. Точнее, с одной из душ, живущих в ней».

– Отвечаю на твой вопрос, полководец, – продолжала девочка, глядя на Дуджека. – Логросу и подчиненным ему кланам доверили защиту Первой империи. Другие армии отправились штурмовать последние яггутские твердыни. Яггуты строили огромные ледяные преграды. Омтоз Феллак – это магический Путь Льда. Там необычайно холодно и почти нет жизни. Пойми, верховный кулак: магия яггутов угрожала всему миру. Вымерзли моря, исчезли звери и птицы. Каждую гору яггуты превратили в крепость. Белые реки льда сползали по склонам. Иногда толщина ледяного покрова достигала целой лиги. Тогда еще т'лан имассы были смертными, разобщенными племенами. Ледяные преграды оказывались для них непреодолимыми. Они голодали и умирали.

– Война с яггутами началась задолго до эпохи ледников, – перебил ее Каллор. – Они были вынуждены защищаться. Да и кто на их месте не стал бы этого делать?

– Став бессмертными, мы сумели легко пересекать любые преграды. Но победы над яггутами достались нам дорогой ценой. Ты ничего не слышал о других армиях просто потому, что одни из них были истреблены, а другие, возможно, и сейчас продолжают сражаться в каких-то далеких суровых краях.

Лицо верховного кулака исказилось гримасой боли.

– Однажды Логросовы т'лан имассы сами покинули Малазанскую империю и исчезли на пустошах Ягг-одана. А когда вернулись, их уже было значительно меньше.

Серебряная Лиса кивнула:

– И воины Логроса откликнулись на твой призыв?

– Пока не знаю. Знаю лишь, что они его услышали. Все, кто сможет, обязательно явятся. Я чувствую: одна их армия уже на подходе. Точнее, мне кажется, что я это чувствую.

«По глазам вижу, дочка: очень о многом ты умалчиваешь. Ты боишься, что, если вдруг расскажешь лишнее, твой призыв о помощи останется без ответа».

Дуджек повернулся к Каладану Бруду:

– Ну что, Воевода, не продолжить ли нам обсуждение похода на Паннионский Домин?

Бывшие враги вновь склонились над картой, не замечая Карги, которая примостилась на краешке стола и тихо каркала, слушая их слова. Мхиби взяла девочку за руку и повела к выходу. Корлат пошла вместе с ними. К удивлению рхиви, следом двинулся и Скворец.

В шатре было душно, и все обрадовались, оказавшись снаружи, где дул прохладный ветер. Лагерь баргастов не примыкал к лагерю тисте анди. Их разделяла довольно широкая полоса равнины. Когда все четверо оказались там, рхиви остановилась.

– Девочка, – сказал Скворец, – я вижу в тебе очень многое от Рваной Снасти. А что ты сама помнишь из жизни этой колдуньи?

– Я помню лица, – робко улыбнувшись, ответила Серебряная Лиса. – И ощущения, связанные с каждым из тех людей. С тобой, командор, мы тогда были союзниками. Думаю, и друзьями тоже...

Скворец низко наклонил голову:

– Да, это правда. А Быстрого Бена ты помнишь? А других солдат моего взвода? Может, ты знаешь, что случилось с Локоном? С магом Тайскренном? И как насчет капитана Парана?

– Быстрый Бен, – неуверенно прошептала девочка. – Он маг, да? Из Семиградья... очень скрытный... – Она снова улыбнулась. – Ну конечно, Быстрый Бен мой друг... А вот Локон – нет. Он злой и опасный... он причинил мне боль.

– Локон мертв.

– Одной угрозой меньше... Тайскренн?.. Недавно я где-то слышала это имя... Высший маг, Ласин очень ему доверяла... Когда я была Рваной Снастью, мы с ним часто ссорились. И

когда я была Ночной Стужей – тоже. Ему нельзя верить. Этот человек способен на предательство... Где он сейчас... не знаю.

– А капитана Парана ты помнишь?

Что-то в вопросе малазанца насторожило Мхиби.

– Мне очень хочется снова его увидеть, – ответила Серебряная Лиса, отводя глаза.

– Паран сейчас в Крепи, – пояснил командор. – Конечно, это не мое дело, но я прошу тебя подумать о возможных последствиях вашей встречи...

Чувствовалось, что слова даются Скворцу с трудом.

«Духи предков! Значит, капитан Паран был возлюбленным Рваной Снасти. Как же я раньше не догадалась? Конечно, в ней живут души двух взрослых женщин...»

– Доченька... – начала она.

– Не отговаривай меня, мама! Мы ведь однажды видели его. Помнишь, когда гнали стада бхедеринов на север? Тот самый малазанский воин, что не побоялся наших копий? Я уже тогда узнала его и поняла, кто передо мной.

Серебряная Лиса повернулась к Скворцу:

– Паран тоже все знает. Передай ему, что я здесь. Обязательно Расскажи.

– Ладно, расскажу. – Чтобы не встречаться с собеседницей глазами, Скворец принялся рассматривать лагерь баргастов. – Сжигатели мостов... они все равно придут сюда. Теперь Паран ими командует. Быстрый Бен и Молоток будут рады возобновить знакомство с тобой.

– Говори правду, командор. Ты хочешь, чтобы они взглянули на меня и решили, достойна ли я вашей поддержки, да? Не бойся, я не стану этому противиться. Во многом я и сама себя не понимаю. Мне даже любопытно: что они во мне увидят?

Скворец усмехнулся:

– Узнаю честность и прямоту Рваной Снасти. Она не любила плести словесные кружева и ходить вокруг да около.

– Командор, мы хотели поговорить, – напонила ему Корлат.

– Да, помню.

Тисте анди повернулась к Мхиби и Серебряной Лисе.

– Не будем вам мешать, – улыбнулась она. – Сейчас мы покинем вас.

– Конечно, – пробормотала рхиви, с трудом сдерживая напор овладевших ею чувств.

«Стало быть, тот самый воин, который не побоялся наших копий... Да, девочка, я помню его... Я получила ответ и вместе с ним – тысячу новых вопросов. Никогда еще я не чувствовала себя такой дряхлой».

– Идем, доченька. Мне ведь еще предстоит многому тебя научить. А времени у нас осталось мало.

– Да, мама. Идем.

Скворец некоторое время молча смотрел им вслед.

– Девочка была слишком откровенной, – наконец сказал он. – Мы только-только начали латать брешь давней вражды... а тут вдруг такие необдуманные слова.

– Да, – согласилась Корлат. – Но она находится во власти древних знаний т'лан имассов. Этим знаниям много тысяч лет. Трудно представить, сколько всего повидали представители этой расы... Падение Увечного Бога, появление тисте анди. Они были свидетелями того, как драконы навсегда скрылись за завесой Старвальда Демелейна.

Женщина умолкла. Ее глаза подернулись пеленой.

– Оказывается, великие вóроны бывают очень суматошными.

Корлат улыбнулась:

– Карга уверена, будто мы не знаем тайну появления ее сородичей. Они стыдятся своего происхождения. По какой причине – до сих пор не пойму. И Рейку, и остальным тисте анди... все равно. Мы безразличны к вопросам морального свойства.

– Так чего же они тогда стыдятся?

– Великие вóроны – не просто громадные птицы. Падение на землю существа, впоследствии прозванного Увечным Богом... О, это было жестокое действо. От него отрывались куски огненной плоти, способные сжечь целые континенты. Другие куски были обречены гнить на дне глубоких ям, которые сами же и пробили. Вот из этих-то гниющих кусков и родились великие вóроны, унаследовавшие частицы магической силы Увечного Бога. Ты видел Каргу и ее сородичей, командор. Они кормятся чародейством. Любые магические атаки против себя воспринимают как лакомство, на котором только жиреют. Карга у них вроде матери. Она родилась первой. Рейк верит в ее... особую силу, потому и держит подле себя вместе с остальным выводком.

Корлат замолчала. Чувствовалось, что ей хочется о чем-то спросить малазанца.

– Тогда, в Даруджистане, мы схлестнулись с одним из ваших магов...

– Как же, помню. Это Быстрый Бен. Он скоро будет здесь. Мне очень интересно, что он думает обо всех сегодняшних сюрпризах.

– Ты уже называл его имя, когда говорил с Серебряной Лисой... Знаешь, меня тогда просто восхитили его магические способности. Буду рада познакомиться с ним лично. – Их взгляды снова встретились. – И знакомству с тобой, командор, я тоже очень рада. Серебряная Лиса не покривила душой, сказав, что доверяет тебе, она говорила правду. И я тебе доверяю.

Скворцу стало неловко.

– Мы не так часто встречались, чтобы я мог заслужить подобное доверие, Корлат. Но очень надеюсь его оправдать.

– Ты ведь был другом Рваной Снасти. Я никогда не видела эту колдунью. Могу лишь догадываться, что она обладала удивительными способностями. И теперь они все сильнее проявляются у Серебряной Лисы.

Скворец медленно кивнул:

– Рваная Снасть была хорошим другом... всем нам.

– А много ли тебе известно об обстоятельствах, которые привели к переселению ее души?

– Совсем мало, – вздохнул командор. – О смерти Рваной Снасти мы слышали от Парана. Капитан наткнулся на ее... останки. Она умерла в объятиях Беллурдана – высшего мага из расы теломенов. Беллурдан искал место на равнинах, чтобы похоронить свою подругу Ночную Стужу. Рваная Снасть самовольно сбежала из Крепи. Скорее всего, Беллурдану велели найти ее и вернуть назад. Все было именно так, как и утверждает Серебряная Лиса, насколько я могу судить.

Корлат отвернулась и надолго замолчала. Когда же она вновь заговорила, то задала вопрос, столь простой и очевидный, что у Скворца бешено заколотилось сердце.

– Смотри, что получается. В этой девочке живут души двух колдуний – Рваной Снасти и Ночной Стужи. Стало быть, обе они тогда не сгинули в небытии. Но куда же в таком случае делся Беллурдан?

Командор растерянно покачал головой.

«Боги, если бы я знал ответ...»

Глава четвертая

*Запомни всех троих:
От них произошло
Все то, что видишь ты,
И то, чего не видишь;
Они – истории костяк.
Сестра Ночей Холодных!
Предательство тебе зарей служило!
Кинжал уж подобрался к сердцу,
А ты все верила ему.
Драконус, кровь Тиамы!
Твою обьяла душу Тьма,
И цепи, что тебя пленяют ныне,
Ты сам себе придумал.
К'рул, ты Спящую Богиню
Толкнул на этот путь;
Второе ей тысячелетье не проснуться.
Ну а тебе, бог древний,
Вновь пора среди смертных оказаться,
Чтоб сотворить из горестей
Столь сладкий вечный дар.
Рыбак Кельтат. Аномандарис*

Вихляясь и скрипя, повозка преодолела склон и остановилась на вершине холма. Сзади шли Харло и Каменная, облепленные грязью с головы до пят. Ворчун глядел на них и посмеивался.

– И поделом нам: не надо было биться с тобой об заклад! – пробурчал Харло. – Вечно ты выигрываешь, ублюдок.

Каменная хмуро покосилась на перепачканную одежду:

– Ну я и уделалась. Такое не отстираешь.

Ее синие глаза сердито сверкнули на Ворчуна.

– Лентяй паршивый. А ведь ты сильнее нас всех! Нет чтобы с козел слезть и помочь нам толкать повозку. А ты вместо этого сидишь и радуешься, что зашиб денюгу, объегорил товарищей!

– Таковы суровые уроки жизни, – расплывшись в улыбке, ответил ей Ворчун.

Зеленый с черным наряд стражницы был густо заляпан коричневой жижей. Темные волосы висели сосульками, и с них капала мутная вода, похожая на разбавленное молоко.

– Как бы то ни было, переправа позади, – ободрил товарищей Ворчун. – Осталось съехать с дороги, а потом можете сходить выкупаться.

– Накупались уже, Худ побери! – огрызнулся Харло.

– Судя по звукам, которые я слышал, вы не плавали, а тонули. Нужно подняться выше по течению. Там вода чистая.

Ворчун снова натянул поводья. Обессиленные лошади не желали трогаться с места, и командиру стражников пришлось употребить весь свой запас ласковых слов, чтобы уговорить животных. Отъехав на пару десятков шагов, Ворчун остановил повозку. Невдалеке стояли фургоны других торговцев: одни только что преодолели реку, другие, державшие путь в Даруджистан, готовились к переправе. За последние дни сутолоки и суматохи у брода только прибавилось. Последние булыжники, которыми было когда-то выложено дно реки, отпихнули в сторону или втоптали глубоко в ил.

Переправа длилась целых четыре колокола. В какой-то момент Ворчуну уже показалось, что они так и застрянут на середине реки. К счастью, пронесло. Командир стражников оглянулся назад. Харло и Каменная, вяло переругиваясь, побрели отмываться.

Однако вскоре он увидел знакомый фургон, и улыбки как не бывало. Повозка Эмансипора Риза, обогнавшая их на том берегу, теперь стояла в полусотне шагов. Она-то и была причиной спора стражников. Ворчун чувствовал себя немного виноватым; он с самого начала знал, что Харло и Каменная проиграют пари. Но ничего: пусть в другой раз не поддаются азарту. Его товарищи не сомневались, что сегодня повозке их хозяина Керулия ни за что не переправиться на тот берег. Они уверяли Ворчуна, что «дом на колесах» застрянет и увязнет в иле, перегородив собой реку. Пройдет не один день, пока рассерженные торговцы пригонят своих мулов и вытащат эту неповоротливую громадину.

Однако сам Ворчун так не думал. Бошелен и Корбал Брош не из тех, кто привык терпеть неудобства.

«Маги, Худ их побери!»

Эмансипор Риз даже с козел слезать не стал, только поводья потуже натянул, и волю послушно шагнули в воду. Повозка двигалась так, словно бы ехала по толстому стеклу, а не по редким осклизлым камням.

«Обманул я этих легковверных. Ну и ладно, по крайней мере, сам в тине не извалялся».

Не только Ворчун и его подручные оказались свидетелями столь чудесной переправы через реку. Нашлись и другие любопытные, и один из них сейчас отирался возле «дома на колесах». Ворчуну этот стражник был хорошо знаком: Бьюк из Даруджистана. Он сопровождал повозки мелких торговцев и предпочитал работать в одиночку. Но причина крылась вовсе не в угрюмом характере Бьюка.

Морк, последний хозяин, на которого он работал, переправлялся еще утром. На середине реки, где течение быстрее, старенькая повозка развалилась на части. Негоциант отчаянно вопил, а вода вместе с обломками фургона уносила драгоценные тюки, полные товаров. Самого торговца Бьюку удалось спасти, однако, после того как груз утонул, караулить было уже нечего. Незадачливый купец, еще не успевший оправиться от такого удара судьбы, сухо поблагодарил стражника и отпустил его на все четыре стороны.

Ворчун думал, что теперь Бьюк вернется в Даруджистан: лошадь у того была крепкая, в седельных сумках имелось все необходимое. Три дня – и он дома.

Но что за странная картина? Высокий тощий Бьюк вырядился так, будто собрался поступить в городскую гвардию. Кольчуга на нем блестела от обильной смазки, за спиной висел арбалет, а у пояса – внушительный боевой меч. Сейчас стражник стоял возле повозки и негромко переговаривался с восседающим на козлах Эмансипором Ризом.

Слов Ворчун почти не слышал, но позы и жесты говоривших позволяли догадаться о содержании их беседы. Горделиво развернутые плечи даруджийца вдруг опустились. Стражник повернулся, готовый уйти. Эмансипор Риз равнодушно позевывал. Наверное, Бьюк так и ушел бы несолоно хлебавши, не появившись в этот момент Бошелен. Как и в прошлый раз, он был в небрежно застегнутом плаще из черной кожи. Бьюк мгновенно приосанился, четко и кратко ответил на несколько таких же кратких вопросов, а затем почтительно кивнул. Эмансипор Риз слез с козел. Когда Бошелен опустил руку ему на плечо, у слуги едва не подкосились ноги.

Ворчун сочувственно хмыкнул.

«Гляди ты, хозяин чуть до него дотронулся, а бедный старикан уже готов от страха в штаны наложить. Да и я бы, пожалуй, на его месте чувствовал себя не лучше... Клянусь всеми ураганами Беру, этот маг взял Бьюка на службу. Моли богов, дружище, чтобы потом не пришлось горько об этом пожалеть».

Когда в Даруджистане случался пожар, все зависело от того, нет ли поблизости газовых труб. Если были, пожар становился в несколько раз опаснее... Но тот, в котором заживо сго-

рели жена, мать и четверо детей Бьюка, даже по меркам Даруджистана считался чудовищным. Сам Бьюк спасся только чудом: он валялся мертвецки пьяным в соседнем переулке.

Разом лишившись всех близких, бедняга потерял смысл жизни. Многие его собраты по ремеслу (в том числе и Ворчун) думали, что теперь он окончательно сопьется. Однако Бьюк поступил по-иному. Вместо того чтобы топить горе в бутылке и постепенно терять человеческий облик, он стал наниматься в стражники к небогатым купцам. Все знали, что таких торговцев грабят куда чаще, чем владельцев больших и тщательно охраняемых караванов.

Нетрудно было догадаться, что у него на уме: он искал смерти. Но не где-нибудь под забором или в сточной канаве, а смерти достойной и желательно быстрой. Бьюк не смог защитить своих близких; теперь он хотел погибнуть, защищая чужих людей. С той страшной ночи никто больше не видел Бьюка пьяным, а трезвый он славно умел сражаться. Тому имелись как живые свидетели, так и десятка полтора мертвых разбойников, бесчинствам которых положил конец его меч.

От Бошелена и в особенности от Корбала Броша веяло ледяным холодом, способным отпугнуть любого здравомыслящего стражника. Но тот, кто ищет смерти, смотрит на вещи иначе.

«Надеюсь, дружище Бьюк, ты не раскаешься в своем выборе, – мысленно обратился к нему Ворчун. – Зверства и ужасы, чинимые твоими новыми хозяевами, тебя, скорее всего, не коснутся. Но жути повидаешь изрядно. Вот скажи, неужели ты мало настрадался за эти годы?»

Бьюк ушел за лошадью и пожитками. Ворчун развел костер, взгромоздил на него закопченный котелок с водой и сел рядом. К тому времени, когда вода стала пузыриться и закипать, одинокий стражник вернулся, ведя под уздцы коня. Эмансипор Риз тоже развел костер и принялся готовить ужин. Бьюк что-то ему сказал, потом обернулся и увидел Ворчуна. Их глаза встретились. Ворчун кивнул, приглашая давнего знакомого подойти.

– У тебя нынче день перемен, приятель, – сказал он Бьюку. – Я жду Харло и Каменную. Должны вот-вот вернуться с реки. Не хочешь хлебнуть горяченького?

– Спасибо, Ворчун. Не откажусь.

– Не повезло бедняге Морку, – продолжил разговор командир стражников.

– А ведь я предостерегал его. Говорил: прежде чем соваться в реку, нужно разгрузить повозку хотя бы наполовину. Увы, не послушался он моего совета. Считает, будто это я во всем виноват.

– Даже после того, как ты буквально выволок его со дна, да еще и в чувство привел? Я слышал, Морк чуть не захлебнулся. Неужто даже не поблагодарил?

– Какое там! Видно, на дне его Худ поцеловал и здорово настроение испортил.

Бьюк усмехнулся своей невеселой шутке, потом взглянул на повозку новых хозяев. В уголках глаз залегли морщинки.

– Ты, кажется, уже встречался с этой парочкой, – произнес он так, что не сразу и разберешь: вопрос это или утверждение.

Ворчун даже сплюнул в огонь:

– Ага, было дело. И напрасно ты со мной не посоветовался, прежде чем к ним наниматься. Я бы тебя вовремя отговорил.

– Я всегда ценил твои советы, дружище, но на попятную не пойду.

– Знаю, а потому больше тебе ничего и не скажу.

Ворчун протянул Бьюку глиняную кружку с терпким, почти коричневым отваром, который он называл чаем. Бьюк зажал ее в руках и принялся дуть на дымящуюся поверхность.

– Между прочим, – произнес он, – я уже видел прежде того второго, лысого здоровяка.

– Его зовут Корбал Брош.

– Брош? Ну-ну. Мне кажется, он убийца.

– По мне, так оба они одного поля ягоды.

Бьюк покачал головой:

– Ты меня не понял. Я говорю про Даруджистан. Помнишь, как две недели подряд у нас в Гадробийском квартале находили обезображенные трупы? Дознаватели тогда еще взяли себе в помощь мага. Он стал докапываться до сути. Вроде бы ничего не нашел, но сам перепугался так, будто влез в осиное гнездо. Внешне все было тихо; даже слухи не слишком-то множились. И все-таки я кое-что узнал. Городской Совет обратился за помощью к гильдии Воркан и предоставил им полную свободу действий, только бы нашли убийцу. И вдруг зверства прекратились.

– Помню какую-то шумиху, но смутно, – признался Ворчун.

– Конечно. Ты же тогда дневал и ночевал в Умниковой корчме и квасил не просыхая. Ничего вокруг не замечал.

Ворчун поморщился, ибо ему напомнили не о самых радостных днях его жизни.

– Я ошивался там не просто так, была причина. Я, видишь ли, положил глаз на Летру, и вроде бы все уже было на мази. А потом одно дельце выгодное подвернулось. Ушел в очередной раз с караваном, а когда вернулся...

– Узнал, что твоя Летра сбежала с другим, – досказал Бьюк.

– Не просто с другим, – нахмурился Ворчун. – Она выбрала этого хлыща Парсемо. Польстилась на его денежки.

– Деньжата у него водились, это точно. Кажется, ты даже служил у Парсемо одно время... Да не важно, я ведь не про то говорил. Так вот, многим тогда не давало покоя, кто же за этим стоял и почему загадочные убийства вдруг разом прекратились? Гильдия Воркан, между прочим, даже не стала браться за это дело. А убийства прекратились только потому, что преступник покинул Даруджистан. – Кивком головы Бьюк указал на громадную повозку. – Корбал Брош и есть тот самый убийца. Круглолицый человек с толстыми губами.

– Откуда вдруг такая уверенность, дружище? – осведомился Ворчун.

К вечеру похолодало. Он поежился и налил себе вторую кружку отвара.

– Я просто это знаю, – ответил Бьюк, поглядывая на пламя. – А раз я знаю, то возникает вопрос: можно ли оставить безнаказанными убийства невинных людей?

«Худ тебя побери, Бьюк. Я ведь вижу тебя насквозь. Ты намерен убить Корбала Броша и, возможно, сам при этом погибнуть».

– Послушай меня, приятель. Мы с тобой уже не настолько молоды, чтобы вести себя сумасбродно. На эти места даруджистанские законы не распространяются. Но если тот маг не на шутку испугался... значит он узнал нечто такое, чего не знаем мы. Да и гильдия Воркан тоже не просто так отказалась: они там ребята не промах. Ни к чему лезть на рожон. Лучше сделай вот что. Если ты уверен, что Брош и есть тот самый злодей, отправь весточку в Даруджистан. А сам пока потихонечку, не вызывая подозрений, будешь следить за Корбалом. Но учти: он – маг, и тебе незачем понапрасну испытывать судьбу и вершить правосудие. Оставь расправу над ним даруджистанским магам и гильдии убийц Воркан.

Тут Бьюк обернулся, услышав у себя за спиной шаги. К костру подошли Харло и Каменная. Оба закутались в одеяла, а в руках держали по узлу с выстиранной одеждой. Настороженное выражение лиц товарищей подсказывало Ворчуну, что они слышали одну или даже несколько последних его фраз.

– А я думал, ты уже на полпути к Даруджистану, – сказал Харло Бьюку.

Тот отхлебнул из кружки.

– Не сразу узнал тебя, дружище. Давно не видел тебя таким чистеньким.

Харло натянуто рассмеялся.

– Мне подвернулась новая служба, вот я и остался, – пояснил Бьюк.

– Как можно быть таким ослом?! – сердито бросила ему Каменная. – И когда только ты уже поумнеешь, Бьюк? Все суешь голову в медвежьи капканы? И долго еще собираешься так развлекаться?

– Пока один из капканов не защелкнется, – ответил Бьюк, спокойно глядя в потемневшие от злости глаза женщины.

Он встал и выплеснул на землю остатки напитка:

– Спасибо тебе за чай... и за совет тоже спасибо, дружище Ворчун.

Кивнув на прощание Харло и Каменной, Бьюк зашагал к повозке Бошелена.

– Ну что, ловко он тебя осадил? – хмыкнул Ворчун, взглянув на Каменную.

– Дурень он непроходимый, – процедила стражница. – Как по мне, так ему не хватает женской руки. Причем очень не хватает.

– Хочешь выставить свою кандидатуру? – спросил Харло.

– Он такой красавчик, но зато характер скверный. У тебя же все обстоит ровно наоборот, обезьяна.

– Никак ты оценила мой характер? – Харло подмигнул Ворчуну. – Вот что, дорогая, может, еще раз сломаешь мне нос? Найдем хорошего целителя, кости заново срастутся, и моя физиономия будет как новенькая. Что скажешь, Каменная? И почему тебя не называли Железной? Твое сердце представляется мне таким цветком с железными лепестками. Но вдруг однажды произойдет чудо, – и лепестки раскроются для меня?

Стражница скорчила гримасу:

– Любая собака знает, что твой огромный двуручный меч – всего-навсего жалкая попытка восполнить кое-что другое, чего у тебя нет.

– В жизни не слышал от Харло таких поэтических сравнений, – заметил Ворчун. – «Железные лепестки сердца» – красиво сказано.

– Хватит уже языком трепать. Не бывает никаких железных лепестков. А сердце – не цветок, а просто большая красная мышца у человека в груди. Какой толк в бессмысленных сравнениях? Смотрю, ты ничуть не умнее Бьюка и Харло. Ну и в компанию я попала! Сплошные безмозглые идиоты с крепкими черепами.

– Увы, такой, видать, тебе уж выпал жребий, – ответил ей Ворчун. – На, выпей-ка лучше и согрейся. Горячий чай тебе не помешает.

Каменная взяла протянутую кружку. Харло и Ворчун старательно избегали глядеть друг на друга. Осушив половину содержимого кружки, женщина спросила:

– Ворчун, а о каком правосудии ты тут болтал с Бьюком, когда мы пришли? При чем тут маги и гильдия убийц? Куда еще этот остолоп вляпался?

«Маури милосердная, да она и взаправду тревожится о Бьюке», – подумал Ворчун.

Он подкинул в огонь еще несколько сухих навозных лепешек.

– Ну, в общем... есть у Бьюка... кое-какие подозрения. Мы с ним просто... рассуждали вслух, и не более того.

– Строишь из себя умного волка, а морда бычья. Тоже мне хитрец выискался! Выкладывай, что узнал.

Ворчун начал терять терпение. Каменная могла вывести из себя кого угодно.

– Позволь напомнить, что Бьюк выбрал в собеседники меня, а не тебя, красавица. Хочешь узнать, в чем дело, – иди и расспроси его сама, а ко мне не приставай.

– И пойду, чтоб тебе провалиться к Худу в задницу!

– Все равно вряд ли что узнаешь, – опрометчиво встрял Харло. – Даже если ты распахнешь свои очаровательные глазки и сделаешь бантиком розовые губки...

– Мои глаза и губы – это последнее, что ты увидишь, когда мой кинжал проткнет твою жестяную репу. Так и быть, перед смертью я тебя поцелую.

Густые брови Харло удивленно поднялись.

– Каменная, дорогая моя, я не ослышался? Ты сказала – «жестяную репу»? О, похоже, тебе тоже не чужды поэтические сравнения!

– Заткнись! Я сегодня не в настроении.

– А когда, радость моя, ты бываешь в настроении?

Каменная в ответ так зыркнула на бедного стражника, что он лишился дара речи.

– Мы все поняли, – ответил за товарища Ворчун.

Кособокая лачуга, пьяно привалившаяся к городской стене, представляла собой диковинное переплетение досок, растянутых воловьих шкур и ивовых прутьев, обмазанных глиной. Двор тонул в белой пыли, и из нее, словно скалы посреди пустыни, торчали обломки тыквенных сосудов, щепки и черепки. Над узкой дверью покачивались во влажном воздухе развешанные на бечевке куски деревянных карт, некогда лакированных, а теперь по большей части облупленных.

Быстрый Бен огляделся по сторонам и, убедившись, что в грязном переулке не было ни души, вошел во двор. Из хижины раздался странный звук, больше похожий на воронье карканье. Маг выпучил глаза и, шепотом выругавшись, потянулся к кожаной петле, которая была прибита на двери вместо ручки.

– Не вздумай толкать дверь, пустынная гадюка! – крикнул резкий женский голос. – Тяни на себя!

Быстрый Бен потянул за петлю, открыл дверь и вошел внутрь.

На полу на камышовой подстилке сидела, скрестив ноги, неопрятная старуха.

– Только отъявленные дурни лупят по двери, пытаясь открыть ее вовнутрь. У меня от их глупости аж колени ломит. Волдыри на руках вскакивают. Чума накатывает, когда вижу перед собой очередного идиота... Эге, да я чувую, что за тобой след Рараку тянется. Так ли это?

Чародей не ответил, а лишь обвел глазами единственную комнатку лачуги.

– Худ меня побери, и как только ты живешь в этакой дыре? – удивился он.

Комнатка была плотно забита какими-то предметами, предназначения которых Быстрый Бен не знал. Они теснились вдоль стен, свисали с низкого потолка. В углах затаились тени. Хотя снаружи и потеплело, воздух в жилище старухи еще хранил ночную прохладу.

– Как я тут живу? – переспросила она. – Ну, положим, одной мне места хватает.

Ее лицо казалось куском пергамента, натянутым на кости. Голова была почти лысой и щедро усеянной родимыми пятнами.

– Давай, многоглавый змей, показывай, с чем пришел. Я умею снимать проклятия.

Старуха порылась в складках своей одежды, такой же ветхой, как и она сама, и трясущимися руками извлекла деревянную карту:

– Отправь свои слова мне в магический Путь, и все они отобразятся на этой карте.

– Я пришел к тебе вовсе не за этим, – возразил Быстрый Бен, опускаясь перед хозяйкой лачуги на корточки. – Хочу тебя кое о чем спросить.

Карта скользнула обратно. Старуха наморщила лоб:

– Ответы стоят дорого. Куда дороже, чем снятие проклятий. Ответы не так-то просто получить.

– Я не стану с тобой торговаться. Говори, сколько?

– Сначала скажи, какими монетами ты собираешься платить, человек с двенадцатью душами?

– Золотыми.

– Тогда по одной даруджистанской монете за каждый вопрос.

– При условии, что ты дашь вразумительный ответ.

– Договорились. Спрашивай.

– Я хочу знать про сон Огни.

– Что именно тебя интересует?

– Почему она спит?

Старуха разинула беззубый рот.

– Ну же, отвечай, ведьма: почему богиня спит? Ты знаешь? Если нет, то хоть кому-нибудь сие ведомо?

– Ну, положим, ты и сам знаниями не обижен, прохиндей.

– Все, что мне известно, – только предположения, если не сказать досужие вымыслы. Я прочитал достаточно различных трактатов, но не нашел даже намека на истинную причину. А ты – старейшая ведьма магического Пути Тэннеса – можешь знать правду. Так скажи мне, почему Огнь спит?

– Одного вопроса мне мало. Нужно, чтобы рядом плясали и другие. Задай еще вопрос, сын Рараку.

Маг некоторое время молча рассматривал грязный пол.

– Говорят, когда просыпается Огнь, земля содрогается, а кипящая лава льется реками, точно кровь богини.

– Ну, допустим.

– А еще утверждают: если Огнь проснется, ее пробуждение уничтожит все живое.

– Да, и такое тоже болтают.

– И что?

– А ничего. Земля содрогается, горы взрываются, горячие реки разливаются. Обычное дело для мира, чья душа раскалена добела. Разве ты не слыхал про то, что причины и следствия связаны между собой? Есть такой закон, который определяет порядок вещей: книжники вечно про него талдычат. Наш мир подобен шарiku, который скатал навозный жук. И болтается этот шарик в ледяной пустоте вокруг солнца. Снаружи он кажется крепким, а на самом деле вся наша суша – просто огромные куски камней, плавающие в море раскаленной лавы. Иногда они сбиваются в кучу, иногда расплываются в разные стороны. Они подчиняются тем же законам, что и морские приливы.

– Это я все прекрасно знаю, ведьма. Ты мне сейчас не сказала ничего нового. А я хочу понять, какое место занимает во всем этом богиня Огнь?

– Она была яйцом внутри навозного шарика. Давным-давно неведомые силы высидели это яйцо. Из него появилась Огнь. Ее разум течет в подземных реках. Она – боль нашего существования. Огнь подобна царице улья, а мы – ее работники и солдаты. Мы все непрерывно летаем туда-сюда, иногда сбиваемся в рой, потом разлетаемся.

– И случается, залетаем в магические Пути.

– Мы летаем везде. И там тоже, – пожала плечами старуха.

– Огнь больна, – сказал Быстрый Бен.

– Да.

Темные глаза ведьмы вдруг блеснули.

– Почему Огнь спит? – вновь спросил Быстрый Бен.

– Я пока не могу ответить. Задай другой вопрос.

Маг нахмурился и отвернулся от хозяйки лачуги:

– Ты сказала... работники и солдаты. Получается, мы ее рабы?

– Огнь ничего от нас не требует. Все, что люди делают, они делают для самих себя. Они вынуждены работать, чтобы добывать средства к существованию. Они вынуждены защищать то, что у них есть, но многие не желают довольствоваться этим и рвутся получить еще больше. У каждого человека есть соперники, и он стремится сдержать их или ослабить. Люди воюют друг с другом из страха, ненависти и злобы; однако зачастую они облачают страх, ненависть и злобу в красивые одежды, которые называют честью, достоинством и кучей других имен. Но чем бы ни занимались люди, все их дела, все их битвы идут Огни во благо. Да, представь себе, Адаэфон Делат. Для нее благотворны не только возвышенные поступки, но и самые гнусные подлости. Ей безразлично, выживем мы или сгинем. Огнь просто-напросто наплодит себе новых «пчел», и все начнет сначала.

– Ты говоришь о мире так, будто он состоит лишь из материи и в нем действуют исключительно законы природы. Разве этим все исчерпывается?

– Нет. Но в конце концов, любой разум, любые чувства отражают только то, что для нас реально, и ничего другого.

– Ты – мастерица плести словесные кружева. Говоришь, словно какой-нибудь ученый червь, который всю жизнь не вылезал из своего кабинета.

– Кстати, дитя Рараку: чтобы знать законы мира, вовсе не обязательно путешествовать на тысячи лиг.

– Скажи, Огнь – это причина всех наших следствий?

– А ты и впрямь пустынный змей! Извиваешься, юлишь, однако упорно ползешь в одну сторону. Ладно, валяй, задавай свой вопрос!

– Так почему спит Огнь?

– Не почему, а зачем! Она спит... чтобы видеть сны.

Быстрый Бен долго молчал, опустив глаза. Когда же он вновь взглянул на старуху, то увидел в ее глазах подтверждение самым худшим своим страхам.

– Огнь больна, – тихо сказал он.

Ведьма кивнула:

– У нее жар.

– Значит, ее сны...

– Да, сын Рараку. Это бред. Лихорадочный бред. Ее сны превратились в кошмары.

– Я должен придумать способ изгнать из тела богини всю заразу. Одного жара тут недостаточно. И потом, жар, который должен был бы очищать, только губит ее.

– Ну так думай, работничек. Ищи выход.

– Мне может понадобиться твоя помощь.

Старуха протянула морщинистую ссохшуюся руку, повернув ее ладонью вверх.

Чародей достал камешек-голыш и опустил ей на ладонь.

– Когда придет время, Адаэфон Делат, позови меня.

– Непременно позову. Спасибо тебе, ведьма.

Быстрый Бен вытащил кожаный мешочек, плотно набитый золотыми монетами, и положил возле ног старухи. Ведьма издала тот же странный звук, какой он слышал, зайдя во двор. Маг встал и собрался уходить.

– Только дверь закрой получше. Я люблю, когда внутри холодно.

Когда Быстрый Бен шел обратно, его мысли бессвязно кружились, сменяя одна другую и бесследно исчезая. Впрочем, одна мысль, поначалу вызванная всего лишь праздным любопытством, не более того, все-таки задержалась в его голове, разрослась и окрепла.

«Ведьма любит холод, – думал чародей. – Надо же, как странно. Обычно старики предпочитают, когда в их жилище тепло и даже жарко. А тут – холод...»

Быстрый Бен стоял, привалившись к щербатой стене у входа в казарму. Вид у мага был не то рассерженный, не то удрученный. Четверо солдат, несших караул, на всякий случай отошли подальше и украдкой косились на него.

Капитан Паран заметил Быстрого Бена еще издали. Странная поза мага насторожила его. Паран спешил. Заметив конюшего, который как нельзя кстати вышел из дверей казармы, капитан отдал ему поводья, а сам поспешил к чародею.

– Что с тобой, Бен? Честно говоря, меня пугает твой вид.

Уроженец Семиградья лишь нахмурился еще сильнее:

– Не спрашивай. Такое лучше не знать, уж поверь мне на слово, капитан.

– Если это касается сжигателей мостов, я просто обязан быть в курсе.

– При чем тут сжигатели мостов? – невесело рассмеялся Быстрый Бен. – Все намного серьезнее и опаснее. Тебе знакомо состояние, когда непременно нужно найти выход, а ты даже

толком не понимаешь, где и как его искать? Вот и я сейчас тычусь, словно слепой котенок. Как только придумаю что-нибудь путное, непременно все тебе расскажу. Полагаю, сейчас не время донимать меня расспросами, лучше поищи себе другую лошадь. Дуджек Однорукий и Скворец находятся в лагере Каладана Бруда и ждут нас. Отправляемся немедленно.

– Мне что, весь полк туда вести?

– Нет, конечно. Все там без надобности. Нужны только мы с тобой, Молоток и Штырь. Там что-то произошло... Нет, никто не погиб, но наше присутствие там необходимо. Это все, что мне известно. – (Паран нахмурился.) – Молоток со Штырем уже знают. Я послал за ними.

– Тогда пойду за лошадей.

Капитан повернулся и направился в сторону конюшни, стараясь не обращать внимания на обжигающую боль в животе. Он думал о том, что армия слишком уж задержалась в Крепи и горожанам это не по нраву. Поскольку Дуджека объявили вне закона, на помощь государства рассчитывать не приходилось, а без регулярного снабжения малазанцы продолжали исполнять неприглядную роль оккупантов.

Что касается завоеваний новых территорий, то в этом отношении Малазанская империя представляла собой хорошо отлаженный механизм, который не давал сбоев, ибо строился на простых, последовательных и действенных принципах. Захватив очередной город, имперская армия не задерживалась там дольше, чем того требовал переходный период, пока умирляли последних недовольных и передавали бразды правления новым местным властям – послушным и скроенным на малазанский манер. Армию никогда не готовили к тому, чтобы брать на себя тяготы гражданского правления; для этого существовали местные и присланные империей чиновники. «Держите все нити в своих руках, и население будет вынуждено плясать под вашу дудку» – так говорил покойный император. Он свято верил в это правило. Что ж, Келланвед не ошибся; жизнь многократно подтвердила справедливость его слов. Даже Ласин, готовая замечать едва ли не все краеугольные камни, на которых стояла Малазанская империя, не посягнула на этот. Чтобы успешно дергать за ниточки, надо было, с одной стороны, твердо соблюдать установленные малазанцами законы, а с другой – взять под контроль так называемый черный рынок, который непременно существовал в любом городе. «Поскольку уничтожить черный рынок все равно невозможно, вы с первых же дней должны начать им управлять». Осуществление этой миссии Келланвед всегда возлагал на когтей.

«Но ведь в Крепи нет ни одного когтя, – думал Паран. – Нет ни одного малазанского чиновника. Да здесь весь рынок – черный, и мы не властны над ним. Это вообще чудо, что город еще как-то продолжает жить. А мы ведем себя так, будто не сегодня завтра в Крепь прибудет имперская поддержка. Хотя, разумеется, ничего такого мы не дождемся. Ох, если бы я хоть что-нибудь понимал в этой неразберихе!»

Не будь у них даруджистанского золота, армия Однорукого сейчас явно голодала бы. А там недалеко и до дезертирства. Кто-то попытался бы вернуться под крылышко Малазанской империи, скрыв, что служил у Дуджека, другие подались бы в наемники или в стражники торговых караванов. И боеспособная армия развалилась бы на глазах. Парану вспомнились слова, которые он в детстве слышал от наставника: «Ничто так не поддерживает преданность, как сытый желудок, и ничто так не способствует предательству, как урчание голодного живота».

На конюшне удивились, что усталый капитан вновь куда-то собрался, однако свежую лошадь нашли. Паран сел в седло и выехал за пределы казармы. Послеполуденный зной начал ослабевать. На улицах стали появляться местные жители. Правда, немногие отваживались проходить вблизи малазанских казарм. Стоило хоть немного замедлить шаг или задержаться глазами на этих строениях, и караульные были готовы вскинуть свои тяжелые боевые арбалеты, пружины которых они постоянно держали на взводе.

Малазанцы опасались не только людей. Они хорошо помнили, как несколько месяцев назад внезапное появление Пса Тени унесло жизнь двух десятков их товарищей. В памяти

Парана сохранились лишь обрывки того страшного события. Гончую тогда удалось прогнать объединенными усилиями: в ход пошли магия Рваной Снасти и его собственный меч. Однако для солдат, несших в ту ночь караул, скука ночной вахты превратилась в кромешный ад. Теперь малазанцы начеку и уже не проявят подобной беспечности. Правда, Псы Тени в любом случае неуязвимы для простых мечей и арбалетных стрел, но солдат утешала мысль, что в таком случае они хотя бы погибнут в бою, а не как овцы на бойне.

Быстрый Бен, Молоток и Штырь – все трое верхом – поджидали капитана в тени, напротив ворот. Штыря Паран разглядывал с интересом, поскольку прежде видел его лишь мельком и толком еще не знал. Этот лысый коротышка, если верить тому, что о нем говорили, был мастером на все руки: и магом, и сапером одновременно. Штырь постоянно ходил с кисло-мрачным выражением лица, что не больно-то располагало к дружеским беседам, а исходившее от его одежды зловоние просто отпугивало. Штырь носил длинную, до колен, черно-серую власяницу, якобы сплетенную из волос его покойной матери. Паран искоса взглянул на странный наряд.

«Боги милосердные, похоже, его мать умерла от старости и сыночек срезал волосы с ее головы!» От этой мысли боль в животе вспыхнула снова.

– Значит, так, Штырь. Ты поедешь впереди.

– Слушаюсь, капитан. Ох, боюсь, что на площади на Северном рынке такое столпотворение, что нам будет и не протолкнуться.

– А что, нельзя объехать этот улей? Разве вокруг него мало закоулков?

– Сами знаете, капитан: в тамошних закоулках небезопасно.

– Ну так задействуй силу своего магического Пути – чтобы у всех волосы встали дыбом. Мне говорили, ты умеешь проделывать такие штуки.

Штырь вопросительно посмотрел на Быстрого Бена. Тот молчал.

– Видите ли, капитан... мой магический Путь... словом, разное случается, когда я его открываю.

– Что-то опасное? – поинтересовался Паран.

– Не то чтобы опасное... но страху нагоняет.

– Ничего, как-нибудь переживем. Действуй.

– Есть, капитан.

За все это время Быстрый Бен не произнес ни слова. Он предпочел держаться сзади, замыкая процессию. Молоток поехал рядом с Параном.

– Может, хоть ты знаешь, что стряслось в лагере Каладана Бруда? – спросил капитан у целителя. – Есть мысли на этот счет?

– Мысли? Пожалуй, нет, – ответил Молоток. – Так... кое-какие ощущения. – Целитель спокойно выдержал вопрошающий взгляд Парана и продолжал: – Там, капитан, столкнулись разные силы. Большинство из них я знаю: Каладана Бруда, тисте анди. Каллор мне тоже более или менее известен. Но я ощущаю и кое-что еще. Присутствие какой-то магической силы, древней и в то же время – совсем новой. Похоже на т'лан имассов.

– Неужели т'лан имассы?

– Ну, наверняка утверждать не стану. Я сказал, похоже. Но эта непонятная сила могуществом своим превосходит все остальные.

Сердце Парана екнуло. Он хотел задать очередной вопрос, но где-то рядом вдруг раздалось отчаянное мяуканье. Вдоль забора серой молнией пронесся кот и скрылся из виду. Вскоре его вопли слышались уже с другой стороны улицы.

Капитан встряхнулся и вспомнил, что хотел сказать, прежде чем его сбил с мысли котяра.

– Нам еще только не хватало новых неизвестных игроков. И без них сложностей выше крыши.

Из переулка, выходявшего на улицу, по которой ехали малазанцы, выскочили два рычащих пса. Они дрались прямо на бегу, и, судя по угрожающим звукам, сражение было нешуточным. Неожиданно один из псов учуял притаившегося кота. Забыв о поединке, собаки дружно понеслись за петляющим серым комочком. В следующее мгновение все лошади прижали уши и громко заржали. Повернув голову, Паран не поверил своим глазам: по дну сточной канавы бежали крысы, не меньше двух десятков.

– Проклятье! Это еще что такое?..

– Эй, Штырь! – крикнул Быстрый Бен.

Чародей слегка обернулся. На лице его застыла брезгливая гримаса.

– Сбавь прыть, – попросил Бен.

Паран отмахивался от мух, норовивших облепить ему лицо.

– Что за странный магический Путь открыл Штырь? – спросил он у Молотка.

– Это не Путь странный, а Штырь странно туда влезает, – пояснил целитель. – А без него там вполне тихо и спокойно.

– Представляю, что бы произошло, окажись на нашем месте кавалерия!

– Мы – пехотинцы, – сухо улыбнувшись, напомнил ему Молоток. – Но я видел, как Штырь в одиночку отражал вражескую атаку. Очень полезный талант.

Никогда прежде Паран не видел, чтобы кошка с разбегу врзалась головой в стену. Но сейчас именно так и произошло. Несчастный зверь даже не успел заорать, как его отшвырнуло от стены, и он едва не угодил в пасть к разъяренным собакам. Те тоже опешили, а еще через мгновение вновь погнались за улепетывающим котом и пропали из виду.

Парана мутило. Ему казалось, что он сейчас сорвется и выплеснет на соратников все накопившееся за эти месяцы отчаяние.

«Может, попросить Быстрого Бена поехать впереди и прекратить этот хаос? Нет, нельзя. Его магическую силу сразу учуют, а ему сейчас очень не хочется оказаться на виду. Ни к чему рисковать. Придется потерпеть».

Там, где они ехали, начинало твориться нечто невообразимое: отчаянно мяукали кошки, заливались лаем собаки, мычали мулы. Под копытами лошадей сновали десятки крыс.

Наконец Паран решил, что они уже миновали Северный рынок. Капитан поравнялся со Штырем и велел тому закрыть магический Путь. Чародей безропотно подчинился.

Вскоре кавалькада подъехала к Северным городским воротам. За ними лежала равнина – недавнее место сражения. Его следы еще сохранялись среди выжженной солнцем пустоши, стоило лишь приглядеться повнимательнее. Глаз замечал остатки сгнившей одежды, белые осколки костей. Каменные надгробия окружали какие-то голубые цветы, что расцветали во второй половине лета. В предвечернем свете они казались почти синими.

Паран обрадовался тишине, царившей на равнине, но душный воздух доносил до него не только ароматы травы и цветов. Запах смерти еще не выветрился из этих мест, будоража и леденя душу капитана.

«Похоже, мне на роду написано постоянно ездить по местам былых сражений. И началось это с того памятного дня в Итко-Кане... Тогда было так же жарко и оводы вились надо мною, злобно жаля за то, что отрываю их от кровавого пиршества. Я как будто следую за Худом по пятам. Неужели всю свою жизнь я воюю? Умом понимаю, что в армии всего несколько лет, но как же долго они длятся. Королева Грез, я ощущаю себя таким безнадежно старым...»

Паран нахмурился. Жалость к самому себе, если дать ей волю, не подавив в зародыше, способна завести очень далеко.

«Увы, это семейная черта, которую я унаследовал от родителей. Должно быть, я получил ее в полной мере, да еще и долю средней сестрицы прихватил. Не помню, чтобы Тавора когда-нибудь жалела себя. Она с детства была замкнутой и никому не открывала свою душу. А когда выросла, то ничуть не изменилась. Если кто и может спасти нашу семью от расправ, учиненных

Ласин, то лишь она. Каким способом? Любым (хотя, наверное, я бы содрогнулся, узнав все подробности). Но Тавора не привыкла сдаваться; уж пусть она оберегает Дом Паранов, у нее это получится лучше, чем у меня».

Как он ни пытался себя успокоить, какие доводы себе ни приводил, тягостные мысли продолжали грызть душу. После того как малазанская императрица объявила армию Дуджека Однорукого вне закона, никто толком не знал, что делается в родных краях. Генабакис был полон слухов о грядущем восстании в Семиградье. Правда, прежде его уже неоднократно предсказывали, но такие пророчества еще ни разу не сбывались. В успехе восстания Паран сомневался. Хотя, кто знает...

«Что бы ни случилось, Тавора обязательно позаботится о Фелисин. Вот насчет этого я точно могу быть спокоен».

Его размышления прервал Молоток:

– Послушайте, капитан. Полагаю, нам надо ехать прямо в лагерь тисте анди. Скорее всего, штабной шатер Бруда стоит там.

– Штырь тоже так думает, – ответил Паран. – Мы туда и направляемся.

Маг, в смердящей власянице, уверенно двигался к лагерю тисте анди, который даже издали выглядел довольно жутко. Сумерки окрасили в серый цвет и странные островерхие шатры, и ленты, привязанные к опорным шестам. Сами тисте анди казались ожившими призраками и на проезжавших мимо людей обратили не больше внимания, чем на облака над головой.

– Здесь прямо душа стынет, – едва слышно произнес Молоток.

Капитан кивнул. Лагерь тисте анди смахивал на кошмарные картины из его сновидений.

Возле штабного шатра стояли двое, поджидая Парана и его спутников. Даже в темноте капитан без труда узнал Дуджека и Скворца. Тот, как всегда, сразу заговорил по существу:

– Капитан, мне нужно потолковать с твоими подчиненными, а тебя ждет Дуджек. Потом, если не возражаешь, можем собраться все вместе.

Сам не зная почему, Паран весь внутренне напрягся от этих слов. Он ответил утвердительным кивком и подошел к Однорукому.

– Есть вести из Малазанской империи, капитан, – сказал старик.

– Как это, интересно, вы сумели их получить?

Дуджек пожал плечами:

– Обходным путем, разумеется. Но источникам доверять можно... Ласин довольно успешно расправилась со знатью. – Он помолчал. – Теперь у императрицы новая адъютантесса.

Паран кивал, слушая собеседника. Ничего удивительного. Лорн мертва, и ее место не могло долго пустовать.

– Есть новости о моей семье?

– Твоя сестра Тавора сумела отстоять... не все, конечно. Она спасла владения Паранов в Унте, пригородные имения... большинство долгосрочных торговых контрактов. Но для твоих родителей... потрясения оказались чрезмерными. Первым скончался твой отец. Затем и мать последовала за ним по ту сторону врат Худа. Так что прими, Ганос, мои запоздалые соболезнования.

«Другого я от Таворы и не ждал. Скорблю ли я по родителям? Если честно, то не очень, так, постольку-поскольку».

– Благодарю вас за известия, господин главнокомандующий. По правде говоря, я потрясен ими меньше, чем вы предполагали.

– Не торопись, Ганос. Это еще не все новости. Как и всех нас, тебя объявили мятежником и преступником. Естественно, угроза для вашей семьи возросла. Выбор у Таворы был невелик: либо помогать уничтожать других, либо самой пополнить число жертв. Великая чистка – так это называлось на официальном языке. Тавора тщательно все продумала. Такой беспощадной

жестокости Унта еще не видела. Девушек из знатных семей насиловали, а потом убивали. Ликвидировали всех детей и подростков, чтобы старинные фамилии уже никогда не возродились. Опять-таки официального приказа правительства на этот счет не было. Возможно, Ласин даже не знала о том, что вытворяет ее адъютантесса.

– Фелисин жива? Если нет, так прямо и скажите. Подробности мне знать ни к чему.

– Фелисин жива, капитан. А узнать подробности тебе будет нелишне.

– И какую же цену Таворе пришлось заплатить за это?

– Тавора далеко не всемогуща, хотя и стала адъютантессой. И потом, судя по ее действиям, не скажешь, что она была склонна кому-либо покровительствовать. Даже собственной сестре.

Паран закрыл глаза.

«Адъютантесса Тавора, – мысленно произнес он. – Ты всегда была честолубивой, сестричка. А теперь тебе есть где развернуться».

– Так что с Фелисин? Ее бросили в тюрьму?

– Ее сослали на отатараловые рудники, капитан. Не пожизненно, в этом можешь не сомневаться. Как только страсти в Унте поулягутся, твою младшую сестру потихоньку, без лишнего шума, вернут назад.

– Ее вернут лишь в том случае, если это не повредит репутации Таворы.

У старика округлились глаза.

– Как ты сказал? Репутации?

– Не среди знати, нет. Там ее, вероятно, считают чудовищем и проклинают. Но Тавору это не волнует. Ее вообще никогда не заботили подобные вещи. Я имею в виду репутацию Таворы в глазах Ласин и ее окружения. Все остальное для моей сестры не имеет ровным счетом никакого значения. Императрица нашла достойную замену Лорн. – Паран говорил спокойно и взвешенно, как будто речь шла не о его родных сестрах, а о каких-то совершенно посторонних людях. – Вы же сами сказали, что выбор у Таворы был невелик. И вообще, по большому счету все это произошло из-за меня. Великая чистка – изнасилования, убийства, смерть моих родителей, все, что выносит теперь Фелисин, – это моя вина.

– Постой, капитан... Что ты такое говоришь?

– Не беспокойтесь, я не рехнулся, – улыбнулся Паран. – Отпрыски Дома Паранов способны выдержать буквально все. Мы можем выжить в любых условиях. Наверное, мы трое – настоящие звери, лишенные совести. Позвольте еще раз, господин главнокомандующий, поблагодарить вас за известия. А теперь лучше расскажите, как прошла ваша встреча с Каладаном Брудом.

Паран изо всех сил старался не замечать сочувствия, сквозившего во взгляде Дуджека Однорукого.

– Переговоры прошли успешно, капитан, – ответил старик. – Твой полк выступает через два дня. Быстрый Бен останется здесь. Потом он вас догонит. Уверен, твои солдаты готовы к...

– Так точно, вполне готовы.

– Вот и прекрасно. Тогда я больше тебя не задерживаю.

Вместе с темнотой на мир опустилась тишина. Паран стоял на вершине большого кургана. Ласковый, едва ощутимый ветерок касался его лица. Ему удалось покинуть лагерь тисте анди, не столкнувшись ни со Сквиорцом, ни с остальными сжигателями мостов. Ночь располагала к одиночеству, и капитан был доволен, что никто не тревожит его здесь, на этом скорбном месте, полным воспоминаний о боли и страданиях.

«Сколько их тут, лежащих внутри кургана? И сколько воинов, расставаясь с жизнью, в отчаянии звали своих матерей? Когда человек умирает, он снова превращается в маленького испуганного ребенка.

Многие философы склонны считать, что мы навсегда остаемся детьми, а так называемая взрослость – не более чем одежда или доспехи. И приближающаяся смерть рвет их в клочья.

Пока мы живы, мы покорно носим этот панцирь, хотя он сжимает нам тело и душу. Но панцирь дает защиту, притупляет удары. Чувства теряют свою остроту, они не разрывают человека, а оставляют всего лишь царапины и ссадины. Впрочем, и те скоро заживают».

Паран запрокинул голову. Затекшие плечи и шея отозвались тупой болью. Он глядел в небо; мышцы саднили так, что на глаза наворачивались слезы, заставляя его моргать. Собственное тело казалось сейчас Парану смиренной рубашкой.

«Но разве можно убежать от воспоминаний? Нет, ни от них, ни от озарений никуда не скроешься. – Паран жадно глотнул прохладного воздуха, словно бы вместе с ним хотел вдохнуть холодное равнодушие далеких звезд. – Страдания – вовсе не дар, они не окупаются и ничего не дают человеку. Достаточно взглянуть на тисте анди... Хорошо хоть боль в животе улеглась. Или это лишь затишье перед новым приступом?»

Над головой проносились летучие мыши, хватая и тут же пожирая добычу. К югу от кургана, будто горстка догорающих углей, светились огоньки Крепи. Далеко на западе проступали угрюмые очертания Морантских гор. Паран не сразу сообразил, что он стоит, плотно обхватив себя руками, будто пытаясь удержать все свои переживания внутри. Он не привык проливать слезы и сетовать на судьбу. Холодность и отчужденность были знакомы ему с детства (возможно, он таким родился), а обучение в офицерской школе лишь усугубило эти качества.

«Что ж, Тавора, ты рассчиталась с нами обоими. Ты сполна отплатила и мне, и младшей сестре за все насмешки... Ох, моя дорогая маленькая Фелисин, как-то тебе сейчас живется? Отатараловые рудники – неподходящая почва для такого нежного цветка, как ты».

Сзади послышались шаги. Паран закрыл глаза.

«Хватит с меня новостей. Больше ничего не хочу знать».

– Вот ты где, капитан, – произнес Скворец, кладя руку ему на плечо.

– Захотелось послушать тишину, – пояснил Паран.

– А мы тебя искали, но никак найти не могли. После разговора с Дуджеком ты как сквозь землю провалился. Спасибо Серебряной Лисе – это она сказала, где ты.

– Кто такая Серебряная Лиса?

– А это уж ты сам для себя должен решить, – ответил бородатый командор.

– Прошу прощения, но я сейчас не в том настроении, чтобы разгадывать загадки, – хмуро взглянув на Скворца, промолвил Паран.

Командор понимающе кивнул:

– Придется потерпеть, капитан. В общем, расклад следующий. Я могу понемногу подталкивать тебя к разгадке, вести вперед шажок за шажком. Или же хорошенько подтолкнуть и отправить в полет. Я предпочитаю второй вариант. Возможно, когда-нибудь, оглянувшись назад, ты вспомнишь этот наш разговор и поймешь, почему я сделал такой выбор.

Паран хотел было сказать, чтобы Скворец оставил его в покое, но промолчал.

– Они ждут нас у подножия кургана, – продолжал командор. – Там только Молоток, Быстрый Бен, Мхиби и Серебряная Лиса. Я позвал целителя и мага на тот случай, если у тебя появятся... сомнения. Оба потратили немало сил, чтобы убедиться в... истинности случившегося.

– Вы можете выразаться яснее? – не выдержал Паран. – Хватит уже ходить вокруг да около!

– Серебряная Лиса – девочка из клана рхиви. И одновременно она – возродившаяся колдунья Рваная Снасть.

Капитан медленно перевел взгляд к подножию кургана, где виднелись четыре силуэта. Над девочкой разливалось красноватое сияние – свидетельство магической силы, унаследованной этим ребенком и пробудившей горячую дикую кровь в ее жилах.

«Да, это она. Та девочка, которую я уже однажды видел, стала старше. Глядя на нее, можно предугадать, как она будет выглядеть, когда повзрослеет. Худ тебя побери, Рваная Снасть! Ты никогда не искала легких путей».

Капитан вдруг ощутил слабость и дрожь во всем теле, как будто то, что он тщательно удерживал внутри, теперь стремительно вырвалось наружу.

– Она ведь еще совсем ребенок, – пробормотал Паран.

«Но я же знал, что Рваная Снасть не погибла. Мне просто не хотелось думать об этом... А теперь мне придется еще и говорить с ней».

– Серебряная Лиса быстро растет, – усмехнулся Скворец. – Ей и самой непросто быть ребенком. В ней собрано столько сил, которым не терпится проявить себя, когда она станет взрослой. Тебе не придется долго ждать...

– И тогда я смогу, не нарушая приличий, уложить ее в постель, – сухо dokonчил за него Паран. Он не заметил, что командора покорило от этих слов. – Прекрасное будущее. А в настоящем? Стоит нам просто взяться за руки, как меня тут же назовут растлителем малолетних. – Он повернулся к Скворцу. – При всех своих удивительных способностях, она еще ребенок.

– Но внутри этого ребенка живет Рваная Снасть. И Ночная Стужа.

– Ночная Стужа? Худ меня побери! Как такое возможно?

– Я вряд ли сумею ответить на столь заковыристые вопросы, капитан. Спроси у Быстрого Бена или у Молотка. А еще лучше – у Серебряной Лисы.

Паран невольно попятился назад:

– Поговорить с нею? Нет, я не могу.

– Но она сама хочет этого. Ждет тебя.

– Нет. – Паран опять взглянул вниз. – Да, я чувствую... это действительно Рваная Снасть. Но это еще не все – и дело тут не только в Ночной Стуже, – она теперь одиночница, командор. Создание, которому девочка обязана своим рхивийским именем и силой превращения...

– Откуда ты это знаешь, капитан? – изумился Скворец. – Ты же не маг.

– Просто знаю, и все тут.

– Очень странно. Быстрому Бену стоило немалых сил выяснить это. А ты вдруг... Как тебе удалось?

Капитан наморщил лоб:

– Я чувствовал, что Быстрый Бен меня проверяет. Стоило мне немного отвлечься, как он сразу же закидывал удочку. Видно было, он чем-то встревожен. Что он узнал?

– Опонны потеряли к тебе интерес и убралась восвояси, но их место занял кто-то другой. И этот кто-то страшнее Близнецов Удачи. Когда ты рядом, у Бена аж волосы дыбом встают на загривке.

– Волосы? – улыбнулся Паран. – Вернее сказать, шерсть. Аномандер Рейк убил двух Псов Тени. Это случилось на моих глазах. Кровь умирающей Гончей брызнула на меня и проникла внутрь. Теперь я чувствую в своих жилах примесь чужой крови.

– И это все? – невозмутимо поинтересовался Скворец.

– А разве должно быть что-то еще?

– Да. Быстрый Бен поймал, скажем так, отблески. Поэтому в тебе сейчас есть кровь не только одного из Взошедших. – Командор немного помедлил и добавил: – Между прочим, Серебряная Лиса придумала для тебя рхивийское имя: Джен'исанд Рул.

– Джен'исанд Рул? Что оно значит?

– Это переводится как Странник-внутри-Меча.

– Странник? – удивился Паран. – Кстати, одиночников иногда тоже называют странниками.

– Нет, дело тут совсем в другом. По словам Серебряной Лисы, ты совершил нечто такое, чего прежде никогда не удавалось ни смертным, ни Взошедшим. И этим обратил на себя внимание высших сил. Ты получил отметину, Ганос Паран, однако от кого и какую именно – этого не знает даже Серебряная Лиса. Расскажи мне, что там случилось.

Капитан равнодушно пожал плечами:

– Рейк тогда сражался своим черным мечом. Когда он убил Псов Тьмы, я последовал за ними... внутрь этого меча. Души Гончих оказались плененными и закованными в кандалы... как и все остальные узники. Мне показалось, что я их освободил. Сказать с уверенностью не могу, но Псы Тьмы куда-то скрылись. Они вырвались оттуда.

– Гончие возвратились в наш мир?

– Не знаю... Джен'исанд Рул, стало быть... А с чего вдруг вообще столько внимания моим приключениям внутри меча?

– Вопрос не ко мне, капитан. Я лишь повторяю слова Серебряной Лисы. Но вот о чем я сейчас подумал. – Скворец подошел к нему почти вплотную. – Тисте анди об этом знать не должны. Смотри не проболтайся Корлат или Аномандеру Рейку. Сын Тьмы – бестия непредсказуемая, в чем мы уже не раз убеждались. Если только легенда о Драгнипуре не выдумка, тогда меч этот и впрямь является страшной темницей, откуда не вырвешься. Души узников обречены на вечные муки... Однако ты как-то сумел обмануть стражей Драгнипура, и Гончие, скорее всего, обрели свободу. Стало быть, ты подал узникам опасный пример.

Паран горько улыбнулся:

– Обмануть? Да. Я много кого успел обмануть. Даже смерть.

«Только не боль, – добавил он про себя. – Это мне не удастся, как бы я ни старался».

А вслух спросил:

– Вы думаете, для Рейка очень важно, чтобы его Драгнипур оставался вечной темницей?

– Думаю, да. Он так гордится своим мечом. Или ты со мной не согласен?

– Согласен, командор, – устало вздохнул Паран.

– Давай-ка уже спускаться. Нас заждались, – напомнил Скворец.

– Я никуда не пойду.

– Худ тебя побери, Паран! – рассердился Скворец. – Я же тебя не на свидание зову. Тут на карту поставлено гораздо больше, чем просто ваша с нею любовь-морковь! Серебряная Лиса обладает громадной магической силой. Какой – ни мы, ни она толком не знаем. Каллор ненавидит ее так, что готов убить, и это не преувеличение. Девочке грозит опасность. Так что пора поставить вопрос ребром: встанем ли мы на ее защиту или будем держаться в стороне? Этот древний тиран во всеуслышание называет Серебряную Лису «чудовищем» и «недоразумением». Стоит Каладану Бруду недосмотреть...

– И Каллор убьет ее? Но за что?

– Он боится не самой девчонки из племени рхиви, а ее силы.

– Что за чушь? Серебряная Лиса – всего лишь...

Паран хотел сказать «ребенок», но осекся.

«Ребенок ли? Нет».

– И по-вашему, мы должны оберегать ее от Верховного Короля? Это весьма рискованно, командор. Кто еще на нашей стороне?

– Корлат и остальные тисте анди.

– И Аномандер Рейк тоже?

– Пока неизвестно. Корлат ни на грош не верит Каллору. К тому же она дружна с Мхиби. Корлат обещала обсудить все с владыкой Семени Луны, когда тот прибудет сюда...

– Он появится здесь?

– Да. Скорее всего, рано утром. Постарайся не попадаться ему на глаза.

Паран кивнул.

«Мне с лихвой хватило одной встречи».

– А Воевода?

– Сомневается, как нам кажется. Но Бруду нужны рхиви и их стада бхедеринов. Так что сейчас он – главный защитник Серебряной Лисы.

– А Дуджек?

– Ждет твоего решения.

– Моего решения? Что за ерунда: я не маг и не жрец. Я совершенно не представляю будущее Серебряной Лисы.

– Не забывай, Паран: внутри этой девочки живет Рваная Снасть. Нужно только вытащить колдунью на первый план... поближе к поверхности.

– Теперь понимаю. Рваная Снасть должна занять главенствующее положение, поскольку она никогда нас не предаст.

– Да. Только почему ты говоришь таким похоронным тоном?

«А мне что, смеяться и скакать от радости на одной ножке? Хотел бы я послушать, каким бы тоном заговорил ты на моем месте».

– Ладно, пошли! – прекратил сопротивление капитан. – Вы идите вперед, а я за вами.

– Сдается мне, Паран, – проговорил Скворец, спускаясь с вершины, – что тебя надо повысить в чине. А то прямо и не разберешь, кто кому тут приказы отдает.

Они действовали тихо и незаметно, украдкой проникнув в лагерь тисте анди. Правда, все тисте анди в это время находились в шатрах. Большинство сжигателей мостов, возглавляемых сержантом Мурашом, отправились к загону, чтобы разместить там лошадей. Тем временем капрал Хватка, а также Деторан, Мутная, Ходок и Колотун пробрались к штабному шатру Каладана Бруда, где их уже поджидал Штырь.

Хватка кивнула, и чародей, облаченный в вонючую власяницу с не менее вонючим капюшоном, повернулся к хорошо занавешенному входу в шатер. Он несколько раз взмахнул рукой, немного подождал, а затем плюнул на полог. Слюна мага беззвучно шлепнулась на плотную ткань. Штырь подмигнул Хватке и поклонился, словно лакей, приглашающий гостей в дом.

Колотун ткнул капрала локтем и выпучил глаза.

Хватка знала: внутри шатер разделен на две половины. Дальняя, та, что поменьше, служила Бруду личными покоями и спальней. Капрал оглянулась по сторонам, ища глазами Мутную.

«Ну и куда, спрашивается, подевалась наша красавица? Худ ее, что ли, забрал? Только что ведь рядом стояла...»

Два цепких пальца впились в запястье Хватки, и та чуть не вскрикнула от неожиданности. Рядом довольно скалилась Мутная. Шевеля одними губами, капрал обрушила на подругу поток отборной ругани. Мутная заулыбалась еще шире, а затем подошла к пологу, нагнулась и принялась развязывать кожаные тесемки.

Хватка оглянулась. В нескольких шагах позади высились угрожающие силуэты Ходока и Деторан. Колотун вновь пихнул капрала локтем, давая знать, что вход открыт.

«Ладно, за дело. Пора выполнять, что задумали».

Первой в шатер осторожно проникла Мутная, потом Штырь, а за ним Колотун. Хватка махнула баргасту и напанке, после чего и сама скользнула внутрь.

Ходок взялся за один край стола, Деторан подхватила другой. Колотун и Штырь его держали с боков. Но едва они сделали пару шагов, как пришлось остановиться: уж больно тяжело. Мутная двинулась вперед и попыталась задрать полог как можно выше. Вокруг стояла зловещая магическая тишина, и это невольно действовало всем на нервы. Наконец четверым носильщикам удалось вытащить стол наружу. Хватка следила за шатром, постоянно оглядываясь. Но Каладан Бруд оттуда так и не высочил.

«Пока все идет как надо».

Хватка и Мутная тоже взялись за столешницу. Но даже вшестером их хватило лишь на полсотни шагов. Ношу пришлось опустить на землю, чтобы хоть немного перевести дух.

– Здесь недалеко, – шепнул Штырь.

– Нас там застукают, – поморщилась Деторан.

– Могу побиться об заклад, что там нас точно не найдут, – моментально оживилась Хватка. – Но сначала давайте его туда дотащим.

– Ты что, не можешь сделать стол полегче? – заскулил Колотун, поглядывая на Штыря. – А еще маг называется.

– Я тебе не Быстрый Бен, – огрызнулся тот. – Вечно ты ноешь. А сам даже не вспотел.

– Тише, вы! – шикнула на них Хватка. – Поднимайте стол, и двигаем дальше.

– Между прочим, когда несешь тяжести, очень важно правильно дышать, – бормотал Колотун, хватаясь за свой край стола. – А от власяницы Штыря так воняет, что я скоро в обморок упаду. Ты вообще когда-нибудь стираешь свой наряд?

– Стирать рубаху? Ты спятил! Да мама за всю свою жизнь вообще ни разу волосы не мыла. С какой стати я вдруг буду это делать? Весь лоск потускнеет.

– Лоск? Ну да, за полсотни лет твоя власяница обросла толстым слоем прогорклого жира и вобрала в себя весь твой пот... Вот мне интересно, неужели при жизни твоя мамаша не воняла?

– Эй ты, придурок, думай, что говоришь!

– Вы оба заткнетесь или нет? – одернула их капрал. – Скажите лучше, куда теперь?

– Направо и прямо, а потом налево. Там в конце будет шатер из шкур.

– Спорим, там кто-нибудь живет, – пробормотала Деторан.

– Ничего, мы их выгоним, – заявила Хватка. – Ладно, подруга, не дрейфь. В этот шатер рхиви складывают перед сожжением трупы тисте анди. А с самого Даруджистана у них не было ни одного нового покойника.

– А как вы вообще нашли этот шатер? – полюбопытствовал Колотун.

– Штырь унюхал.

– Странно, что с такой завесой он способен еще что-то унюхать.

– Хватит болтать. Опускаем. Мутная, отворачивай полог.

Стол занял собой почти все внутреннее пространство шатра, и похитители едва сумеливтиснуться туда сами. В углу стояли свернутые подстилки, на которые рхиви укладывали мертвецов. Сжигатели мостов зажгли потайной фонарь, не бросающий света по сторонам, и приладили его на опорный шест. Хватка с удивлением смотрела, как Колотун припал к щербатой поверхности стола и стал водить по ней своими короткими, покрытыми множеством шрамов пальцами.

– Потрясающе, – прошептал сапер, поднимая глаза на капрала. – Зови ребят. Скоро начинаем игру.

– Мутная, сходи-ка за нашими, – велела Хватка.

– Играем на равных, – объявил Колотун, поблескивая глазами. – Мы ведь сейчас – один взвод.

– Хочешь сказать, что наконец-то объяснишь нам свои тайные правила, – недовольно буркнул Штырь. – Если бы мы знали, что раньше ты водил нас за нос...

– Удача готова повернуться к тебе лицом, а ты еще сетуешь. Ну и характер!

– Вы друг друга стойте, – заметила ему Хватка. – Ладно, Колотун, давай выкладывай нам всю правду.

– Принцип зеркального отражения, капрал. Обе колоды – настоящие, понимаешь? Конечно, у Скрипача чутье было поострее, но, думаю, Штырь тоже справится. – Он взглянул на мага. – Ты ведь умеешь гадать на Колоде Драконов? Помнится, ты говорил...

– Чего проще. Не волнуйся, навык есть.

– Но ты только не хвастайся. Карты этого не любят, – предостерег его сапер. Он еще раз погладил шершавые доски стола. – Теперь смотри, как надо играть. Снимаешь карту и, не переворачивая, кладешь ее рядом. Появляется ощущение тяжести. Оно-то и говорит тебе, какая это карта. Ошибок не бывает. Хороший игрок сразу знает, какую карту взял. Вот, например, Скрипач...

– Но его тут нет! – напомнил Ходок.

Баргаст оскалил острые подпиленные зубы и вопросительно поглядел на Штыря:

– Да не трясись ты своим конским хвостом, дикарь! Сам увидишь, что я могу играть не хуже.

– Заткнитесь! – рявкнула на них Хватка. – Наши идут.

Уже почти рассвело, когда бойцы из других взводов начали выходить из шатра. Солдаты радостно смеялись, хлопали друг друга по спине и звенели туго набитыми кошельками. Когда шаги и голоса затихли, Хватка в изнеможении рухнула на стол. Власяница Штыря блестела от пота. Он очумело повертел головой и, убедившись, что все ушли, со стоном уронил ее, ударившись лбом о шершавые доски. Только Колотун, казалось, ничуть не устал. Сапер задумчиво вертел в руках деревянную карту.

– Отставить! – скомандовала ему Хватка. – Ну что, убедился, что этот проклятый стол годится только на дрова? Либо Каладан Бруд здорово подпортил его своей магией, либо вы со Скрипачом сами не знали, что сколотили.

– Неправда, стол сделан на славу.

– С чего ты взял? Его же сперли раньше, чем вы успели проверить!

– Это не важно. Говорю тебе...

– А ну-ка, все цыц! – велел Штырь, поднимая голову.

Грязной пятерней он чесал наморщенный лоб, внимательно разглядывая поверхность стола:

– Как ты сказала, Хватка? Подпортил магией? А ведь, похоже, так оно и есть.

Он принялся, затем присел на корточки:

– Эй, мне нужна подстилка.

Никто не шевельнулся.

– Колотун, помоги ему, – велела саперу Хватка.

– Помочь ему забраться под стол? Поздно прятаться.

– Это приказ.

Что-то недовольно бурча себе под нос, Колотун принес Штырю подстилку. Чародей развернул ее и лег под столом. Вскоре там появилось тусклое магическое сияние.

– Ага. Вот оно... деревянное брюхо! – донеслось снизу.

– Какой ты наблюдательный, Штырь, – съязвил Колотун. – Обрати внимание: там еще и ножки есть.

– Я же не про само днище, дурень! На нем нарисована... большая карта. Вот только я что-то такой в Колоде Драконов не припомню.

Колотун скорчил гримасу и тоже полез под стол:

– Какая еще карта? Мы снизу ничего не рисовали... Вонючие сапоги Худа! А это еще откуда взялось?

– Вот и я спрашиваю. По-моему, красной охрой намалевано. Обычно так баргасты свои узоры рисуют.

– Или рхиви, – пробормотал Колотун. – А это кто изображен посередине, с собачьей головой?

– Я-то почему знаю? – огрызнулся Штырь. – Но картинка совсем свеженькая. По всему чувствуется, ее нарисовали недавно.

– Ну так сотри ее, – усталым голосом произнесла Хватка.

Штырь выбрался из-под стола:

– Можешь сама попробовать, если такая умная. Картинка крепко припечатана охранительными заклинаниями. – Он выпрямился. – Это новая карта. Независимая, не связанная ни с одним из Домов. Хочу себе копию срисовать, под размер Колоды Драконов, а потом попробовать разгадать ее смысл... Можно, Хватка?

– Да, пожалуйста, ломай голову, если не лень, – вздохнула та.

Колотун высунулся из-под стола. Чувствовалось, что затея мага не только пришлась ему по вкусу, но и взбодрила после бессонной ночи.

– Ты хорошо придумал, Штырь. Это меняет весь расклад. Если новая карта не противоречит остальным, можно будет прощупать, как она с ними связана, вычислить новые связи, новые отношения, а потом...

– Начать новую игру? Почему бы и нет?

– Я и так уже просадила все свои денежки, – простонала Деторан.

– Ну, положим, не только ты одна. Мы тоже здорово поиздержались, – напонила ей Хватка.

– Ничего, в следующий раз все пойдет как по маслу. Вот увидите, – пообещал Колотун. Штырь воодушевленно закивал.

– Вы уж простите, что мы тут не хлопаем в ладоши от радости, – процедила Мутная.

– Эй, Ходок, взгляни-ка и ты на картинку под столом, – велела баргасту Хватка.

Тот нехотя опустил на четвереньки и полез вниз.

– Темно. Я ничего не вижу.

– Посвети ему, любитель вонючих волос, – подсказал Штырю Колотун.

Маг хотел было что-то возразить, но затем просто махнул рукой. Сияние вернулось.

Ходок молча разглядывал изображение.

– Ну как? – спросила Хватка. – Ваши рисовали?

Баргаст встал и покачал головой:

– Нет, рхиви.

– Но рхиви не балуются с Колодой Драконов, – заметил Штырь.

– Баргасты тоже, – сверкнув зубами, ответил ему Ходок.

– Мне нужно раздобыть деревяшку, – сказал Штырь, вновь принимаясь скрести жидкую щетину на подбородке. – А еще потребуются стило, – продолжал он, не обращая внимания на остальных, – и кисть с краской.

Закончив перечислять необходимые ему вещи, маг выбрался из шатра. Хватка вздохнула и в который уже раз сердито посмотрела на Колотуна:

– Не удивлюсь, сапер, если ты всех нас рассорил с Седьмым взводом. Бедный Мураш чуть не помер, когда увидел, скольких монет лишился. Сейчас, поди, потрошит какого-нибудь вяхиря. Вырвет у птички печень и пошепчет над ней твое имя. Правда, может, удача тебе улыбнется – говорят, дуракам везет – и демон не захочет помочь сержанту.

– Нашла чем пугать, – засмеялся Колотун.

– Это не пустые слова, – предостерегла его Деторан.

– А на такой случай у меня припасена «ругань», и будь я проклят, если не прихвачу вас с собой полюбоваться на то, что станет с демоном.

– До чего ж ты заботливый, Колотун, – сказал ему Ходок.

Хватка зевнула:

– По-моему, нам пора валить отсюда.

Паран и Серебряная Лиса стояли чуть поодаль от остальных. Оба смотрели на восточный край неба, где недавняя ночная тьма сменялась медными и бронзовыми полосами зари. Гасли последние звезды. Еще немного, и их холодные равнодушные бусинки совсем исчезнут, уступив место теплой голубизне безоблачного утреннего неба.

Минувшие часы были для капитана нескончаемым потоком мучений и боли – не столько телесной, сколько страданий воспаленного разума. Вместе с усталостью наступило и какое-то странное облегчение. Или безразличие, как у больного лихорадкой, когда очередной приступ миновал. Капитан молчал, боясь нарушить внутренний покой. Да и настоящий ли это покой? Вряд ли. Скорее иллюзия затишья в самом сердце бури.

«Нужно вытащить Рваную Снасть поближе к поверхности», – вспомнил Паран слова Скворца. Кажется, это ему удалось. Им было достаточно лишь обменяться взглядами, чтобы врата общих воспоминаний распахнулись и оттуда хлынули мощные потоки, едва не сбившие его с ног.

«Она – ребенок. Я смотрю в лицо собеседнице, и все во мне противится даже мысли о близости с нею, хотя не так давно она была взрослой женщиной. Но той женщины больше нет. Есть десятилетняя девочка».

Если бы его страдания ограничивались только этим. Сквозь сущность, принадлежащую Рваной Снасти, неистово стремилась пробиться другая, похожая на клубок колючей черной проволоки. Ночная Стужа, имперская колдунья, возлюбленная Беллурдана. Их отношения не были союзом равных, и теломенский маг послушно шел туда, куда его вела суровая подруга. Паран чувствовал, что эта женщина и теперь проявляла себя, демонстрируя волю, силу характера, ожесточение.

«Ночная Стужа до сих пор обижена. На кого же она злится? На Тайскренна, на Ласин, на всю Малазанскую империю, и одному только Худу ведомо, на кого еще. Она знает, что стала жертвой предательства... а вскоре случилось и другое предательство, погубившее Беллурдана».

– Не надо бояться т'лан имассов, – сказала Серебряная Лиса.

Паран встрепнулся:

– Ты так говоришь, потому что повелеваешь ими. Но нас всех не перестает терзать вопрос: что ты собираешься делать с этим бессмертным воинством? Для чего понадобилось их Слияние и чем оно обернется для нас?

Девочка вздохнула:

– Вы громоздите вокруг него столько сложностей, а на самом деле все очень просто. Т'лан имассы собираются, чтобы получить благословение. От меня.

– Но почему?

– Да потому, что впервые за сотни тысяч лет у них появилась новая заклинательница костей. Из плоти и крови. – Лицо девочки помрачнело. – Но важно другое: вначале нам понадобится их помощь. Вся сила, которая у них есть. Ты даже не представляешь, какие ужасы ждут нас там... в Паннионском Домине.

– Послушай, Серебряная Лиса, но тогда и другие должны узнать об этом твоём... благословении и уж тем более об угрозах, подстерегающих всех в Паннионском Домине. Бруд, Каллор.

Она покачала головой:

– Мое благословение их не касается. Это только наше дело: мое и самих т'лан имассов. А про Паннионский Домин я пока ничего большего сказать не могу. Я должна еще многое узнать, прежде чем решусь говорить с другими. И с тобой сейчас поделилась по старой памяти, во имя того, кем мы были друг для друга и кем... мы стали.

«И кем же, интересно, мы стали? Нет, сейчас не время задавать этот вопрос».

– Ты дала мне имя – Джен'исанд Рул. Откуда ты его взяла?

– Эту сторону твоей личности я не понимаю, – призналась девочка. – Но тут не все так просто... Скажи, ты много знаешь про Колоду Драконов?

– Почти совсем ничего не знаю, – улыбнулся Паран.

Сейчас он яснее, чем за все время их разговора, ощущал присутствие Рваной Снасти.

Девочка медленно втянула в себя воздух, задержала дыхание, а потом так же медленно выдохнула. Прикрыв глаза, она глядела на восходящее солнце.

– Колода Драконов... это вроде армии, чтобы управлять магическими силами мира. Кто ее создал – неизвестно. Я думаю... вернее, Рваная Снасть так считает... что каждая карта является порталом магического Пути. Раньше карт было гораздо больше, чем сейчас. Вполне вероятно, что известная нам волшебная колода – не единственная. Могли существовать и другие. Не исключено, что где-то они остались и сейчас.

Паран внимательно посмотрел на собеседницу:

– Но это еще не все. У тебя возникло и другое подозрение, верно?

– Да. Как я сказала, неизвестно, кто создал Колоду Драконов... Но есть, как бы это лучше тебе объяснить... иной способ управления теми же магическими силами. Станный, загадочный способ. Может, ты слышал, что Колода состоит из домов: дом Тьмы и дом Света, дом Жизни и дом Смерти... – Серебряная Лиса повернулась к нему. – У т'лан имассов есть слово «Финнэст». Оно тебе что-нибудь говорит?

– Нет. Я никогда его не слышал.

– Т'лан имассы толкуют его как «Обитель Льда». Давным-давно у представителей коренных рас «Обитель» была синонимом нашего «Дома», то есть означала то же, что и «магический Путь». Источник магической силы яггутов заключался... наверное, ты уже догадался. Он был сокрыт в Финнэсте, Обители Льда.

«Финнэст... Дом Финнэста в Даруджистане... Дом Азата».

Она помолчала, заглядывая в глаза Парану, и продолжила:

– А «Треморлор» в переводе с языка треллей означает «дом Жизни».

– О Треморлоре я тоже никогда не слышал.

– Это дом Азата в Семиградье. А в городе Малаз, в вашей империи, стоит Мертвый дом – дом Смерти...

– Ты думаешь, что дома Азата и дома в Колоде Драконов – это одно и то же?

– Да. Либо они каким-то образом связаны. Подумай сам.

Паран призадумался. Он мало знал о тех и других и не очень представлял нити, которые могли бы их связывать. В душе опять зашевелилась тревога, отозвавшаяся резкой болью в животе. Капитан закусил губу. Он слишком устал, чтобы напряженно размышлять, но Серебряная Лиса внимательно глядела на него. Паран понимал: весь этот разговор она затеяла не ради праздной болтовни.

– Говорят, что император Келланвед и его первый советник Танцор не погибли, а укрылись в Мертвом доме.

– Да, так и есть. Келланвед и Танцор стали Взошедшими и теперь правят Высоким домом Тени. Келланвед – это не кто иной, как Престол Тени, а Танцор – это Котильон по прозвищу Узел, Покровитель Убийц.

– Что?! – изумился Паран, во все глаза глядя на девочку.

Серебряная Лиса улыбнулась:

– Об этом нетрудно догадаться. Вспомни, кто из Взошедших охотился за Ласин, пытаясь уничтожить императрицу? Престол Тени и Котильон. С чего бы вдруг Взошедшим проявлять такое внимание к смертной женщине? Обычно они равнодушны к делам смертных, если только... если только не жаждут кому-то отомстить.

Память перенесла капитана на прибрежную дорогу в Итко-Кане... Злодейски убитые люди... чудовищные раны, нанесенные челюстями громадных зверей.

«Гончие. Псы Тени, щеночки Престола...»

Тот день стал переломным в судьбе лейтенанта Парана, его жизненный путь совершил крутой поворот... Он вспомнил девочку-подростка, чьим сознанием завладел Котильон, превратив ее в хладнокровного убийцу...

– Подожди-ка! – спохватился Паран. – Но если Келланвед и Танцор нашли пристанище в Мертвом доме, то почему же они не стали служителями Высокого дома Смерти?

– Я сама много над этим думала. Видишь ли, Ганос, владение Смерти уже было занято. Король Высокого дома Смерти – сам Худ. Подозреваю, что каждый Азат заключает в себе нечто вроде общего портала, откуда можно попасть на любой магический Путь. Стоит только проникнуть внутрь Азата, и ты можешь... выбирать. Келланвед с Танцором нашли пустующий дом со свободным тронном и стали его правителями. Так появился Высокий дом Тени, который сразу же сделался частью Колоды Драконов. Понимаешь?

Капитан растерянно кивнул, пытаясь хоть как-то осмыслить и уложить в голове столь невероятные, просто ошеломляющие сведения. Живот свело судорогой. Усилием воли он подавил боль.

«Но какое отношение все это имеет ко мне?»

Этот вопрос не давал ему покоя и требовал ответа.

– Некогда дом Тени был Обителью, – продолжала девочка. – Он и сейчас сильно отличается от других домов. Это место дикой, звериной силы, которое долгое время не знало иных правителей, кроме Псов Тени.

– А чем же тогда являются независимые карты Колоды Драконов?

Серебряная Лиса неопределенно пожала плечами:

– Упущенными возможностями. Игрой сил. Азат и Колода Драконов упорядочивают мир. Но любой порядок, даже самый строгий, нуждается в определенной свободе, иначе он закоснеет и станет хрупким.

– И где же, по-твоему, в этом порядке мое место? Я ведь не маг, Серебряная Лиса, а самый обыкновенный смертный.

«Боги, молю вас, избавьте меня от миссии, которую вы мне готовите. Прошу вас, найдите для этого более подходящего человека».

– Ох, Паран, об этом я тоже очень много думала. Смотри, что получается: Аномандера Рейка называют Рыцарем Высокого дома Тьмы. Но где сам этот дом? Прежде всех прочих была Тьма, Мать-прародительница, породившая все и вся. Значит, должно существовать такое древнее место... может, Обитель... или то, что было до того, как появились Обители. Должно быть место для портала, вход в Куральд Галейн... скрытый, потому что первая душа, попавшая туда, запечатала собой этот вход.

– Душа, – повторил Паран, чувствуя противный холодок, ползущий по спине. – Или целый сонм душ.

Дыхание Серебряной Лисы почему-то стало шумным и натужным.

– До появления домов существовали Обители, – с безжалостной логикой продолжал Паран. – И те и другие отличались неподвижностью, как дома в поселениях. Но ведь прежде, чем возникли поселения... люди кочевали, перемещались туда-сюда. Дома образовались из Обителей, Обители из... порталов, врат, пребывающих в постоянном, непрестанном движении... Быть может, существовали... блуждающие порталы. – Он сощурился. – Повозка, под завязку нагруженная бесчисленными душами... она закрывает собой портал во Тьму...

«Но я сумел найти брешь и отправил туда двух Гончих Тени. Только вот куда они попали? Неужели на один из Путей Хаоса?»

– Паран, в Колоде Драконов появилась новая карта. Независимая, не связанная ни с одним из домов. Но она может встать над всеми остальными. У Колоды еще никогда не было... хозяина, господина. – Серебряная Лиса посмотрела на него в упор и заключила: – А теперь, как мне кажется, хозяин появился. Это ты.

Услышав подобное заявление, капитан поначалу лишился дара речи и так вытаращил глаза, что они у него едва не вылезли из орбит. Но вскоре изумление прошло.

– Что за чушь?! Быть такого не может, Рваная Снасть... то есть Серебряная Лиса. А я-то тут при чем? Ты ошиблась. Или, может, решила подшутить?

– Никакой ошибки нет. Я сама нарисовала ту карту: это ты.

– Какую еще карту?

Будто не слыша его вопроса, Серебряная Лиса продолжала:

– Кто вдохновлял меня? Может быть, моею рукою водил Азат? Или другая неведомая сила? Я этого не знаю, Джен'исанд Рул, Странник-внутри-Меча... Да, Ганос Паран, ты стал новой независимой картой в Колоде Драконов. Возможно, это произошло по чистой случайности, а может, ты изначально появился на свет ради цели, которая известна только Азату. Ответ ты должен найти внутри себя. Понять, во имя чего твоя жизнь столь резко переменилась.

Капитан насмешливо вскинул брови:

– Значит, сие было предназначено свыше? Мне надлежит достичь некоей цели? Нет уж, уволь, Серебряная Лиса, исполнять предначертания – удел героев из баллад и легенд. Лично я больше не верю ни в какие высокие цели. Все это просто самообман. Ты возлагаешь на мои плечи непосильную задачу. Однако будешь сильно разочарована. И Азат – тоже.

– Паран, я говорю тебе лишь то, что знаю. Идет невидимая война. И нападению подвергаются не города и континенты, а магические Пути. Даже не притрагиваясь к картам, я ощущаю, как внутри Колоды Драконов все бурлит. Возможно, собирается армия и ты – один из ее солдат.

«Теперь я отчетливо слышу слова Рваной Снасти».

– Пойми, Серебряная Лиса, я уже достаточно повоевал на своем веку. Побывал во многих сражениях.

Глаза девочки блеснули.

– Кто знает, Ганос Паран, возможно, все твои сражения были частями одной великой войны.

– Но я не стратег вроде Дуджека Однорукого или Каладана Бруда, я не умею выстраивать планы кампаний. Меня... меня просто разрывает на части.

– Можешь не прятать от меня свою боль. Я вижу ее на твоем лице, и у меня сжимается сердце.

Паран отвернулся:

– Меня мучают кошмарные сны... Я постоянно вижу какого-то ребенка. Он где-то заблудился и громко кричит. А место, откуда доносятся его крики, похоже на громадную рану.

– И ты торопишься убежать прочь от ребенка.

– Да, – неохотно сознался Паран. – Я не могу слушать его душераздирающие крики.

– Любовь моя, но ты должен бежать не от ребенка, а к нему. Бегство ожесточит твое сердце.

«„Любовь моя“? Ну и ну! Неужели с помощью этих слов она пытается манипулировать мною?» – подумал капитан. А вслух спросил:

– А кто этот ребенок?

Серебряная Лиса пожала плечами:

– Понятия не имею. Может, жертва той незримой войны. – Она заставила себя улыбнуться. – Ты ведь уже прошел испытание на храбрость и не дрогнул.

– Испытание испытанию рознь, – возразил Паран.

– Но ты теперь – Странник-внутри-Меча. Твоя карта уже существует в Колоде.

– Мне плевать на Колоду Драконов.

– Ей на тебя тоже, – парировала Серебряная Лиса. – У тебя просто-напросто нет выбора...

– Сколько раз я уже это слышал! – раздраженно воскликнул Паран. – Спроси-ка у Опонов, оправдались ли ожидания, которые они на меня возлагали. – Он вдруг дико расхо-

тался. – Да уж, небось братец с сестрицей горько пожалели, что вообще решили со мной связаться. Никудышный выбор – вот кто я. Словом, Рваная Снасть, тут явно какая-то ошибка!

Серебряная Лиса спокойно глядела на него, будто она была рассудительной взрослой женщиной, а капитан – капризным своевольным мальчишкой.

Внезапно гнев оставил Парана. Он взглянул туда, где стояли Мхиби, Скворец, Молоток и Быстрый Бен. Все четверо казались застывшими статуями.

При виде такого терпения и непоколебимой веры в него капитану захотелось крикнуть: «Да поймите же вы, наконец, что поставили не на того! Я – никудышный выбор, вы все ошибаетесь!»

– Я ничего не смыслю в Колоде Драконов, – буркнул он, стараясь не смотреть на девочку.

– Если у нас будет время, я тебя обучу. А если нет – сам научишься.

Паран прикрыл глаза. В животе вновь стали подниматься волны боли, но сдерживать их уже не хватало сил.

«Рваная Снасть сделала все, что смогла. Большого от нее и требовать нельзя. Ты получил желаемое, Скворец. Теперь она главенствует, а остальные подчиняются. Капитан Ганос Паран – дисциплинированный воин. Он выполнил приказ командора...»

Паран мысленно вернулся в кошмарный мир внутри Драгнипура, где сонмы плененных душ безостановочно тащили свой невообразимый груз. Он вспомнил дыру в днище повозки, откуда тянуло холодом пустоты и куда уходили цепи.

«Теперь я понял: повозка и есть тот самый портал, вход в Куральд Галейн – магический Путь Тьмы. Меч собирает души, чтобы залатать дыру, заделать брешь... А брешь настолько велика, что ей без конца требуются все новые и новые жертвы...»

Очередной приступ боли вынудил его застонать. Серебряная Лиса протянула руку и сочувственно коснулась его плеча.

Паран едва не отпрянул.

«Ох, ребята, зря вы на меня надеетесь. Боюсь, я здорово вас всех подведу...»

Глава пятая

*Иссохший, встает он из праха
И мертвыми смотрит очами —
Бездонными ямами боли извечной.
Он служит магнитом:
Его притяженьем сбирается клан,
Из сна восстает, обретая забытую силу.
Пусть сгнило дотла его знамя,
Пусть трон — только груды костей
И призраки свиту его составляют...
Рог сбор протрубил,
И в предутренней мгле
Опять собирается войско
На битву, на битву...
Льда память
Им ярость в сражение придаст.*
Ириг Танин Делюза (р. 1091). Сказание о первом мече

Позади были два дня пути, семь лиг посреди нескончаемых туч пыли, а телаба госпожи Зависти выглядела так, словно бы ее только что достали из гардероба: ни пылинки, ни пятнышка. Ток-младший сорвал с лица задубевший платок и неторопливо скинул заплечный мешок. Раньше его угнетало зрелище бескрайней равнины, но после странствий по засыпанной пеплом вулканической пустыне однообразные травянистые просторы казались подарком судьбы.

Госпожа Зависть подошла и встала рядом.

— Ты думаешь, этот холм — подходящее место для ночлега? — осведомилась она. — Но оттуда мы будем видны как на ладони. Это не опасно? А вдруг здесь рыщут грабители?

— Грабители никогда не отличались особым умом, — ответил Ток. — Но даже самый безмозглый разбойник поостережется связываться с тремя сегулехами. И потом, на вершине холма всегда дует ветер, а значит, мы будем избавлены от докучливых комаров. Поверь мне: разбивать лагерь в низине — не лучшая затея.

— Я склоняюсь перед твоей мудростью, дозорный.

Ток огляделся по сторонам:

— Что-то не видать твоих четвероногих друзей.

— Да и твой костлявый спутник тоже куда-то запропастился. Думаешь, с ними могло что-то приключиться? — с некоторым беспокойством спросила женщина.

Ток в ответ лишь внимательно посмотрел на нее и промолчал. Госпожа Зависть передернула плечами и улыбнулась. Бывший вестовой Второй армии вновь повернулся к своей поклаже:

— Займусь-ка я шатрами.

— Я тебе еще вчера сказала, что для этого у меня есть сегулехи. Наше путешествие только началось. Мы с тобой попутчики, а тебя все время тянет занять положение слуги. Это что, излишняя скромность?

— А ты хочешь, чтобы я на закате вставал в величественную позу, подражая героям легенд?

— Не возражаю! — захлопала в ладоши госпожа Зависть.

— А я и не подозревал, что обязан развлекать тебя в пути.

— Ну вот, ты опять хочешь со мной поссориться. — Госпожа Зависть приблизилась к Току и коснулась его плеча своей почти невесомой рукой. — Прошу тебя, не сердись. Разве я могу

поговорить о чем-нибудь интересном со своими слугами? Да и твой дружок Тлен не располагает к общению. Как взгляну на него, аж кровь в жилах стынет. Правда, мои милые звёрюшки – почти само совершенство: внимательно слушают и никогда не перебивают. Но мне иногда хочется настоящей беседы, живой и умной. Пойми, Ток, в нынешнем путешествии нам не обойтись друг без друга. Так давай же найдем общий язык.

Ток-младший вперился своим единственным глазом в свернутые шатры. Он чувствовал, что Зависть ждет от него ответа.

– Прости, госпожа, но я едва ли гожусь для остроумной беседы. Я – солдат, и не более того.

«Да еще и вдобавок покрытый уродливыми боевыми шрамами: любой, кто посмотрит на меня, в ужасе отшатнется», – мысленно добавил он.

– В тебе говорит вовсе не скромность, а стремление обмануть меня, Ток. – Слова эти были произнесены с заметным оттенком недовольства. – Ты получил образование, гораздо более широкое и разностороннее, чем требуется тому, кто избрал карьеру солдата. Я слышала твои разговоры с т'лан имассом. С ним ты почему-то не пытаешься выставить себя исполнителем тупицей. Тогда откуда вдруг эта внезапная робость? Тебя что-то во мне пугает?

Ее рука по-прежнему лежала на его плече.

– Ты – колдунья. Я это сразу понял. А от магии мне всегда становится худо.

Госпожа Зависть убрала руку.

– Ясно... Хотя на самом деле я ничего не понимаю. Твой т'лан имасс пропитан такой колдовской силой, какой уже очень и очень давно не было в нашем мире. Вот так-то, мой дорогой Ток-младший. Один только меч его чего стоит. Это древнее кремневое оружие невозможно ни сломать, ни даже затупить. Меч Тлена пробивает и видимые, и магические преграды без всякого труда, словно это куски тонкого пергамента. Никакой магический Путь не устоит перед его натиском. Когда меч находится в руках т'лан имасса, я предрекаю поражение любому, кто отважится на поединок. Но и без оружия этот древний воин впечатляет. Он непобедим. Скажу больше: даже среди т'лан имассов Тлен занимает особое положение. Не описать словами, какой силой – и чародейской, и телесной – наделен твой спутник. Но вот только тебе почему-то не становится худо от его присутствия. Во всяком случае, я ничего такого не замечала.

– О какой силе ты говоришь? – резко возразил Ток. – Этот т'лан имасс – кожа да кости. Как можно сравнивать! К тому же он не кокетничает со мной и не обжигает язвительными улыбками. С ним я не ощущаю своей увечности и не вспоминаю с болью в сердце, что когда-то мое лицо не отталкивало людей, а притягивало их взгляды.

– Но я ведь не смеюсь над твоими шрамами, – тихо сказала госпожа Зависть.

Ток оглянулся на троих застывших сегулехов.

«И угораздило же меня забыть о вас. Ну что, небось потешаетесь надо мной, скрываясь за щитами своих масок?»

– Прости, госпожа, – торопливо пробормотал Ток. – Я сгоряча наговорил лишнего.

– И все равно продолжаешь цепляться за свои слова. Ну что ж, чувствую, мне придется принять вызов.

– Вызов?

– Да, – улыбнулась госпожа Зависть. – Ты не веришь в искренность моей симпатии. Попытаюсь тебя убедить.

– Но, госпожа...

– А ты, стараясь оттолкнуть меня, вскоре поймешь, что сделать это не так-то легко.

– Но для чего тебе это вообще нужно?

«Хочешь сломать все мои линии обороны... ради собственного развлечения?»

Ее глаза вспыхнули, и Ток понял, что не ошибся в своих предположениях. Ему стало противно. Боль вошла в него, словно холодное железо.

Бывший вестовой Второй армии принялся молча разворачивать шатры.

Вернулись Гарат и Баалджаг, начали крутиться вокруг хозяйки. Вскоре среди охристой травы закружился столб пыли. Из него появился Тлен, который нес на плечах тушу вилорогой антилопы. Остановившись рядом с Током, т'лан имасс опустил добычу.

На мертвом животном не было ни царапинки.

«Должно быть, напугал ее до смерти», – подумал малазанец.

– Замечательно! – воскликнула госпожа Зависть. – Сегодня у нас будет ужин не хуже, чем в знатных домах! – Она повернулась к слугам. – Сену, разделай тушу.

«Похоже, у него большой опыт по этой части».

– А чем бы мне занять вас двоих? – продолжала госпожа, рассуждая вслух. – Терпеть не могу праздность. Ты, Мок, поставь мне купальню вон на том холме. О воде и благовониях не беспокойся – это я возьму на себя. А ты, Туруль, достань мои гребни и вечерние одеяния.

Ток поймал на себе вопросительный взгляд т'лан имасса и улыбнулся.

– Мы можем заняться изготовлением стрел, – сказал ему древний воин.

– Я готов, дай только сперва с шатрами разберусь.

– Хорошо. А я пока принесу материал, погляжу, что у нас есть. Перво-наперво мы должны обзавестись инструментами.

За годы, проведенные в армии, Ток-младший научился устанавливать палатки в любое время суток и в любых условиях. Эта работа не мешала ему следить за действиями т'лан имасса. Тлен подошел к туше антилопы, встал на колени и легко, будто прутики, отломил ей рога. Затем т'лан имасс развязал свой кожаный мешок, расширил его горловину и стал разглядывать куски обсидиана, подобранные во время путешествия по древней вулканической равнине. Тут же лежали несколько разномастных камней, найденных им на берегу за ягутской башней, стебли камыша, не уступавшие по прочности дереву, а также перья мертвых чаек.

Руки древнего воина и впрямь были костями, обтянутыми кожей. Но до чего же ловко они работали! Тока вновь охватило знакомое чувство: смесь изумления и восхищения.

«Да у него руки творца», – подумал малазанец.

Тлен выбрал осколок обсидиана, зажал в руке другой камень, имевший острую кромку, и тремя быстрыми ударами отщепил три длинные обсидиановые полоски. Но на этом он не остановился. Последовало еще несколько ударов, в результате чего древний воин получил целый набор стеклянных «щепок» разной длины и толщины.

Работа продолжалась. Камень с острой кромкой и кусок обсидиана т'лан имасс отложил в сторону. Взяв в левую руку одну из «щепок», правой он потянулся к рогу. Орудя тонким и острым концом рога, Тлен начал выравнивать зазубренную кромку стеклянной «щепки».

Госпожа Зависть встала рядом с Током-младшим.

– Какая сноровка! – восхищенно прошептала она. – Как ты думаешь, наши предки умели проделывать такие чудеса с камнями? Говорят, научившись обрабатывать железо, мы утратили прежние навыки.

Бывший разведчик пожал плечами:

– Я тоже это слышал. Малазанские ученые считают, будто ковать железо – во всяком случае, на континенте Квон-Тали – научились сравнительно недавно, всего полтысячи лет тому назад. До этого люди пользовались бронзой, а до нее – медью и оловом. Вполне возможно, что еще раньше наши предки всю применяли камень.

– А говоришь, ты недостаточно образован! – засмеялась госпожа Зависть. – Нынешние ученые привыкли оценивать все исключительно человеческими мерками. А ведь коренные расы были гораздо искуснее. Они умели обрабатывать железо и знали его сплавы. Лучший пример – меч, что выковал мой отец.

Ток усмехнулся:

– Колдовство вместо простых орудий труда и приспособлений? Вроде бы удобно: не надо развивать ремесла, не надо ничего изобретать и совершенствовать. Но упование на магию приводит к застою в обычной жизни и препятствует накоплению знаний и опыта.

– Бедняжка Ток! До чего же у тебя предвзятое отношение к магии. По-моему, я даже улавливаю оттенок неприязни. Я права? Какой желчный ученый внушил тебе такие взгляды? Наверняка он был из числа чародеев-неудачников, готовых из-за собственной тупости огульно проклинать всю магию.

Сам того не желая, юноша улыбнулся:

– Ты почти угадала. Только он был не ученым, а верховным жрецом.

– Теперь понятно. Жрецы так дрожат за свои культы, что и в магии, и в светских знаниях видят скрытые угрозы. Хватит цепляться за предрассудки, Ток-младший. У тебя есть собственные мозги, и этим ты отличаешься от попугаев, способных лишь повторять чужие слова.

– Ты говоришь прямо как мой отец.

– В таком случае ты зря не прислушивался к его мудрым советам.

«И здесь ты права, госпожа Зависть. Только сейчас я понимаю, сколь прозорливым человеком он был. Ох, недаром отец настойчиво предлагал мне покинуть Малазанскую империю и уехать туда, где нет ни придворных интриг, ни ужасов войны, ни когтей. Он призывал меня к смиренному существованию, а я хотел идти по жизни с высоко поднятой головой. Вот и доигрался».

Поставив все три шатра, Ток подошел к т'лан имассу. Менее чем в сотне шагов от этого места, на вершине ближайшего холма, Мок заканчивал собирать купальню для госпожи Зависти – просторную кожаную лохань, стенки которой натягивались на деревянный каркас. Туруль уже нес туда одежду и все необходимое для купания. Волчица и пес не отходили от Сену, который продолжал разделывать тушу. Все внутренности и не особо ценные куски мяса доставались зверям.

К этому времени Тлен изготовил себе четыре небольших вспомогательных орудия: лезвие с упором для руки, подобие скребка, еще один скребок размером с указательный палец (у этого кромка была вогнутой и остро заточенной), а также нечто вроде сверла. Теперь древний воин пристально разглядывал три оставшиеся обсидиановые пластины.

Ток присел на корточки и внимательно осмотрел поделки т'лан имасса:

– Ага, теперь я понял. Все эти приспособления нужны тебе, чтобы сделать древко и оперение, да?

Т'лан имасс кивнул:

– Остальное нам даст антилопа. Из ее жил я сделаю тетиву. Из шкуры выйдет колчан. Ты сможешь носить его на поясе. Жил нам хватит на все.

– А зачем тебе вот этот скребок с вогнутой поверхностью? Я все смотрю на него и никак понять не могу.

– Этот камыш не зря зовут костяным. Он очень прочный, но шероховатый. А ты сам знаешь: стрела с шероховатым древком далеко не полетит.

– Надо же, ты и это предусмотрел! А как ты собираешься прикреплять оперение? У нас ведь нет ни клея, ни смолы.

– Ты прав. Оперение было бы лучше приклеить. Но раз вокруг ни дерева, обойдемся тем, что есть. Я привяжу оперение самыми тонкими и прочными жилами.

– Постой, Тлен. А как же наконечники для стрел?

– Я сделаю их из обсидиана. Уж это-то проще всего.

– Когда смотришь, как ты работаешь, все выглядит просто. Но так ли это на самом деле?

– Бывает камень-песок, бывает камень-вода. Орудия, которыми ты собираешься резать или скрести, нужно делать из водяного камня, а те, что используешь как молот, – из песчаного. Камень-песок – самый прочный.

– Интересно ты рассуждаешь. А я до сих пор считал, что камень – это просто камень.

– В нашем языке много слов, обозначающих разные камни. Одни слова описывают их природу, а другие – назначение. Есть и такие, которые рассказывают о судьбе камня, его прошлом и будущем, называют духов, обитающих в разных камнях, а еще...

– Хорошо-хорошо! Я все понял, – перебил его Ток. – Думаю, мне ни к чему столько сведений о камнях. Давай лучше поговорим о чем-нибудь другом.

– О чем, например?

Ток оглянулся назад. Госпожа Зависть уже успела забраться в приготовленную купальню, и теперь оттуда виднелась лишь ее голова на фоне ярко-оранжевого заката. Мок и Туруль замерли рядом, оберегая покой своей хозяйки.

– Поговорим про нее, – предложил Ток.

– Про госпожу Зависть? Тут я вряд ли смогу что-либо добавить. Я рассказал тебе почти все, что мне известно.

– Но ведь она была спутницей Аномандера Рейка. Об этом ты что-нибудь знаешь?

Т'лан имасс продолжал мастерить из обсидиана узкий заостренный наконечник для стрелы.

– Поначалу у Аномандера Рейка были другие спутники: Каладан Бруд и еще одна колдунья, которая впоследствии присоединилась к сонму Взошедших и стала Королевой Грез. Но это случилось уже потом, а еще раньше между ними троими произошла какая-то ссора. Сын Тьмы расстался с Брудом и нашел себе новых друзей – госпожу Зависть и некоего Озрика из одиночников. Каладан Бруд отправился путешествовать один. Больше двух тысяч лет о нем вообще ничего не слышали. Примерно тысячу лет назад он вновь появился в этом мире. При нем был молот, который он носит и сейчас: оружие Спящей Богини.

– А что свело вместе Рейка, Зависть и Озрика?

Т'лан имасс пожал плечами:

– Это надо спрашивать у них. Знаю только, что и там не все оказалось гладко. Озрик исчез. Куда – никто не знает. Какое-то время Аномандер Рейк и госпожа Зависть держались вдвоем, но потом и их пути разошлись. Это случилось еще до того, как Взошедшие собрались, чтобы пленить Павшего бога и заковать его в цепи. Рейк принимал в этом участие, а она не захотела. Кажется, это и послужило причиной их разрыва. Большого, малазанец, я не знаю.

– Стало быть, госпожа Зависть – чародейка?

– Неужто сомневаешься? Подтверждение тому – у тебя перед глазами.

– Ты говоришь о горячей воде для купальни, появляющейся из ниоткуда?

Тлен отложил в сторону готовый наконечник и принялся мастерить другой.

– Не только о воде. Еще и о сегулехах.

Бывший вестовой усмехнулся:

– Да. Госпожа Зависть явно их заколдовала. Один Худ знает, как ей удалось сделать из них рабов.

Т'лан имасс прервал работу и прищурился на Тока-младшего:

– Тебя это удивляет? А разве у вас в Малазанской империи нет рабов?

– Есть, конечно. Должники, преступники, попавшиеся на мелочи, пленные. Но ведь ее рабы – сегулехи! Их боятся повсюду. Сегулехи нападают без предупреждения и зачастую – без всяких видимых причин.

– У них свои резоны, которых людям не понять. И между собой они общаются не с помощью слов. Поза, едва заметный жест, наклон головы или легкий поворот тела – вот их язык.

Ток заморгал:

– Если так, то удивляюсь, что они еще не уколошили меня!

– Они чувствуют, как рядом с ними ты весь сжимаешься. По их понятиям, ты готов подчиняться. Зачем убивать того, кто их боится?

– Да, я от рождения труслив и не собираюсь это оспаривать. А к тебе сегулехи как относятся? Ты ведь не ощущаешь в их присутствии тревоги?

– Я вообще об этом не думаю, потому что ни перед кем не склоняю головы.

Малазанец умолк, раздумывая над словами Тлена, потом сказал:

– Мок – самый старший среди них. На его маске только две черты, напоминающие шрамы. По-моему, я знаю, что означает этот узор. Если, конечно, не ошибаюсь.

Тлан имасс поднял голову. Ток сумел уловить мимолетный блеск в его глазах.

– Сену... ну тот, что накинута на меня... он у них самый младший... Славный воин. Если бы я тогда не разгадал его намерений и не помешал ему выхватить мечи... наш поединок затянулся бы надолго.

Ток поморщился, отчего его изуродованное лицо стало еще безобразнее.

– Как ты можешь называть Сену «славным воином», если он даже не успел обнажить мечи?

– И тем не менее он отражал мои атаки.

Ток выпучил единственный глаз:

– Он оборонялся... мечами, наполовину вытащенными из ножен? Ты смеешься надо мной?

– Ничуть. Две первые атаки он отразил не слишком успешно. Зато третью... Он призвал на помощь старшего. Мне было достаточно взглянуть на движения Мока, на легкость его шагов, на изящество осанки, и я понял, какой это опытный воин. Сену и Туруль безоговорочно признают его своим повелителем. Маска Мока говорит о том, что соплеменники высоко его чтят.

– Ты прав, Тлен. Мне тоже так кажется. Есть легенда о сегулехе, чья маска была белоснежной, словно фарфоровая чаша. Говорят, даже среди соплеменников его видели лишь немногие избранные. Сегулехи – народ воинов, и править ими может лишь сильнейший боец.

Ток снова оглянулся на двоих застывших сегулехов, потом перевел взгляд на Сену, который продолжал возиться с уже разделанной тушей антилопы.

– Но что же все-таки привело их на наш континент?

– Чем попусту гадать, лучше спроси у Сену.

Бывший вестовой невесело усмехнулся:

– Ты ведь недавно сказал, что сегулехи видят во мне труса. Не удивлюсь, если они презирают меня. Отвечать на вопросы таких, как я, ниже их достоинства. Сам Сену еще может обратиться ко мне, но, если я заговорю с ним, он даже головы не поднимет. Придется тебе и здесь мне помочь.

Тлен отложил работу и встал, глухо лязгнув своими древними костями. Он подошел к Сену. Ток осторожно двинулся следом.

– Послушай, воин, – окликнул сегулеха Тлен.

Сену замер и слегка наклонил голову.

– Скажи, зачем ты покинул родину? Что заставило тебя и твоих братьев отправиться в чужие края?

Сену ответил на одном из даруджийских диалектов, который показался Току несколько архаичным:

– Да будет тебе известно, о Каменный Меч, что мы – карающая армия нашего народа.

Если бы такие слова произнес не сегулех, а кто-нибудь другой, Ток рассмеялся бы ему в лицо. Но сейчас он лишь стиснул челюсти.

Похоже, т'лан имасса подобный ответ удивил не меньше, чем малазанца. Прошло несколько минут, пока он задал новый вопрос:

– Говоришь, карающая армия? И кого же сегулехи решили покарать?

– Тех, кто вторгается на наш остров. Мы убиваем всех, кто осмеливается появиться на нашей земле, но их число не уменьшается. Эта обязанность возложена на Черные маски – посвященных Первого уровня военного мастерства. Враги являются безоружными, и потому мы не тратим время на поединки с ними. Однако постоянные убийства чужаков нарушают ход обучения, затемняют разум и препятствуют развитию истинно воинского сознания. Поэтому было решено самим отправиться к иноземцам и убить того, кто посылает их к нам... Я ответил тебе, Каменный Меч.

– Ты ответил, но у меня есть еще вопросы. А как именуют себя те, кто вторгается на ваш остров?

– Жрецы Панниона. Они являются, чтобы обратить нас в свою веру. Нам не нужна их вера. Мы не раз говорили им об этом, но они не слушают. А теперь они угрожают послать на наш остров свою армию. Мы всегда рады сразиться, и когда узнали об этом, то отправили паннионцам множество подарков. Но их это почему-то оскорбило. Мы не любим разгадывать чужие загадки. Чтобы больше не тратить время понапрасну, было решено разговаривать с врагами только на языке оружия.

– Но госпожа Зависть подчинила вас своей воле без всякого оружия, – опрометчиво заметил Тлен.

У Тока аж дыхание перехватило, когда он услышал столь дерзкое заявление.

Но сегулех лишь молча опустил голову.

– Должно быть, ты знаешь, что мы держим путь в Паннионский Домин, – продолжал Тлен своим ровным бесцветным голосом.

– Это решение нас обрадовало, – с заметным раздражением ответил Сену.

– А сколько тебе лет, Сену? – спросил т'лан имасс.

– Четырнадцать, Каменный Меч. Я – посвященный Одиннадцатого уровня воинского мастерства.

На вертелах жарились крупные ломти мяса. Жир, стекавший с них, падал в огонь, отчего пламя шипело и потрескивало. Госпожа Зависть, облаченная в темно-синие одежды, неторопливо шла по росистой траве, касаясь ее полами своего наряда. Черные волосы женщина заплела в косу.

– Какой дивный запах! И до чего же я проголодалась! – воскликнула она, подходя к костру.

Ток заметил, что Туруль слегка повернулся. И тут же, не успев малазанец и глазом моргнуть, в руках сегулеха сверкнули мечи. Посыпались искры, как будто сталь ударилась о камень. Это замелькал кремневый меч Тлена. Т'лан имасс отступал. Вскоре оба воина скрылись во мраке за кругом света, падавшего от костра. Волчица и пес с громким лаем двинулись за ними.

– Это возмутительно! – топнула ногой госпожа Зависть.

Теперь россыпи искр вспыхивали в десяти шагах от костра. Однако, невзирая на все усилия, малазанец толком ничего не мог рассмотреть, лишь какие-то стремительные движения двух фигур. Он взглянул на двух других сегулехов. Сену невозмутимо восседал у костра, дожаривая мясо. Мок стоял неподвижно и наблюдал за поединком.

«Интересно, что он там видит? А может, ему для этого и не нужны глаза?»

Искры все так же разрывали вечернюю тьму. Госпожа Зависть вдруг рассмеялась, прикрыв рот рукой.

– Должно быть, ты способна видеть в темноте, – пробормотал юноша.

– Разумеется. Какой захватывающий поединок! Я еще ни разу... хотя нет, тут, пожалуй, все сложнее. Когда ты впервые назвал их сегулехами, в моей памяти всплыло давнее воспо-

минание. Однажды Аномандеру Рейку довелось сразиться с сегулехами. Их было не меньше двух десятков. Он явился на их остров, ничего не зная о нравах тамошних жителей. Принял человеческий облик, соорудил себе маску и, ничтоже сумняшеся, отправился прогуляться по главной улице их столицы. Высокомерия нашему Аномандеру не занимать, а потому он просто шел, не обращая внимания на окружающих...

Тут рядом с ними вспыхнула яркая молния. Земля вздрогнула, после чего поединок возобновился.

– Два колокола – ровно на столько хватило Рейка. Потом он рассказывал, что нигде еще не встречал такой оголтелой жестокости, сроду не чувствовал такого отвращения и никогда так не уставал. Когда Сын Тьмы скрылся в своем магическом Пути, у него бешено колотилось сердце.

– Черный Меч, – вдруг произнес чей-то голос, холодный и хриплый.

Мок стоял рядом и глядел на госпожу Зависть и Тока.

– Но ведь это было много веков назад.

– Да будет тебе известно, хозяйка, что сегулехи бережно хранят память о достойных противниках.

– Рейк рассказывал, что у последнего воина, с которым он сражался, на маске было семь символов.

Мок слегка наклонил голову:

– Эта маска по-прежнему ждет его, хозяйка. Черный Меч не завершил должным образом седьмое сражение. Мы готовы продолжить.

Женщина улыбнулась:

– Возможно, скоро ты сможешь лично передать ему приглашение.

– Ты не поняла, хозяйка. Это не приглашение, а требование.

Госпожа Зависть от души расхохоталась, однако Току было совсем не весело.

– Запомни, слуга: если Владыка Тьмы удалится с вашего острова, это еще не значит, что он струсил. Ты не представляешь в полной мере его могущества. Советую тебе учесть мои слова.

– Тем более я готов скрестить с ним свой клинок. Он – Седьмой, а я – Третий.

– Мок, я думала, что ты умнее, – уже без улыбки сказала госпожа Зависть. – Меня не занимает, кто там считается у вас Седьмым, а кто – Третьим. Но я знаю, куда отправились души убитых Рейком сегулехов. Они пополнили число вечных узников Драгнипура – того самого меча, что был у него в руках. Тебе тоже туда захотелось, Мок?

Земля опять вздрогнула. Потом стало тихо. Поединок закончился.

– Сегулех, который погибает, считается побежденным, – объявил Мок. – О таких мы не желаем помнить.

– Вот как? – удивился Ток. – Неужели ты и родного брата готов забыть?

В красноватом круге света вновь появился Тлен. В левой руке он держал свой кремневый меч, а правой волок тело Туруля, ухватив того за воротник. Голова сегулеха безжизненно свешивалась вниз. Следом, виляя хвостами, шли волчица и пес.

– Ты и вправду убил моего слугу? – спросила у т'лан имасса госпожа Зависть.

– Не волнуйся, – ответил ей Тлен. – Сломанное запястье, несколько сломанных ребер и полдюжины ударов по голове. Через некоторое время он поправится.

– «Через некоторое время» меня не устраивает. Подтащи-ка его сюда... Еще ближе. Оставь здесь.

– Туруля нельзя исцелять при помощи магии, – произнес Мок.

Эти слова оказались последней каплей, переполнившей чашу терпения госпожи Зависти. Она резко повернулась к дерзкому сегулеху. Женщину окутало облако серебристой магической

энергии. Волна силы покатилась прочь от нее, ударила Мока так, что сегулах взлетел в воздух. И с глухим стуком упал на землю. Яркое сияние померкло.

– Слуги не имеют права указывать, как мне себя вести. Знай свое место, Мок! Надеюсь, одного предупреждения тебе будет достаточно.

Госпожа Зависть склонилась над Турулем.

– А тебя я обязательно исцелю, – решительно произнесла она и уже мягче добавила: – Как известно, у любой благородной женщины должно быть не менее трех слуг.

Она дотронулась до груди сегулеха. Туруль застонал.

– Ого! – сказал Ток, разглядывая т'лан имасса. – А он тоже здорово тебя отделал!

– Давненько уже я не сражался с достойным противником, – ответил Тлен. – Тем сложнее было бить его мечом только плашмя, не в полную силу.

Мок, крихтя, поднимался на ноги. Услышав последние слова т'лан имасса, он застыл, а затем медленно повернулся к нему лицом.

«Готов поспорить, Тлен, такого щелчка по носу этот... Третий еще никогда не получал», – подумал Ток.

– И чтобы больше сегодня – никаких поединков! – сурово изрекла госпожа Зависть. – В другой раз я не стану сдерживать свой гнев.

Мок встал. На т'лан имасса он старался не смотреть.

– Ну вот, я уже исцелила Туруля, – объявила хозяйка. – Сену, дорогой, подавай мясо. И не забудь про вино. Элинское красное. Самое время спокойно поужинать. – Она ослепительно улыбнулась Току. – И насладиться остроумной застольной беседой, правда?

Малазанец едва удержался, чтобы не застонать.

Трое всадников остановились на вершине невысокого холма. Развернув лошадей, они некоторое время сидели молча, вглядываясь в очертания городских стен Крепи.

Быстрый Бен смотрел на седобородого командора и своего давнего соратника. Маг прекрасно понимал, какие чувства испытывает сейчас Скворец.

«На этот холм мы, помнится, приходили за Локоном. Чародейский огонь спалил людей, повсюду валялись покореженные пустые доспехи. Боги милосердные, они и сейчас еще здесь, продолжают ржаветь в траве... Тогда из кадровых магов в живых осталась одна лишь Рваная Снасть. А мы едва сумели выползти из туннелей... сотни наших соратников и соратниц нашли там свою могилу. В нас бушевала ярость. Ярость тех, кого предали... И на этом же холме, опаленном огнем магических атак, мы были готовы пойти на убийство. Хладнокровно, без всяких сомнений...»

Маг взглянул на Молотка. Прищуренные глазки целителя внимательно наблюдали за ним и за Скворцом. Молотку тоже было о чем вспомнить.

«Историю наших жизней не похоронишь. Руки с костлявыми пальцами и пожелтевшими ногтями тянутся к нам прямо из земли, хватают нас и крепко держат».

– Пора подвести итоги, – угрюмо произнес Скворец, поднимая голову к безоблачному небу, что раскинулось над Крепью.

– Кто начнет? – спросил Молоток.

– Давай ты.

Целитель откашлялся:

– Начну с недуга Парана. Его смертная плоть получила толику крови Взошедшего и косвенно соприкоснулась с тем миром, но... Быстрый Бен подтвердит: ни то ни другое не должно было проявиться в форме такой хвори. Нет, и кровь, и все эти места – это только толчки, которые, так сказать, гонят его вниз, затягивают в туннель.

– А он упрямо выползает наружу, – добавил Быстрый Бен. – Старается убежать. И чем больше бедняга старается...

– Тем сильнее увязает, – договорил за мага Молоток.

Скворец опять обвел глазами городские стены Крепи и криво усмехнулся:

– Помню, когда я в прошлый раз стоял на этом холме, Быстрый Бен и Калам постоянно заканчивали друг за друга фразы. Будто и не было этих месяцев... Так что, наш капитан теперь тоже присоединился к сонму Взошедших?

– Почти, – ответил чародей.

«Думаю, не стоит говорить, насколько это меня беспокоит. Но все было бы во сто крат хуже, если бы Паран... сам стремился стать Взошедшим. Хотя, кто знает, какие честолюбивые замыслы таятся в голове этого упрянца?»

– А как вам обоим его рассказ про спасение Гончих Тьмы и меч Рейка?

– Есть повод встревожиться, – ответил Молоток.

– Это еще мягко сказано, – возразил Быстрый Бен. – Тут впору испугаться.

– Почему? – удивился Скворец.

– Рейк ведь не сам выковал Драгнипур. Он лишь завладел мечом. В связи с чем возникает множество вопросов. Что, интересно, этот ублюдок знает о клинке? Сколько ему *позволено* знать? И куда подевались эти проклятые Псы Тени? Хуже всего, что Паран теперь связан кровными узами с одной из этих тварей.

– Что делает нашего капитана... непредсказуемым, – заключил Молоток.

– Ты представляешь, *что* находится в конце туннеля, куда затягивает Парана? – спросил Скворец.

– Нет, – сознался целитель.

– И я тоже, – печально добавил Быстрый Бен. – Но думаю, нам не мешало бы его подтолкнуть. Хотя бы ради того, чтобы спасти капитана от себя самого.

– И каким же образом вы собираетесь это проделать?

– Все уже началось, командор. Он ведь встретился с Серебряной Лисой. Девчонка читает его, как Рваная Снасть когда-то читала расклады Колоды Драконов. Стоит ей взглянуть на капитана, и она всякий раз узнаёт что-то еще.

– А может, ей помогают... воспоминания Рваной Снасти, – вставил Молоток.

– Забавно тогда получается, – протянул Скворец. – Значит, Серебряная Лиса постепенно влезает в душу к Парану... А вы уверены, что ей захочется рассказывать нам о своих открытиях?

– Ну, смотря которая из двух заключенных в ней личностей одержит верх...

– Наша-то чародейка еще ничего, а вот Ночная Стужа... – Скворец покачал головой.

– Она, конечно, была та еще особа, – согласился Быстрый Бен. – И довольно загадочная. Но все равно – малазанка...

– И это, пожалуй, все, что мы о ней знали, – угрюмо пробасил Скворец. – Держалась она замкнуто, отстраненно. И кстати, имя очень ей подходило. От нее так и тянуло холодом.

– А магию какого Пути применяла Ночная Стужа? – поинтересовался Молоток.

– Скорее всего, Рашана, – вздохнул Быстрый Бен. – Это Путь Тьмы.

– Но Серебряная Лиса могла бы постепенно разузнать о ней побольше, – предположил целитель.

– Там сохранились лишь крохи сведений. Думаю, от Ночной Стужи мало что уцелело.

– Ты в этом уверен, чародей? – спросил командор.

– Нет.

«Во всем, что связано с Ночной Стужей, у меня вообще нет никакой уверенности. Ведь задолго до появления Малазанской империи существовали и другие колдуны, которых звали точно так же... Взять хоть Первую Натилогскую войну... Или освобождение Каракаранга в Семиградье девятьсот лет тому назад. Можно припомнить и более ранние события – например, изгнание сетийцев из Фенна на Квон-Тали почти две тысячи лет назад. И везде мелькали упоминания о чародейке со странным именем Ночная Стужа. Если это одна и та же женщина...»

Скворец наклонился и сплюнул на землю:

– Все это, мягко говоря, не слишком вдохновляет.

Маг и целитель промолчали.

«Я мог бы рассказать ему про Огнь... Но если командора так огорчают эти события, то как подействует на него весть о неотвратимо надвигающейся гибели мира? Нет, ни к чему понапрасну пугать соратников, лучше самому потихоньку продолжать то, что начал... Увечный Бог объявил войну другим богам, Взошедшим, магическим Путям и всему миру, который он ненавидит. Но помни, Хромой: чтобы выиграть, тебе придется перехитрить самого Быстрого Бена. А меня голыми руками не возьмешь. Ничего, скоро тебе станет не до богов с их глупыми играми. Уж ты у меня попляшешь, дружище...»

Лошади под седоками стояли почти неподвижно, слегка помахивая хвостом. Только иногда какая-нибудь докучливая муха заставляла их встряхивать гривой и шевелить ушами.

– С Парана глаз не спускать, – произнес наконец Скворец. – При всяком удобном случае подталкивайте парня в нужном направлении. Ты, Быстрый Бен, узнай насчет Ночной Стужи где только сможешь. А ты, Молоток, расскажи Штырю про капитана. Вы все трое должны постоянно держаться рядом с ним.

Командор натянул поводья и развернул лошадь:

– Пора возвращаться. Посланцы Даруджистана могут появиться с минуты на минуту.

Всадники съехали с холма и пустили лошадей галопом, оставив мух разочарованно кружить над опустевшей вершиной.

Когда Скворец подъехал к шатру Дуджека Однорукого, его лошадь тяжело дышала: седобородый командор промчался через весь лагерь сжигателей мостов, где оставил Быстрого Бена и Молотка, а затем – через раскинувшийся на равнине лагерь Каладана Бруда.

Скворец спрыгнул с седла и болезненно поморщился, наступив на больную ногу.

Из шатра показался знаменосец Артантос.

– Отдайте мне поводья, – сказал молодой воин. – Вашу лошадь надо хорошенько почистить и искупать.

– Я бы тоже не прочь вымыться, – пробормотал Скворец. – Однорукий у себя?

– Да. Он ждет вас.

Командор молча прошел в шатер.

– Вовремя ты вернулся, – произнес Дуджек, поднимаясь с койки. – Налей нам по кружке эля. Кувшин на столе. Где-то здесь должен быть стул... А-а-а, вот он. Ты голодный?

– Честно говоря, еда в горло не лезет.

– Вот и мне тоже. Давай лучше выпьем.

Скворец сбросил со стула какое-то тряпье, потом наполнил элем глиняные кружки. Первый раз оба выпили молча. Скворец налил еще.

– Опять Семя Луны появляется на нашем пути, – произнес однорукий полководец, вытирая губы и берясь за вторую кружку. – Правда, увидим мы это летающее чудо только где-то возле Коралла или даже позже. Стало быть, Аномандер Рейк согласился двинуть мощь своей крепости против Паннионского Домина... По какой причине? Не имею ни малейшего представления. Быть может, ему просто нравится воевать.

– Я бы этого не сказал, – поморщился Скворец. – В Крепи он лупил по нам без особой прыти.

– Это потому, что там он был один. Хорошо, что рядом не оказалось его тисте анди, иначе наши обугленные косточки валялись бы сейчас на каком-нибудь холме.

– Может, ты и прав. Но смотри, Дуджек: мы стягиваем такие силы, чтобы двинуть их против небольшой империи неистовых фанатиков. С этим Паннионским Домином с самого начала все было непросто. Недаром он казался нам весьма подозрительным, там явно что-то затевалось. Но чтобы задействовать такую армию...

– На войне лишних солдат не бывает, – пожал плечами Дуджек. – Глядишь, еще и похвалим себя за предусмотрительность... Кстати, ты говорил с Меченым?

Скворец кивнул:

– Он согласен, что полеты морантов должны оставаться незаметными. Никто не должен видеть и знать, каким образом и откуда снабжаются наши войска в походе. Сейчас его дозорные выискивают подходящее место вблизи паннионской границы, чтобы расположить там вспомогательные силы. Если что, в нужный момент можно будет ударить оттуда.

– Отлично. А наша армия готова выступить из Крепи?

– Армия-то готова. Но пока не ясно, как она будет снабжаться на марше.

– Это мы выясним, когда здесь появятся посланцы Даруджистана... Теперь что касается Серебряной Лисы...

– Трудно сказать что-либо определенное, Дуджек. Меня настораживает грядущее Слияние т'лан имассов. Даже не столько оно, сколько слова этой девочки. Серебряная Лиса утверждает, что без т'лан имассов нам Паннионский Домин не одолеть. Выходит, мы недостаточно знаем врага, с которым собрались воевать.

– Ну, это дело поправимое. Ты сказал Быстрому Бену, чтобы он наладил связи с армией наемников в Капастане?

– Да, он вроде бы что-то уже придумал. Посмотрим, заглотнут ли наемники нашу наживку.

– Ладно, об этом потом. Мы говорили о Серебряной Лисе. Рваная Снасть была нашим надежным союзником... и другом.

– Ее душа не погибла. Она здесь, в этой девчонке-рхиви. Серебряная Лиса и Паран... они встречались и долго разговаривали. – Скворец замолчал, поглядывая на кружку с недопитым элем. – Подождем, как там будут развиваться события.

– Я как представляю, что это дитя пожирает собственную мать...

– Дуджек, не забывай: она только обликом рхиви, а закваска в ней т'лан имасская. А когда т'лан имассы проявляли хоть каплю сострадания? Бессмертные, бездушные и – давай уж будем называть вещи своими именами – до крайности жуткие создания. Только император Келланвед и мог держать их в узде. Больше они никого не признавали. Мы с тобой помним, что они вытворяли в Семиградье. Воспоминания, прямо скажем, не из приятных.

– Опыт всегда идет рука об руку с бедой, – промолвил верховный кулак. – Теперь т'лан имассы возвращаются, а командовать ими будет ребенок.

– Любопытное замечание, – усмехнулся Скворец. – Но я понимаю, к чему ты клонишь. Если не считать побоища в Арэне, Келланвед умел управлять т'лан имассами. Нынче власть над ними получает дитя, рожденное в дебрях Телланна. Девочка, в которой живут две взрослые души.

– И много ты встречал детей, способных вести себя разумно и проявлять самообладание? Мудрость Рваной Снасти должна одержать в Серебряной Лисе верх, и как можно скорее.

– Дуджек, мы сделаем все, что в наших силах.

Старик со вздохом кивнул.

– Отказ Багровой гвардии участвовать в войне стал для меня настоящим ударом, – признался Скворец. – Кто вместо них? Наемники, набранные неизвестно где? Какая-нибудь шушера, толком и меча держать не умеющая? «Моттские разгильдяи» – еще куда ни шло, а вот остальные вполне могут оказаться обычными дармоедами. Вот рхиви и баргасты – это сила. Тисте анди вообще нет равных. И тем не менее Бруд нуждается в нас, да еще как.

– Возможно, мы нужны ему больше, чем он нам, – согласился Дуджек.

– У каждой стороны есть свои «карты в рукаве», – заметил командор. – У Каладана Бруда – это Рейк и его базальтовая крепость. У нас – т'лан имассы. Слушай, можно подумать, что мы собрались воевать с половиной Генабакиса, а не с каким-то паршивым Паннионским Домином.

Верховный кулак невесело улыбнулся:

– Гони эту мысль прочь, спрячь ее как можно глубже. Учти: нам противостоит тиран и фанатик, а от таких можно ждать чего угодно. Так что не стоит делать преждевременных выводов. Кстати, еще один тиран, хотя и бывший, находится у Бруда в союзниках.

– Ты говоришь о Каллоре?

– А о ком же еще?

– Он не оставил мысли убить девчонку, – сказал командор.

– Не посмеет, – возразил Дуджек. – А если попытается, Бруд с ним миндальничать не станет.

Однорукий протянул Скворцу пустую кружку. Тот наклонил кувшин и наполнил ее почти до краев.

– Пойми, дружище, Каладан Бруд – вот кто является настоящей «козырной картой в рукаве». Я читал в «Натилогских летописях» о его подвигах на Лейдеронском плато. И понял одно: Воеводу лучше не злить. Когда он в гневе, ему все равно, кто перед ним – враги или союзники. У Рейка, по крайней мере, есть выдержка. Он не кидается в бой очертя голову. А вот Бруд запросто может. Видел его молот? Говорят, только он один и способен пробудить Огонь от сна. Надо ударить по земле так, чтобы богиня открыла глаза. И если бы Бруд не обладал невероятной силой, он бы не носил этот молот.

Скворец призадумался:

– Будем надеяться, что Каладан Бруд и впредь станет оберегать Серебряную Лису.

– Каллор очень хитер. Он и дальше будет затуманивать Бруду сознание, пытаюсь переубедить его, – высказал свои опасения Дуджек. – Подходящие слова и доводы действуют сильнее меча. Не удивлюсь, если Верховный Король постарается заручиться поддержкой Аномандера Рейка.

– Бывший тиран, как я слышал, и к тебе заглядывал, – пробурчал седобородый командор.

– И ведь до чего убедительно рассуждал, скотина. Он даже пытался меня уверить, что якобы совсем не злится на тебя, хотя ты первый, кто за многие сотни лет посмел поднять на него руку. Только представь, Каллор сказал, что он сам во всем виноват.

– Надо же, какое великодушие! – поморщился Скворец. – Когда это ему выгодно, Каллор признает что угодно. А я не потерплю, чтобы на моих глазах расправлялись с ребенком. И мне все равно, какие силы скрыты в Серебряной Лисе. Я видел испуганную десятилетнюю девчонку и стану ее защищать. При любом раскладе.

– Даже вопреки моему прямому приказу? – поинтересовался верховный кулак, буравя собеседника взглядом.

– Дуджек, ты никогда не отдашь такого приказа.

– Уверен?

– Ага. Мы ведь с тобой не первый день знакомы.

– Да уж. И ты всегда был упрямым.

– По пустякам я не упряплюсь. Это тоже прекрасно тебе известно.

Некоторое время они глядели друг на друга и молчали.

– Жаль, что тебя нельзя с треском разжаловать обратно в сержанты. Не хочу подрывать моральный дух армии.

Скворец засмеялся. И попросил:

– Налей-ка мне еще кружечку. А то вот-вот появится делегация из Даруджистана, а меня все время в сон клонит. Хоть взбодрюсь немного.

– А если Каллор прав?

Мхиби сжалась, словно ее ударили плетью.

– Тогда пусть вместе с Серебряной Лисой он убьет и меня тоже.

Широкий плоский лоб Каладана Бруда прочертили бороздки морщин.

– А я ведь помню тебя, рхиви. Еще с тех времен, когда мы сражались на севере. Ты была тогда молодой, красивой, полной огня. Что эта девчонка сделала с тобой? Вот смотрю я на тебя, и сердце мое сжимается от боли.

– Поверь, Воевода, мне самой еще больнее. Но эту судьбу я выбрала добровольно.

– Дочь вытягивает из тебя все жизненные соки. Она тебя убивает. Почему?

Мхиби взглянула на Корлат. Лицо тисте анди, как всегда, было бесстрастным. Рхиви вдруг почувствовала, что ей тяжело дышать. В шатре стояла удушающая жара, воздух был влажным и затхлым. Она снова повернулась к Бруд:

– Серебряная Лиса – порождение Телланна, магического Пути т’лан имассов. У них нет жизненной силы. Как бы это лучше объяснить? Т’лан имассы и хотели бы сами выкормить ребенка, да нечем. Они бессмертные... точнее, нежить, а девочка – создание из плоти и крови. И Рваная Снасть с Ночной Стужей тоже мертвы. Ты даже не представляешь себе, насколько важно родство. Кровные узы – все равно что охранительная сеть. Она опоясывает нас при рождении, оберегает в детстве, помогает стать взрослыми. Кровные узы питают нас жизненной силой. Без них человек чахнет и умирает. Одиночество – это болезнь, от которой страдает не только душа, но и тело. И хорошо, когда родственников много. Но у Серебряной Лисы нет никого, кроме меня. Я – ее защитная сеть.

Каладан Бруд покачал головой:

– Я внимательно выслушал твои объяснения, Мхиби, и все равно ничего не могу понять. Я чувствую: девчонке не терпится поскорее стать взрослой. Она утверждает, что будет поведывать т’лан имассами и что они якобы слышали ее призывы. Выходит, армия бессмертных воинов уже признала Серебряную Лису своей командующей?

– Скажи честно, Бруд, – попросила Корлат, – ты считаешь, девочка торопится вырасти только потому, что армия т’лан имассов не захочет подчиняться ребенку?

– Что на уме у т’лан имассов – этого я не знаю. Я всего лишь пытаюсь понять, почему этот ребенок неотвратимо убивает собственную мать.

– Да, Воевода, со стороны именно так и кажется, – сказала Мхиби. – Смертное тело не может вместить в себя неограниченную силу. У тебя, у Аномандера Рейка, у Корлат – за плечами сотни и тысячи лет жизни. Вы научились управлять силой, не разрушая себя. У Серебряной Лисы такого опыта нет. Вернее, память подсказывает девочке, что есть, но для детского тела он недоступен. А ей предстоит распорядиться и повелевать громадной силой. Она просто обязана стать взрослой женщиной. И даже тогда...

– Восхождение рождается опытом, – усмехнулась Корлат. – Любопытное наблюдение, Мхиби.

– Просто опыт... он закаляет душу, – добавила рхиви.

– Этого-то Каллор и боится, – выдохнул Каладан Бруд, вставая со стула. – Необузданной, незрелой силы.

– Не удивлюсь, если Каллор сам и побуждает девочку поскорее вырасти, – заметила Корлат. – Серебряной Лисе не терпится стать взрослой женщиной, чтобы погасить его страхи.

– Любопытный парадокс. Но сомневаюсь, что он оценил бы иронию твоих слов, – печально улыбнулся Бруд. – Как ты сказала? Погасить его страхи? Вряд ли. Скорее всего, девочка чувствует, что рано или поздно ей придется защищаться от Каллора.

– Их связывает какая-то тайна: вот в чем причина, – почти шепотом произнесла тисте анди.

В душном шатре стало тихо. Корлат могла бы и не говорить этого; все и так знали, что одна из душ, обитающих ныне внутри Серебряной Лисы, уже сталкивалась с Каллором в прошлом. Но кто? Рваная Снасть? Ночная Стужа? Беллурдан?

– Жизненный опыт, – нарушил молчание Каладан Бруд. – У девочки его предостаточно. Ты согласна, Мхиби? Как-никак трое малазанских чародеев...

На лице рхиви появилась вымученная улыбка.

– Один теломенский маг, две колдуньи и я. Получается, у ребенка один отец и целых три матери, каждая из которых отнюдь не рада тому, что оказалась в этой роли. Похоже, отцовское влияние – самое слабое. Мне все больше кажется, что Беллурдан живет лишь в памяти Ночной Стужи. Что же касается обеих чародейек... я кое-что узнала. Могу с уверенностью сказать: Рваная Снасть не пугает меня. Наоборот, от нее исходит покой.

– А от Ночной Стужи? – спросила Корлат.

– Постойте, а разве Аномандер Рейк не убил ее при осаде Крепи? – вмешался Воевода.

– Нет. Ночная Стужа стала жертвой предательства высшего имперского мага Тайскренна, – ответила тисте анди. – Мы выяснили, что вскоре после падения города Тайскренн спешно бежал и вернулся к императрице Ласин... – Корлат повернулась к Мхиби. – А что ты сумела узнать про Ночную Стужу?

– Я видела вспышки тьмы в душе Серебряной Лисы, – с неохотой ответила рхиви. – Неукротимый гнев, жажду мщения. Наверное, она мечтает отомстить Тайскренну. И еще. Ночная Стужа и Рваная Снасть не смогут делить власть. Между ними обязательно произойдет битва за первенство, и победительница станет управлять душой моей дочери.

– Чем мы можем помочь Рваной Снасти? – после недолгих раздумий осведомился Каладан Бруд.

– Малазанцы тоже ищут способ помочь этой колдунье. Многое зависит от них, и здесь мы должны положиться на Сквиорца и на капитана Парана. В прошлом он был возлюбленным Рваной Снасти.

– Я встречалась и говорила со Сквиорцем, – сообщила Корлат. – Это человек непоколебимой честности. В высшей степени достойный.

– В твоих словах я слышу голос сердца, – заметил ей Бруд.

– Тем меньше у тебя поводов сомневаться в их искренности, Каладан. Ты ведь знаешь: легкомыслие мне несвойственно.

Воевода пристально посмотрел на тисте анди.

– Не волнуйся, дальнейших расспросов на этот счет не будет, – лукаво улыбнулся он. – А ты, Мхиби, внимательно следи за дочерью. Едва лишь заметишь, что Ночная Стужа начинает брать верх и подминать Рваную Снасть, – сразу же дай мне знать.

– И тогда ты распорядишься убить мою дочь? – вырвалось у нее.

– Ошибаешься, рхиви, – покачал головой Каладан Бруд. – Я имел в виду совсем другое. Если это случится, я постараюсь помочь малазанцам и... Рваной Снасти.

– Но как и чем ты сможешь им помочь, Воевода? – удивилась Мхиби.

– Пока не знаю. Доверься мне – это все, что я могу тебе сказать.

Бедная женщина тяжело вздохнула:

– Хорошо. Я непременно дам тебе знать.

Полог шатра отодвинулся. Внутрь вошел Хурлокель, знаменосец Бруда:

– Господин командующий, делегация Даруджистана приближается к лагерю.

– Что ж, идемте их встречать, – ответил Воевода.

Едва лишь шестерка великолепных лошадей в упряжи, щедро украшенной драгоценными камнями, остановилась, возница низко надвинул капюшон, откинулся на спинку и замер, словно бы уснул. Двойные дверцы роскошной просторной кареты распахнулись, и оттуда высунулась нога в бархатном башмаке сочного темно-синего цвета. Напротив полукругом выстроились встречающие делегацию. Слева стояли Дуджек, Сквиорец, Меченый и капитан Паран, а справа – Каладан Бруд, Каллор, Корлат и Серебряная Лиса с Мхиби.

Бедная рхиви едва держалась на ногах. События минувшей ночи и последующая беседа с Брудом отняли у нее последние силы. Но Мхиби не жалела, что поговорила с Воеводой. Она должна была увидеть его глаза, услышать его суровые, безжалостные вопросы. Однако

женщина сказала ему не всю правду. На самом деле встреча ее дочери с капитаном Параном прошла куда более напряженно, чем она описывала Бруду. Хуже того, эта встреча, кажется, пробудила что-то в Серебряной Лисе: с того момента девочка вычерпала у Мхиби необычайно много сил, буквально впилась в мать, за считанные часы высосав из той несколько лет ее уга-сающей жизни.

«Кто же так лихорадочно домогается моих жизненных сил? Ты, Рваная Снасть? Или ты, таинственная Ночная Стужа?

Ничего, скоро все кончится. Я не боюсь оказаться в объятиях Худа. Наоборот, я жажду попасть туда как можно скорее. У Серебряной Лисы теперь есть союзники. Они сделают все, что нужно. Духи рхиви, прошу вас о помощи. Мое время на исходе, но окружающие все еще продолжают уповать на меня. Я устала. Я так больше не могу...»

Темно-синий башмак нерешительно застыл, но потом ступня все-таки нащупала твердую почву. Затем показались пухлая лодыжка, колено и бедро. Вслед за первой ногой на землю опустилась и вторая. И вот уже из экипажа вылез пузатый коротышка, наряженный в шелковые одежды всех цветов радуги. Но если в радуге цвета мирно уживаются друг с другом, то в наряде толстяка они всюду соперничали, будто торговцы, ругающиеся из-за лучшего места на рынке. В пухлой руке даруджийца был зажат ярко-красный платок, которым он тут же вытер обильно вспотевший лоб. Очутившись на земле, коротышка громко вздохнул:

– Клянусь пылающим сердцем Огни, ну и жара!

Воевода выступил вперед:

– Добро пожаловать, посланец Даруджистана. Освободительные армии рады приветствовать тебя. Одну из них возглавляю я, Каладан Бруд. Другую – Дуджек Однорукий...

Толстяк близоруко заморгал, еще раз вытер лоб, после чего расплылся в улыбке.

– Вы назвали меня посланцем Даруджистана? В какой-то мере это действительно так. Однако перед вами не кто иной, как Крупп – смиренный житель этого славного города, – который, потворствуя своему любопытству, с самыми добрыми намерениями явился сюда, дабы собственными глазами узреть сие великое событие. Крупп искренне обрадован... нет, правильнее будет сказать, он просто потрясен вашим радушием. И если вы встретили так его, простого горожанина, то Крупп просто сгорает от любопытства, предвкушая, с каким грандиозным почетом вы встретите *официальных* посланцев городского Совета Даруджистана. И любопытство смиренного Круппа нарастает буквально с каждой секундой! Обратите ваши взоры к югу! Карета с нашей делегацией стремительно приближается!

Когда даруджиец, имевший довольно странную привычку говорить о себе в третьем лице, закончил свою цветистую витиеватую речь, воцарилась тишина, которую нарушало лишь хихиканье великой ворониhi. Конечно же, это была Карга, которая никак не могла пропустить такое зрелище.

Даже Мхиби, сама тоже не желая, улыбнулась.

«А ведь я знаю этого человека», – подумала она. А вслух сказала:

– Я помню тебя, господин. Я была в твоих снах.

Крупп взглянул на рхиви, и глаза его округлились. Коротышка явно оторопел и принялся отирать лоб.

– Что-то я не припоминаю, любезнейшая, – вежливо ответил он, – хотя в этом мире все возможно...

Карга вновь зашлась каркающим смехом.

– Тогда я выглядела моложе и к тому же была беременна, – добавила Мхиби. – С нами вместе там были заклинатель костей и древний бог.

Улыбка на покрасневшем лице Круппа почти мгновенно сменилась испугом. Он еще раз взглянул на рхиви, затем посмотрел на стоящую рядом с нею девочку. Близорукие глазки даруджийца сощурились.

«Он сразу все понял! – пронеслось в мозгу Мхиби. – Но как? И откуда я знаю, что он обо всем догадался? Неужели мы как-то связаны? Если да, то насколько крепко?»

– Дорогой Крупп, не успели вы ступить на нашу землю, а уже сообщили нам весьма ценные сведения, – промолвил Каладан Бруд. – Обстоятельства рождения этой девочки, которую зовут Серебряная Лиса, постепенно проясняются. Итак, вы и есть тот смертный, кто присутствовал при ее появлении на свет. Правда, мы не знаем, какой древний бог почтил своим присутствием это событие. Не назовете ли вы нам его имя? Ответ на этот вопрос может во многом определить... наше отношение к Серебряной Лисе.

Коротышка растерянно моргал, слушая Воеводу, и вытирал платком двойной подбородок.

– Крупп осознаёт важность ответа. Он прекрасно все понимает, ибо чувствует напряженное внимание, с коим достопочтенные встречающие ждут, что же он им скажет. Итак, кто из древних богов присутствовал при рождении этого милого ребенка?.. Знали бы вы, как жаждет Крупп вам ответить... Но, увы, забывчивость – вечное проклятие Круппа из Даруджистана... Возможно, то был... хотя нет, точно не он. Сие мне только показалось.

Болтливый толстяк оглянулся на приближающуюся карету с официальной делегацией и в который уже раз приложил ко лбу платок.

– Поспешные ответы способны увести в сторону... нет, еще хуже. Они способны создать ложное впечатление. Чем же тут можно помочь?

– Никак это Крупп? – воскликнул возница подъехавшей кареты. – Худ тебя побери, а ты-то что тут делаешь?

Коротышка повернулся и отвесил глубокий поклон с потугами на изящество:

– Ты ли это, Мурильо? Ужель ты избрал себе новое ремесло? Ну надо же, а Крупп даже и не подозревал в тебе таких способностей. А может, ты из скромности никогда не упоминал о своих талантах? Но осмелюсь заметить: ты выбрал не самых лучших коней. Для такого лихого кучера, как ты...

Возница хмуро поглядел на шестерку лошадей, впряженных в карету толстяка:

– Я тоже не подозревал, что ты способен подбить Мизу на заурядную кражу. А мы-то головы ломали, когда накануне отъезда из конюшни вдруг пропали все лошади. Сейчас я гляжу на этих и никак не могу отделаться от мысли, что они здорово похожи на тех, что таинственным образом исчезли.

– Уверяю тебя, дорогой Мурильо, это чистой воды совпадение, хотя по природе своей и весьма удивительное.

Из кареты выбрался широкоплечий лысеющий человек с грубоватым, потемневшим от гнева лицом. Он шагнул к Круппу с явным намерением схватить того за воротник. Коротышка попятился назад, однако не преминул широко раскинуть руки:

– Какие люди! Советник Колл, собственной персоной! Крупп приветствует тебя, давний друг и верный спутник, в окрестностях Крепи! А кто это приехал вместе с тобой? Да это же не кто иной, как советник Эстрайсиан Д'Арле! Ну что же, теперь, когда здесь собрались все истинно важные, наделенные полномочиями представители славного града Даруджистан...

– Ты только себя в этот список не включай, Крупп! – прорычал Колл, продолжая надвигаться на коротышку.

– Позволь сделать одно уточнение, дорогой Колл, – ответил коротышка, явно намереваясь в случае чего ретироваться в свою карету. – Крупп ничуть не погрешил против истины, назвав всех нас полномочными представителями Даруджистана. Но если вас с господином Д'Арле отправил сюда городской Совет, то скромный горожанин Крупп является посланцем досточтимого алхимика Барука.

Колл остановился, скрестил на груди свои мускулистые руки и недоверчиво переспросил:

– В самом деле? Алхимик отправил тебя сюда от своего имени? Что-то я про это не слышал.

– Вероятно, Барук решил, что сановникам городского Совета вряд ли интересны его частные дела. Более того, он и мне не говорил об этом напрямую. Но мы с высшим алхимиком настолько давние и близкие друзья, что зачастую слова просто не нужны.

– Хватит уже пустой болтовни, Крупп.

Явно недовольный вмешательством коротышки, Колл повернулся к Каладану Бруду и, поклонившись ему, сказал:

– Примите мои глубочайшие извинения, Воевода. Я – сановник Колл, а это – мой спутник, сановник Эстрайсиан Д'Арле. Мы прибыли сюда в качестве полномочных представителей городского Совета Даруджистана. Мне искренне жаль, что появление самозванца Круппа несколько испортило торжественность момента. Как вы уже догадались, никто его сюда не посылал. Так что я, с вашего позволения, незамедлительно отправлю этого трепача восвояси.

– Вынужден вас огорчить: пока что присутствие вашего... соотечественника здесь необходимо, – ответил Бруд. – Не удивляйтесь. Я вам потом все объясню. А сейчас предлагаю пройти в мой штабной шатер.

– Каких гнусных небылиц ты уже успел здесь понаплести? – осведомился Колл, с нескрываемой злостью глядя на Круппа.

Коротышка обиженно надул губы:

– О, сколь тягостно слышать такие слова из уст давнего друга. Да будет тебе известно, Колл, что Крупп неразлучен с Правдой и считает сей союз истинным благословением богов. Как же давно Истина и смиренный Крупп идут по жизни рука об руку – не далее как вчера они отпраздновали сороковую его годовщину. Чем же виноват Крупп, если он постоянно нужен то в одном, то в другом месте? Увы, Круппу не остается ничего иного, как только покорно принимать эти повеления судьбы, ибо...

Колл с глухим рычанием двинулся на толстяка. Эстрайсиан Д'Арле поспешил следом и остановил разъяренного сановника, опустив руку ему на плечо:

– Успокойтесь, прошу вас. Все прекрасно понимают, что мы не несем никакой ответственности за слова и поступки Круппа. Он действует исключительно по собственной инициативе и от своего имени. Так что нам не о чем беспокоиться, дорогой Колл. Поверьте: коли он и впрямь может оказаться полезен, то ему следует убедить нас в этом, приведя веские доказательства, и если их нет, то никакая пустопорожняя болтовня его не спасет.

– И Крупп готов доскональнейшим образом обосновать причины своего появления здесь! – воскликнул коротышка и вновь расплылся в улыбке.

Карга снизилась и принялась кружить над его головой.

– Тебе следовало родиться великим вороном! – каркнула она.

– А тебе – собакой! – крикнул в ответ Крупп.

Карга опустилась на землю, сложила крылья и запрокинула голову:

– Это еще с какой стати?

– Чтобы Крупп мог почесать тебя за ушами, дорогая!

– Родиться собакой? Этого еще не хватало! – обиженно прохрипела Карга.

– Ну что ж, может, тогда попугаем, а?

– Будет вам! – цыкнул на них Бруд. – Прошу всех следовать за мной.

Он повернулся и решительно зашагал к лагерю тисте анди.

Скворец переглянулся с Мхиби и, не выдержав, расхохотался. В следующий миг к нему присоединился Дуджек, а потом и все остальные.

Серебряная Лиса стиснула руку матери.

– А ведь Крупп здесь не просто так, – прошептала она. – Правда, мама?

Рхиви вздохнула и молча повела дочь к штабному шатру.

Когда все зашли внутрь и начали снимать плащи и отстегивать перевязи с оружием, Паран, воспользовавшись моментом, подошел к советнику Коллу.

– Рад снова тебя видеть. Сдается мне, – вполголоса добавил капитан, – что доспехи тебе больше по нраву, чем сановные одежды.

– Ты угадал, друг мой, – вздохнул Колл. – Знаешь, я частенько вспоминаю Гадробийские холмы и тот вечер. Казалось бы, времена тогда для меня были не самые лучшие. А я все равно вспоминаю их с грустью. Там мы были самими собою. – Колл посмотрел на Парана. В глазах советника мелькнула тревога, но он тут же заставил себя улыбнуться и протянул капитану руку. – Тогда многое было проще.

– Не хотите выпить за старые добрые времена? – спросил Скворец. В руках командора был глиняный кувшин с элем. – Кружки у вас за спиной, советник. Вот на этом подобии стола. Бруд слуг не держит, так что я решил поухаживать за гостями.

Паран взял три кружки.

– И это ты называешь столом? – спросил он у Скворца. – По-моему, это днище телеги – вон даже клочки соломы до сих пор торчат.

– Увы, так оно и есть. Кстати, поэтому здесь и пахнет как в конюшне, – добавил седобородый командор, наполняя кружки алчбинским элем. – Минувшей ночью стол Бруда бесследно исчез.

– Вы хотите сказать, что неизвестные злоумышленники украли его стол? – удивился Колл.

– Ну, почему же неизвестные? – Скворец выразительно посмотрел на Парана. – Это твои сжигатели мостов постарались, капитан. Спорю на двадцать монет.

– Но зачем им воровать у Бруда стол?

– А это уж ты сам выясняй. К счастью, Воевода не рассердился. Только пожаловался на «некоторые неудобства».

Звучный голос Каладана Бруда перекрыл все остальные:

– Прошу рассаживаться на всем, что найдете. Самое время начать наш разговор о поставках провианта и всего остального, что требуется армии.

Крупп выбрал себе стул, находившийся во главе «стола». Он плюхнулся на сиденье, сжимая в одной руке кружку с элем, а в другой – изрядный кусок сладкой рхивийской лепешки.

– Какая очаровательная простота жизни, – изрек толстяк, громко чавкая и сияя от удовольствия. – Бесхитростное угощение кочевников, но до чего же вкусно. Мой рот не может насытиться. А какой замечательный прохладный эль.

– Ты замолчишь, проглот несчастный? – угрожающе зашипел на него Колл. – И вообще, что ты здесь делаешь?

– Поскольку, дружище Колл, зрение пока еще верно служит тебе, ты и сам прекрасно видишь: Крупп сидит. Ты, вероятно, хотел спросить, почему он здесь сидит? Наш общий друг, алхимик Барук...

– Спустил бы с тебя шкуру, если бы узнал, что у тебя хватает наглости называть себя его полномочным представителем.

Толстяк едва не поперхнулся лепешкой. Он закашлялся, роняя крошки на колени, и поспешно допил эль.

– Какое ужасное обвинение, дорогой Колл. Если бы Крупп не знал о твоём добром сердце, то решил бы, что ты задался целью испортить ему аппетит. К счастью, это не так, ибо ты пал жертвой чудовищного заблуждения. Крупп торопится заверить всех и каждого: досточтимый Барук в высшей степени заинтересован в успехе нынешней встречи, тем более что здесь собрались поистине легендарные личности. Барук, со свойственной ему прозорливостью, понимает всю важность и значимость грядущей кампании и готов сделать все, что в его силах – и в силах его смиренного слуги Круппа, – дабы кампания окончилась полной победой.

– А что конкретно предлагает господин Барук? – поинтересовался Каладан Бруд.

– О, предложений у него великое множество, и все они имеют особую природу, Воевода. Их настолько много, что даже если собрать все воедино, то постичь и описать их будет непросто, ибо в своей совокупности они дают лишь самые общие представления. – Крупп понизил голос. – Возможно, кто-то осмелится назвать их туманными. Кто-то позволит себе пойти еще дальше и сочтет их расплывчатыми фразами. Однако Крупп с присущей ему мудростью заявляет: «туманность» и «расплывчатость» – лучшие доказательства пристального внимания досточтимого Барука и его воистину всеобъемлющих усилий. – Толстяк лучезарно улыбнулся губами, к которым прилипли крошки лакомства. – Но, друзья мои, не будем терять драгоценное время, дабы наша встреча не затянулась и не вынудила бы наших хозяев подать роскошный ужин прямо сюда, иначе Круппу придется забыть обо всех важных делах и сосредоточиться исключительно на винах и яствах, в великолепии которых он не сомневается.

– Только этого еще не хватало! – прошипел Колл.

Эстрайсиан Д'Арле держал себя так, будто Круппа вообще не существовало.

– Уважаемые господа Бруд и Дуджек, – начал сановник, воспользовавшись паузой, – мы готовы взять на себя снабжение ваших армий всем необходимым. Не стану скрывать: здесь есть некоторые трудности. Я бы не хотел их преувеличивать, но и преуменьшать проблемы в равной степени недопустимо. Прежде всего я имею в виду разрушенный каменный мост, находящийся к западу от Даруджистана. Надежных и удобных переправ через реку Серп довольно мало, поэтому мост, уничтоженный ягутским тираном, я бы назвал главной помехой беспрепятственному снабжению ваших армий.

– Постойте! – перебил его Крупп, тыча в воздух своим мясистым пальцем. – Что такое мост? Ответ очевиден: приспособление для перемещения с одного берега реки на другой. Это заставляет меня задать вопрос: если разрушенный мост создает помехи для снабжения армий, то не возникнут ли еще большие затруднения при переправе самих армий? Крупп просто теряется в догадках...

Он потянулся за новой лепешкой.

– М-да, это действительно интересно, – протянул Эстрайсиан Д'Арле.

Дуджек довольно холодно взглянул на Круппа:

– Следует признать, что вопрос не праздный.

Однорукий полководец повернулся к Д'Арле:

– Река Серп явится для нас помехой лишь в одном случае: если мы двинемся Южной дорогой. А это подразумевает переправу... буквально в самом начале похода.

Оба сановника помрачнели.

– Мы же собираемся, – пояснил Воевода, – оставаться к северу от реки и двигаться прямо на Капастан. Наш путь пройдет севернее Сольтана... намного севернее. И только потом армии свернут к югу.

– Господин Бруд, мы не предполагали, что ваши армии отправятся напрямик на Капастан. Подобный маршрут существенно усложняет для нас поставки продовольствия и всего остального. Серп – не та река, через которую можно с легкостью переправляться где угодно. А обходные пути лягут дополнительным – и не стану скрывать – тяжким бременем на наши плечи.

– Вы должны понять: все необходимое для ваших армий городской Совет Даруджистана вынужден закупать у разных поставщиков, и не все они отличаются сговорчивостью, – поддержал Колла Эстрайсиан Д'Арле.

– Это вопрос в высшей степени деликатный! – воскликнул Крупп. – Позвольте, господа полководцы, внести некоторую ясность... Городской Совет Даруджистана состоит из сановников, принадлежащих к различным знатым домам. И все они без исключения заинтересованы в выгодных торговых сделках и получении прибыли. Причем необходимо принять во внима-

ние еще и такой момент: Совет предоставил вашим армиям значительные займы, на которые вы закупаете все необходимое. А когда речь заходит о распределении и перераспределении крупных денежных средств, наши горожане становятся очень чувствительными. Столкновение интересов, закулисные сделки, всевозможные ухищрения расцветают пышным цветом. Вы уж поверьте смиренному Круппу, который даже злейшим врагам не пожелал бы увидеть воочию эти кошмарные хитросплетения человеческой алчности. К чести Совета, он отправил сюда двух наиболее достойных сановников. Но и их руки крепко связаны всевозможными противоречивыми указаниями, ибо каждая из заинтересованных сторон, несомненно, потребовала от уважаемых посланников, чтобы они в первую очередь отстаивали ее интересы. Ваше счастье, что вам не виден сей чудовищный клубок, который сейчас пытаются распутать бедные советники – увы, безуспешно, ибо подобное не под силу даже богам! А посему придется смиренному Круппу сослужить службу славному граду Даруджистану и предложить вашему вниманию некий альтернативный план, который Крупп разработал вместе с досточтимым алхимиком Баруком.

Колл подался вперед:

– Валяй, Крупп. Но только если это окажется обычной твоей трепотней...

– Дорогой Колл, серьезность момента не позволяет Круппу отвлечься, дабы ответить на твой безосновательный выпад... Мы с Баруком считаем, что для надежного снабжения армий нужен независимый и опытный управляющий. Им ни в коем случае не может быть кто-либо из сановников городского Совета: недопустимо, чтобы к делу примешивался личный интерес и дабы оказывалось давление на остальных. Не подлежит сомнению, что такой человек должен обладать искушенностью в торговых делах. Необходимы также и иные качества. Житейская мудрость и практичность, организаторские способности, не говоря уже о...

Тут Колл с силой шарахнул кулаком по шершавым доскам импровизированного стола, чем немало удивил присутствующих.

– Уж не себя ли ты прочишь на это место, покровитель жалких воришек? Думаешь, я не знаю, что возле тебя вечно отираются карманники и иные любители чужого добра?

Коротышка ничуть не смутился. Он откинулся на спинку стула и простер руки:

– Дорогой друг Колл! Ты бесконечно польстил Круппу таким предложением! Увы! Несчастный Крупп слишком занят своими мелкими незначительными делами, чтобы даже мысленно примерить к себе подобную роль. Нет. Досточтимый Барук в доверительной беседе со своим верным и мудрым служителем Круппом предложил совершенно иную кандидатуру.

– Может, хватит уже морочить людям голову? – угрожающе прошипел Колл. – Да Барук даже не подозревает, что ты здесь!

– Такому магу, как высший алхимик Барук, ничего не стоит узнать о моем местонахождении. Если он до сих пор этого не сделал, значит у досточтимого алхимика есть более важные и срочные дела. Но смею уверить тебя, дорогой Колл, и всех присутствующих тоже: смиренный Крупп уловил мысли Барука и безошибочно узнал о его желании. И хотя Крупп мог бы целиком приписать все заслуги себе, он не смеет грешить против истины и изменять своему всегдашнему бескорыстию. Легкий намек со стороны господина Барука – вот что заставило меня пуститься в этот нелегкий путь... Не так давно он вскользь упомянул о возможностях одного торгового сообщества. Скажи, Колл, разве я мог пропустить мимо ушей намек моего ученого друга?

– Ну так назови уже это сообщество, – потребовал Эстрайсиан Д'Арле.

– Крупп с превеликим удовольствием выполнит ваше пожелание, любезный советник. Кстати, как поживает ваша дочь Ваза? Она уже сочеталась узами брака со своим спасителем? Крупп искренне сожалеет, что не сумел присутствовать на этом, вне всякого сомнения, восхитительном торжестве...

– Которого еще не было, – раздраженно перебил его Эстрайсиан Д'Арле. – Ну, сколько можно испытывать мое терпение? Имей в виду: оно тает с каждой минутой.

– Тает... О, если бы значительная часть плоти бедного Круппа могла вот так же растаять... – вздохнул толстяк. – Итак, упомянутое мною сообщество совсем недавно обосновалось в Даруджистане, а называется оно Тригальской торговой гильдией.

Крупп торжествующе улыбнулся и сложил руки на своем внушительном животе.

– Впервые слышу о такой гильдии, – признался Каладан Бруд, обращаясь к Коллу.

– Здесь Крупп не соврал: тригальцы появились у нас совсем недавно. Сами они откуда-то с юга. Кажется, из Элинггарта. Мы пользовались их услугами всего один раз, когда нужно было срочно переправить деньги верховному кулаку Дуджеку Однорукому.

Колл обернулся к Д'Арле. Тот пожал плечами:

– Я знаю не больше вашего, господин Бруд. Эта гильдия ни разу не заявила о своем желании заниматься снабжением ваших армий. И их полномочных представителей здесь тоже нет. Полагаю, что, когда Совет воспользовался их услугами, о чем упомянул Колл, это произошло путем субподряда. Да и вообще, то был единичный случай, иных сделок с ними не заключали.

Он повернулся к Круппу, который продолжал улыбаться, будто невинный младенец:

– А откуда у тебя... точнее у алхимика Барука... такая уверенность, что Тригальская торговая гильдия возьмется за снабжение объединенных армий Дуджека Однорукого и Каладана Бруда? Они ведь даже заявку в Совет не подавали!

Коротышка налил себе эля, сделал несколько глотков и причмокнул губами.

– Тригальская торговая гильдия сама не предлагает своих услуг и не пытается соперничать с иными торговыми сообществами, поскольку нет сомнений: в девяти случаях из десяти ей предпочтут других. «Почему?» – спросите вы. Да потому, что услуги Тригальской торговой гильдии недешевы. Правильнее сказать: они обычно стоят баснословных денег. Зато в одном клиенты могут быть непоколебимо уверены: тригальцы в точности исполняют то, ради чего их наняли... даже если вы пошлете их по другую сторону врат Худа.

– Так с этого и надо было начинать, Крупп! – загремел Колл. – Вот теперь мне все ясно! «Независимый управляющий»! «Бескорыстный совет»! Да тебя просто-напросто подкупили, а у тебя еще хватило наглости приплести к своим темным делишкам досточтимого алхимика Барука! Сознаться: ты пытаешься одурачить наших союзников и навязать им эту Тригальскую торговую гильдию?

– Дорогой Колл, все противоречия, которые заставляют тебя пылать благородным гневом, исключительно кажущиеся. Истина заключается не в противоречии, а в объединении интересов. Необходимость снабжения армий очевидна, равно как и возникающие при этом трудности, которые ни ты, ни советник Д'Арле, ни кто-либо еще не отважится отрицать. И не рукой ли судьбы послан сюда смиренный Крупп, который вовсе не думает о том, как набить себе карманы, но стремится оказать реальную помощь нашим союзникам? А теперь Крупп не станет мешать вам в обсуждении всех достоинств его предложения и займет свой рот этими бесподобно вкусными рхивийскими лепешками.

В воздухе пахло магией, и Карга это сразу учуяла.

«А магия-то чужая. Это не тисте анди и не пробудившиеся духи рхиви...»

Она кружила над лагерем, предельно обострив все свои чувства. День сменился сумерками, уступившими место вечерней темноте, а переговоры в штабном шатре Каладана Бруда все продолжались, и конца им не было видно. Карга быстро утомилась, слушая многословные споры о маршрутах караванов и о том, сколько продовольствия может понадобиться для еженедельного снабжения обеих армий. Она славно позабавилась, наблюдая за прожорливым Круппом. Коротышка чем-то напомнил ей жирную крысу, которая никак не может вскарабкаться по веревочной лестнице. Конечно же, цветистая болтовня служила ему всего лишь маской, под которой скрывался острый и проницательный ум. Крупп не напрасно занял место

во главе импровизированного стола. А как ловко он заставлял разъяренных даруджистанских сановников соглашаться с его доводами. Все это развлекало Каргу... пока ее не коснулся поток чужой магии. И великая ворониха решила выяснить его источник.

«Ага, вот откуда тянет чародейством... Как же, я знаю этот шатер. Там рхиви готовили убитых тисте анди к погребению».

Карга почти камнем упала вниз и приземлилась в нескольких шагах от шатра. Его полотно было плотно закрыто и завязано изнутри, но когда кожаные тесемки являлись препятствием для ее острого клюва? Еще мгновение, и птица пробралась внутрь, незаметно паря невидимкой над громадным столом, который сразу же узнала. Затем она пристроилась на одной из подстилок и стала наблюдать за происходящим.

Над столом склонились четверо. Они о чем-то шептались и время от времени переругивались. Стук деревянных карт по поверхности стола заставил Каргу наострить уши.

– Ну вот, опять он выпал, – мрачно произнес женский голос. – Штырь, ты как следует перетасовал Колоду?

– Сколько можно спрашивать, капрал? Мы делаем уже четвертый расклад подряд. Каждый раз выпадают новые карты. Но главенствующей все равно остается Обелиск. Дольмен времени. Тут только слепой не увидит – карта пробудилась. Впервые за десятки лет...

– Может, у тебя просто расклады наперекосяк выходят? – вмешался другой голос. – Вот Скрипач... у него было врожденное чутье.

– Забодал ты нас со своим Скрипачом, Колотун, – огрызнулась на него капрал. – Можешь не сомневаться: Штырь умеет делать расклады.

– Не ты ли сама только что...

– Заткнись!

– И смотрите, что получается, – продолжал Штырь. – Эта карта имеет неизменное влияние. Она, как бы это выразиться? Вроде клея. Держит на себе весь расклад. Убери ее, и сразу смысл пропадает.

– Говоришь, вроде клея? – переспросила другая женщина. – Так, может, карта связана с новым Взошедшим?

– Ты, Мутная, не торопись делать выводы, – осадил ее Штырь. – Неизменное влияние – да. Но хоть убейте меня, не знаю, с чем оно связано. И дело здесь не в том, умею я делать расклады или нет. Похоже, карта еще... не до конца пробудилась. Она есть, но пока продолжает спать. Зато когда проснется... ох, чувствую, жарко станет всей колоде. Уж полыхнет, так полыхнет.

– Что у нас выпало на этот раз? – спросила женщина, которую называли капралом.

– Да все, как и в прошлый. Солдат из Высокого дома Смерти находится по правую руку от Обелиска... Ага, появился Маг из Высокого дома Тени... раньше его тут не было. Похоже, затевается какой-то грандиозный обман... Еще Капитан из Высокого дома Света, – похоже, не все так безнадежно. Но ему мешает Вестник Худа. Они, правда, не рядом, но достаточно близко... А вот Убийца из Высокого дома Тени вроде бы изменил облик. Кого-то мне он напоминает. А вам?

Колотун хмыкнул:

– Позвать бы сюда Быстрого Бена.

– Знаю! – ахнул Штырь. – Вы только гляньте на лицо Убийцы – это же наш Калам!

– Вот прохиндей! – взвился Колотун. – А я ведь подозревал: не зря они со Скрипачом туда поперлись... Сами понимаете, что все это значит.

– Догадываемся, – угрюмо отозвалась капрал. – Но в целом картина тебе ясна?

– Угу, – пробормотал Штырь. – Семиградье вот-вот поднимется, если только восстание уже не началось. Как это у них называется? Вихрь Дриджны? Представляю, как весело сейчас Худу. Небось смеется во весь рот.

– Вот что, мне нужно потолковать с Быстрым Беном, – сказал Колотун. – Причем как можно скорее.

– И не забудь спросить его про новую карту, – добавил Штырь. – Может, он согласится заглянуть под стол и полюбоваться на нее?

– Не забуду.

«В Колоде Драконов появилась новая карта?»

Карга задрала голову и принялась лихорадочно думать. Новые карты всегда приносили беду, особенно те, у которых имелись сила и власть. Так, например, произошло с Высоким домом Тени.

Великой воронихе не составило особого труда направить мысленный взор на днище стола и увидеть, что там изображено... Оттуда на нее, словно живые, смотрели два человеческих глаза.

Мхиби выбралась из штабного шатра, чувствуя себя предельно изможденной. От усталости она плохо соображала. В голове мелькали разрозненные бессвязные мысли. Серебряная Лиса заснула прямо на стуле, под очередную тираду Круппа, расписывавшего преимущества договора с Тригалльской торговой гильдией. Мхиби не стала будить девочку.

Рхиви было совестно себе в этом признаваться, но ей хотелось побыть одной. Давление, с некоторых пор нарастающее вокруг Серебряной Лисы, жадно выпивало жизненные силы матери. Да вот только разве от этого убежишь? Расстояние здесь не играло никакой роли. Ладно, пусть так. Но хотя бы некоторое время не видеть дочь...

Кости ныли от непрекращающейся тупой боли. Она то накатывала подобно морским волнам, то немного отпускала. Во сне бедной женщине становилось легче, однако заснуть ей теперь удавалось все реже и реже.

Следом за рхиви из шатра вышел Паран:

– Постой, Мхиби. Я вижу, ты устала и хочешь отдохнуть. Один только вопрос, и я оставлю тебя в покое.

«Ох и глупый же ты парень! Я давно уже забыла, что такое покой».

– Спрашивай, капитан.

Паран обвел глазами притихший лагерь.

– Скажи, если бы кто-то захотел спрятать стол...

Мхиби не сразу сообразила, о чем речь, но потом поняла и улыбнулась:

– Лучшего места, чем «шатер мертвых», не найти. Он сейчас пустует. Идем, я тебя провожу.

– Это вовсе не обязательно, просто покажи, куда идти.

– Ничего, капитан. Когда я хожу, мне становится легче.

Они пошли вдоль первого ряда шатров.

– Ты сумел пробудить Рваную Снасть, – сказала Мхиби. – Теперь она управляет моей дочерью. Я этому рада.

– Я и сам рад, Мхиби.

– Скажи, капитан, а какой была эта колдунья?

– Великодушной... Возможно, даже слишком – это было ее слабостью... Я и узнать-то Рваную Снасть как следует не успел. Но, судя по тому, что говорят ее соратники, чародейку очень уважали и любили.

«Ох, капитан, как же много всего ты таишь в себе и боишься выпустить наружу. Скрытность – порок, а не достоинство. Неужели ты до сих пор этого не понял?»

– Наверное, вам, рхиви, малазанская армия кажется безжалостной и безудержной силой, таким чудовищем, которое один за другим проглатывает здешние города. Но это совсем не так. Малазанским солдатам вечно не хватало самого необходимого. Они были вынуждены воевать на чужой, незнакомой земле. Очень часто противник затмевал их численным превосход-

ством. Армию Дуджека Однорукого буквально рвали на части. Вступление в войну Каладана Бруда, тисте анди и Багровой гвардии связало нас по рукам и ногам. Нередко лишь искусство кадровых магов уберегало наше войско от полного уничтожения.

– Но на вашей стороне сражались моранты.

– Да, хотя они не такие уж надежные союзники. Не стану отрицать: «морантские гостинцы» существенно изменили ход войны, не говоря уже о возможностях кворлов. Малазанцы крепко держались за союз с морантами.

– Гляди, капитан: из «шатра мертвых» пробивается свет. Я была права... Ходили слухи, что у вас с морантами не все гладко.

– Так оно и есть. Среди них произошел раскол, после того как ваши силы разбили их отборные части – золотых морантов. Черные остались на нашей стороне, а синие отправились искать счастья в Семиградье и теперь летают над морем.

Из «шатра мертвых», странно кувыряясь, выпорхнула Карга. Она плюхнулась на землю почти рядом с Мхиби и Параном. Сверкающий птичий глаз уставился на капитана.

– Это ты?! – хрипло каркнула великая ворониха.

Тяжело хлопая крыльями, она взлетела и вскоре растаяла в темноте.

– Вроде прежде Карга от тебя не шарахалась, – сказала Мхиби оторопевшему капитану. Он только молча пожал плечами.

Из «шатра мертвых», озираясь по сторонам, осторожно выбрались четыре фигуры. У первой из них в руках был потайной фонарь с закрытой заслонкой.

– Эй, далеко собрались? – сердито окликнул их Паран.

Женщина с фонарем вздрогнула, будто ее ужалила оса, а потом отсалютовала, забыв, что делает это левой рукой.

– Капитан, мы нашли украденный стол, – сообщила она. – Его спрятали в этом шатре.

– Ну надо же, – с деланным удивлением протянул Паран. – Замечательно, капрал. За такое рвение ты и твои товарищи достойны похвалы.

Капитан шагнул к шатру:

– Значит, стол спрятан внутри?

– Так точно.

– Что ж, правила воинской чести требуют, чтобы мы немедленно вернули его Воеводе Бруду. Ты согласна, Хватка?

– Полностью согласна.

Паран оглядел всю четверку:

– Колотун, Штырь, Мутная и ты, капрал. Думаю, ваших сил хватит.

– На что? – опасливо спросила Хватка.

– Как на что? На то, чтобы отнести стол обратно в шатер Бруда.

– Разрешите позвать кого-нибудь на подмогу.

– Не разрешаю. Утром мы выступаем. Солдатам надо выспаться перед дорогой. Незачем нарушать их сон. Думаю, за час вы этот стол дотащите. У вас еще останется немного времени, чтобы сложить вещмешки. Советую поторапливаться. Капрал, тебе все понятно?

– Так точно, – угрюмо ответила Хватка и повернулась к своим. – А ну, засучили рукава. Слышали приказ? Штырь, ты что, спишь на ходу?

Маг стоял с раскрытым ртом, не сводя глаз с Парана.

– Эй, Штырь, я, вообще-то, к тебе обращаюсь!

– Какой же я дурак, – прошептал тот.

– Тебе сколько раз повторять?

– Как же я раньше не подумал? Это же *он*. Тут все яснее ясного.

Хватка изо всей силы хлопнула чародея по спине:

– Перестань бубнить и немедленно принимайся за дело!

– Не вздумай больше бить меня, иначе будешь жалеть до скончания дней.

Однако Хватку это ничуть не испугало.

– Если я ударю тебя еще раз, ты уже не встанешь, а твой поганый рот больше не будет выплевывать пустые угрозы!

Маг содрогнулся всем телом и снова покосился на Парана.

– Теперь все переменится, – прошептал он. – Осталось совсем немного. Я должен подумать. Быстрый Бен...

– Да, Штырь, чтоб тебя! – завопила Хватка, добавив несколько смачных ругательств. – Ты слышал, что я велела вам сделать?

Маг нехотя кивнул.

Мхиби с удивлением наблюдала за тем, как четверка вновь скрылась в темном шатре.

– О чем они тут говорили, капитан?

– Понятия не имею, – равнодушно ответил Паран.

– А ведь четырех пар рук мало, чтобы дотащить такой стол, – заметила рхиви.

– Согласен. Мало.

– Так почему же ты не позволил им сходить за подмогой?

– По одной-единственной причине. Это они украли у Бруда стол и приволокли его сюда.

До рассвета оставалось менее полутора часов. Оставив сердитую Хватку и ее не менее сердитых товарищей выполнять приказ, Паран простился с Мхиби и направился к лагерю сжигателей мостов. Полусонные солдаты на караульных постах вяло вскидывали руку, приветствуя капитана.

К удивлению Парана, Скворец не спал. Он седлал своего длинноногого гнедого жеребца.

– Неужели переговоры все-таки закончились? – поинтересовался капитан.

– Если бы Круппу не заткнули рот последней лепешкой, он болтал бы до сих пор.

– Так его затея с этой Тригальской торговой гильдией провалилась?

– Наоборот, ее приняли на ура. Правда, даруджийцам придется здорово раскошелиться.

Но зато теперь мы можем не беспокоиться о поставках и не менять маршруты продвижения армий. Именно то, что нам и требовалось.

– Я не понял: сановники и Крупп возвращаются в Даруджистан?

– Эстрайсиан Д'Арле – да. А Крупп, как весьма полезный нам человек, отправится вместе с войском. И Колл тоже. Сдается мне, он с радостью сменит все эти модные тряпки на боевые доспехи.

– Я тоже так подумал, когда его увидел.

Скворец еще раз проверил подпругу и поднял голову. Когда он заговорил, капитану показалось, что седобородый командор намеревался сказать одно, а сказал совсем другое:

– Черные моранты доставят тебя и сжигателей мостов к подножию Баргастовой гряды.

– Далековато лететь, – покачал головой Паран. – А что потом?

– А потом, когда доберетесь до места, Ходок должен выполнить особое задание: установить контакт с баргастами из клана Белолицых – таким способом, какой сам сочтет нужным. С этого момента он более тебе подчиняться не будет. Ты и твоё подразделение должны обеспечить ему эскорт, но в переговоры не вмешивайтесь. Нам нужно перетянуть весь этот клан на свою сторону.

– И Ходок будет вести переговоры? Худ меня побери!

– Погоди, капитан, он еще удивит тебя.

– Ладно, посмотрим. И если его... миссия окажется успешной, дальше мы отправимся на юг?

Скворец кивнул:

– Да. К стенам Капастана. – Командор поставил ногу в стремя и поморщился от боли. Он стиснул зубы и уселся в седло. – Вопросы есть, капитан?

Паран оглядел спящий лагерь и покачал головой.

– В таком случае пусть Опонны даруют тебе удачу.

– Нет уж, командор, лучше я обойдусь без них.

Скворец понимающе кивнул.

Жеребец под ним вдруг испуганно заржал и метнулся в сторону. На лагерь обрушился сильный порыв ветра, сорвав наиболее хлипкие шатры. Воздух наполнили тревожные голоса. Паран увидел в небе громадный силуэт, движущийся к лагерю тисте анди. То был черный дракон с серебристо-белой сверкающей гривой. У капитана свело живот от нестерпимой боли, но приступ, к счастью, оказался непродолжительным и вскоре миновал, оставив Парана дрожать на ветру.

Скворец вцепился в поводья, стараясь успокоить обезумевшего коня:

– Что это было?

«Почему он спрашивает? Неужели не видел дракона?.. Похоже что нет».

– К тисте анди пожаловал Аномандер Рейк.

В лагере сжигателей мостов поднялась суматоха.

– Рановато для подъема, но теперь все равно уже никто не заснет, – решил Паран. – Он сложил ладони рупором и крикнул: – Подъем! Всем сворачивать шатры!

Из ближайшей палатки высунулся заспанный Мураш.

– Сержант, ты слышал? Буди поваров.

– Слушаюсь, капитан. А с чего вдруг весь этот переполох?

– Да просто сильный ветер налетел. Ты же знаешь, как легко напугать спящих.

– Ясно, – недоверчиво протянул Мураш.

– Эй, капитан! – окликнул Скворец Парана.

Тот повернулся.

– Думаю, в ближайшие пару часов дел у тебя будет по горло. Я возвращаюсь к Воеводе. Хочешь, пришлю Серебряную Лису попрощаться с тобой?

Капитан немного подумал и покачал головой:

– Спасибо, не стоит.

«Для нас больше не существует расстояний. Серебряная Лиса словно бы поселилась у меня в мозгу. Я ощущаю ее присутствие, и это пытка, о которой я никому не хочу рассказывать».

– Счастливого вам пути, командор.

Скворец молча тронул поводья жеребца и поскакал к шатру Каладана Бруда.

Тисте анди молчаливым кольцом окружили место, куда должен был опуститься их повелитель.

Казалось, что вместе с драконом на землю вновь сошла ночная тьма. Его когти негромко царапнули каменистую почву равнины. Дракона сразу же окутала завеса теплого пряного воздуха. Очертания огромной фигуры начали расплываться. Еще через мгновение дракон исчез: теперь на его месте, между глубокими бороздами, которые оставили гигантские когти, уже возвышался Сын Тьмы. Глаза цвета темной бронзы придирчиво оглядывали соплеменников.

Мхиби стояла поодаль. Она видела, как шагнула вперед Корлат, чтобы поздороваться со своим господином. Аномандера Рейка женщина прежде видела дважды: первый раз вблизи (это было на равнине к югу от Чернопсового леса), а второй – издали, когда он говорил с Каладаном Брудом... Семя Луны низко висело над равниной Рхиви, заслоняя собой изрядный кусок неба. Рейк собирался тогда подняться на свою летающую крепость. Это было накануне осады Крепи армией Дуджека Однорукого. Рыцарь Тьмы только что заключил соглашение с городскими магами, обещая им свою поддержку. Рослый, суровый, с этим своим ужасным черным мечом. Как и сейчас, ветер играл длинной гривой его серебристых волос.

Легкий поворот головы – вот и все, чем Рейк удостоил подошедшую к нему Корлат. Справа от них выстроились Каладан Бруд, Каллор, Дуджек Однорукий и остальные.

Знакомое оцепенение, знакомая тревожная тяжесть, наполнившая воздух. Все как тогда, на равнине за Чернопсовым лесом, хотя тогда Мхиби была не одряхлевшей старухой, а крепкой, полной сил девушкой. Рхиви плохо разбиралась в иерархии и особенностях Взшедших. Их сонм представлялся ей чем-то вроде огромного гребня, где могущественные Каладан Бруд и Аномандер Рейк, столь непохожие друг на друга, занимали противоположные концы. Присутствие повелителя тисте анди подчиняло себе каждого, кто находился рядом. Оно заставляло сердце бешено колотиться. Загородиться от владыки Семени Луны (а уж тем более скрыться от него) было невозможно. От Рейка веяло древностью, уводящей в глубь тысячелетий, ужасающей жестокостью, мрачным величием и еще чем-то непонятным, что сковывало душу ледяным страхом. Сын Тьмы и сам представлялся Мхиби этаким ледяным вихрем, вечно клубящимся над мирами. Наверное, не ей одной стало зябко, – должно быть, все духи рхиви пробудились сейчас и застыли в немом отчаянии.

«Меч Рейка... это больше чем меч. Драгнипур служит орудием холодной справедливости, не знающей ни человеческих мерок, ни людских слабостей. Рейк – единственный, кого боится Каллор... Хотя, пожалуй, нет. Тот же самый страх я вижу в глазах Верховного Короля, когда он смотрит на мою дочь. Кто знает, вдруг между Сыном Тьмы и Серебряной Лисой существует давний союз и это пугает его больше всего?»

Эта мысль придала Мхиби сил, и она шагнула вперед.

– Аномандер Рейк! – зазвенел голос Каллора. – Я уповаю на твою прозорливость! Я уповаю на справедливость твоего меча! Пусть ничьи доводы не поколеблют твоего решения! Не позволяй никому смутить тебя сентиментальными чувствами, в том числе и Корлат, которая что-то настойчиво шепчет тебе на ухо!

Сын Тьмы, чуть приподняв одну бровь, неторопливо повернул к нему голову.

– А как ты думаешь, Каллор, что удерживает мой меч от желания пронзить твое черное сердце? – равнодушным тоном осведомился Рейк. – Только пресловутые сентиментальные чувства, причем не чьи-нибудь, а мои собственные.

К этому времени уже достаточно рассвело, чтобы все могли заметить, как побледнело узкое морщинистое лицо Каллора.

– Уверен, ты уже ощутил силу, исходящую от этой девчонки. Ядовитому цветку нельзя позволить раскрыть все свои лепестки.

– Силу, говоришь? Да, она в изобилии наполняет лагерь тисте анди, ее притягивает сюда, словно бы магнитом. Так что твои страхи не напрасны.

Взгляд Рейка упал на Мхиби, стоявшую в нескольких шагах.

Рхиви отчаянно хватала ртом воздух. У нее подгибались ноги.

– Ты – мать этой девочки? – спросил Сын Тьмы.

Мхиби кивнула.

– Силам природы неведома справедливость. Ты согласна?

– Да, владыка Семени Луны, – немеющими губами произнесла она.

– И потому выносить суждения приходится нам, способным думать и чувствовать. Мы вынуждены это делать, хотя порою сознаём себя несовершенными и недостойными судить.

– Неужели настало время решить участь моей дочери?

– Имей в виду, Рейк, что она будет просить тебя пощадить девчонку, – сказал Каллор, приблизившись к Мхиби. Его глаза сверкали неприкрытой злобой. – Для нее это чудовище дороже всего на свете. Разумеется, можно понять материнские чувства, но не идти же на поводу у рхиви...

– Стой на месте, Каллор, не то будет хуже, – сказал ему Сын Тьмы.

Бывший Верховный Король послушно остановился.

– Такое впечатление, будто вы ждали, когда я появлюсь здесь, дабы рассудить то, что не в состоянии рассудить сами, – с легкой усмешкой произнес Рейк.

– Впечатления зачастую обманчивы, – отозвался Каладан Бруд. Он стоял у входа в штабной шатер. Рядом с Воеводой Мхиби увидела свою дочь. – Ты, Рейк, волен принимать любые решения, но в моем лагере я не позволю вынимать Драгнипур из ножен.

Воцарилась гнетущая тишина. Мхиби вдруг показалось, что все пространство вокруг густо завалено «морантскими гостинцами». Еще немного – и прогремит взрыв, о последствиях которого бедная женщина боялась даже думать. Она взглянула на малазанцев. Лицо Дуджека Однорукого оставалось бесстрастным, но напряженная поза выдавала его тревогу. За спиной верховного кулака, закутавшись в широкий плащ так, что он скрывал руки, стоял знаменосец Артантос. Глаза молодого воина сверкали.

«Неужели он тоже наделен магической силой? – спросила себя Мхиби. – Или я ошибаюсь?»

Аномандер Рейк все с той же неспешностью повернулся к Бруду:

– Как вижу, черта уже проведена и мнения разделились. Твоя позиция мне ясна. А что скажет Корлат?

– Владыка, здесь я целиком на стороне Каладана Бруда.

– Ты остался в одиночестве, Каллор, – подытожил Рейк.

– Что ж, мне не привыкать. Я всегда был в одиночестве.

Выражение лица тисте анди стало еще более суровым.

– Я давно это знаю, Верховный Король.

Каллор молча кивнул.

Стук копыт заставил всех обернуться. К живому кольцу стремительно подъехал Скворец. Тисте анди расступились, пропустив его внутрь. Командор пустил коня шагом, а затем и вовсе остановился. Никто не знал, что именно успел услышать этот человек, однако времени даром он не терял. Спешившись, командор подошел к Серебряной Лисе и встал напротив девочки. Его клинок мягко выскользнул из ножен. Малазанец обвел глазами Рейка, Каллора и прочих, а затем вонзил острие меча в землю.

– Скворец, хочу предостеречь тебя от поспешных выводов и еще более поспешных действий, – сказал ему Бруд. – Тебе лучше отойти в сторону...

– Нет уж, я останусь, – упрямо и с вызовом возразил седобородый командор.

От Аномандера Рейка отделилась серебристая чешуйчатая волна. Она медленно прокатилась по земле, беспрепятственно прошла сквозь тело Скворца и окутала Серебряную Лису, скрыв девочку за полупрозрачной завесой.

Мхиби вскрикнула и попыталась было рвануться на помощь, однако Корлат удержала ее, опустив руку ей на плечо:

– Не бойся. Он хочет понять твою дочь. Узнать, что та собой пред...

Внезапно серебристая волна распалась на маленькие лужицы и исчезла. Мхиби сразу поняла, что Серебряная Лиса пришла в ярость от манипуляций тисте анди и выбросила в ответ свою собственную магическую силу, более похожую не на волну, а на толстый узловатый канат.

«Духи предков! Никак Рейк рассердил и Рваную Снасть, и Ночную Стужу. Как они бушуют! А кто же там еще? Он чем-то напоминает мне Бруда. Такой же невозмутимый и упрямый... Да это же Беллурдан! Боги милосердные! Сейчас нас всех разнесет в клочья! Помогите!»

– Должен признаться, – с нарочитой медлительностью произнес Рейк, – что меня еще никто так не шлепал по руке. Впечатляюще, хотя и непростительно дерзко. И что же, интересно, от меня пытается скрыть эта своевольная девчонка?

Его рука потянулась к Драгнипуру.

Изрыгнув замысловатое проклятие, Каладан Бруд немедленно сорвал с пояса свой молот. Скворец выдернул из земли меч.

«Боги, остановите их!»

– Рейк, по какую сторону от тебя мне встать? – хрипло спросил Каллор.

И тут вдруг опоры штабного шатра громко затрещали и обломились. Изнутри донесся громкий вопль, после чего оттуда вылетел... тот самый стол, который Мхиби видела ночью возле «шатра мертвых». Неуклюже кувыркаясь, стол повис в воздухе. В одну из его ножек мертвой хваткой вцепился Крупп. Он раскачивался, словно жирная пиявка, и орал:

– Ай-ай-ай, помогите! Снимите меня отсюда! Крупп терпеть не может летать!

Сжигатели мостов закончили сборы в дорогу. От дозорных по цепи пришла весть, что черные моранты уже на подлете. Солдаты вытягивали шею, пытаясь разглядеть в утреннем небе приближающихся кворлов. Снедаемый непонятной тревогой, капитан Паран расхаживал взад-вперед.

Никто не обращал на него внимания. Только усталая Хватка следила за командиром со смешанным чувством страха и восхищения. И лишь она одна видела, как Паран сделал очередную шаг и... растаял в воздухе.

Капрал вскочила на ноги:

– Чтоб мне чесать Худу яйца! Эй, Штырь! Зови Быстрого Бена!

– Соскучилась, что ли? – лениво спросил маг.

– Сейчас не до шуток! Кто-то похитил нашего Парана! Тащи сюда скорее Бена!

Капитан не успел даже понять, что произошло. Все вокруг внезапно заволочло туманной завесой. Она быстро рассеялась, но теперь вместо своих солдат Паран увидел Аномандера Рейка и Каладана Бруда. Один уже обнажил свой меч, а другой сжимал рукоятку тяжелого боевого молота. Чуть в стороне стояли Мхиби и Корлат, а еще дальше – взволнованные тисте анди.

Глаза собравшихся впились в него, но не задержались надолго, а устремились куда-то вверх. Паран сообразил, что их удивило не его внезапное появление, а что-то другое.

– Помогите! Ой-ой-ой!

Капитан задрал голову. В воздухе покачивался украденный у Бруда и вновь возвращенный ему стол. На ножке стола висел громко орущий Крупп, но Парана поразило не это. На днище стола яркими светящимися красками был нарисован какой-то мужчина. Паран прищурился, напряженно разглядывая мерцающее изображение, и изумленно моргнул. Нарисованное лицо показалось ему очень знакомым.

«Боги милосердные! Так это же я сам...»

Его накрыло волной черной боли.

Ну и ну! Мхиби и глазом моргнуть не успела, а Паран уже лежал на земле, корчась в агонии.

Волна магической силы, извиваясь, поползла от Серебряной Лисы дальше, миновала неподвижно застывших Бруда и Скворца и поднялась вверх, коснувшись стола... Все четыре ножки с треском обломились. Отчаянно вопящий Крупп рухнул на землю; хорошо еще, что тисте анди успели отскочить в сторону. Столешница перестала раскачиваться и замерла в воздухе. Сверху на Рейка, Бруда и Каллора смотрело изображение Ганоса Парана, так и лучшее магической силой. Оттуда протянулись серебристые нити, коконом опутав бездыханного капитана.

– Такой большой карты я еще не видел, – послышалось за спиной у Мхиби.

Та обернулась и увидела темнокожего сухопарого чародея. Он тяжело дышал, словно бежал сюда со всех ног. Рхиви узнала его: Быстрый Бен.

Сжигатель мостов шагнул вперед, поднимая руки:

– Простите меня за это вынужденное вмешательство! Чувствую, многие из вас желали бы столкновения. Я могу повторить лишь то, что вы наверняка уже неоднократно слышали:

нехватка мудрости всегда ведет к насилию и жестокости. Вы хотите скрестить оружие теперь, когда происходящее столь неясно, столь неопределенно и требует самого пристального внимания? Сейчас любой необдуманный шаг чреват опасными последствиями. Надеюсь, что вы понимаете, о чем речь.

Аномандер Рейк слегка улыбнулся и убрал меч в ножны:

– Сказано весьма осмотрительно и мудро. И кто же ты будешь, миротворец?

– Просто солдат, который явился сюда за своим командиром.

Крупп пробирался сквозь кольцо тисте анди, стряхивая с одежды пыль и грязь. Казалось, испачканный наряд заботит его больше, чем присутствие Аномандера Рейка и то, что произошло с Параном. Осоловело моргая, коротышка произнес:

– Какое странное завершение отдыха, которому Крупп предавался после завтрака. Так мы будем продолжать собрание или его придется отложить?

Капитан Паран не видел и не слышал того, что творилось вокруг. Он все падал и падал куда-то. Потом падение прекратилось. Его доспехи ударились о неровные плиты пола, породив гулкое эхо. Боль исчезла. Хватая ртом воздух и по-прежнему сотрясаясь всем телом от мелкой дрожи, Паран поднял голову.

Малазанец находился в каком-то узком, тускло освещенном коридоре с низким потолком, который придавал ему сходство с подземельем. Справа виднелась массивная двустворчатая дверь. Напротив нее, по левую руку, располагалось нечто вроде широкого вестибюля с рядами ниш. Стены и пол были выложены плитами из грубо отесанного камня и напоминали древесную кору. Шагах в восьми от того места, где капитан приземлился, была еще одна дверь, массивнее первой. Ее бронзовые листы с многочисленными вмятинами совсем потемнели. У самого порога он заметил два бесформенных вороха одежды.

«Да где же это я оказался?.. И как сюда попал?..»

Паран с трудом поднялся, опираясь о стену. Его взгляд вновь привлекли темные кучи возле бронзовой двери. Пошатываясь, капитан подошел ближе.

Два тела. Мужчина, затянутый в кожаные доспехи профессионального убийцы. На его узком, чисто выбритом лице застыло умиротворенное выражение, длинные черные косицы поблескивали от масла. Неподалеку валялся старомодный арбалет.

Рядом лежала женщина, ее плащ порвался и перекрутился, как будто спутник волоком тащил ее через порог. Лоб ее уродовала жуткая, влажно поблескивающая рана, причем, судя по пятнам крови на полу, отнюдь не единственная.

«Они явно не малазанцы. Такие лица я видел у жителей Даруджистана... Минуточку! А я ведь знаю этого человека, встречал его на Празднестве Геддероны в доме госпожи Симтал... И женщину тоже помню. Она была главой гильдии убийц... Как же их звали? Да, точно, Раллик Ном и Воркан. Они оба исчезли тогда, на том злосчастном карнавале... Никак я снова в Даруджистане?»

Паран вспомнил слова Серебряной Лисы. Неужели она оказалась права? «Стол... карта с моим изображением. Джен'исанд Рул. Новая независимая карта в Колоде Драконов... наделенная неведомой силой. Я странствовал внутри Драгнипура. Похоже, я способен странствовать где угодно!.. А что же это за место такое? Неужели я попал внутрь... какое слово она тогда произнесла? *Финнэст*... Боги милосердные! Да никак я угодил прямиком в дом Азата!»

Двустворчатая дверь начала медленно открываться. Паран схватился за меч.

Перед ним стоял яггут, изуродованный настолько, что от тела его почти ничего не осталось. Переломанные ребра, острые обломки костей, куски рваной плоти, хищное лицо с торчащими изо рта клыками.

– Добро пожаловать, малазанец, – загремел этот живой призрак. – Меня зовут Рейст. Я – хранитель и узник этого места. Ваш мир проклял меня. Но не будем об этом. Азат приветствует тебя, хотя, наверное, странно так говорить о старых запотевших камнях. В отличие от

тех двоих, что спят у порога, ты не испытываешь надобности в дверях. Да будет так! – Рейст шагнул навстречу гостю и остановился, вскинув голову. – Ага, стало быть, ты присутствуешь здесь не во плоти. Сюда явился лишь твой дух.

– Тебе виднее, – рассеянно ответил яггуту Паран.

Капитану вспомнилась ночь Празднества Геддероны. Стычка в саду, буйство магии, взрыв и его неожиданное путешествие во владения Тени, где он встретился с Гончими и Котильоном.

«Наверное, я и тогда странствовал в духе, сам того не сознавая. – Он пригляделся к изуродованному яггуту. – Худ меня побери! Так это и есть тот древний тиран, которого освободили Лорн с т'лан имассом. Вернее, то, что от него осталось».

– Почему я здесь? – спросил Паран.

Жуткая улыбка на лице яггута стала еще шире.

– Идем со мной, – сказал он.

Рейст вышел в коридор и повернул направо. Его шатало, словно кости обеих ног были перебиты в нескольких местах. Пройдя семь шагов, яггут остановился. Коридор оканчивался дверью. Еще одна дверь была слева. Ее-то и открыл Рейст. Паран увидел круглое помещение, посередине которого находилась винтовая лестница, ведущая вниз. Казалось, она сделана из древесных корней. Никакого освещения не было, но, к своему удивлению, малазанец обнаружил, что прекрасно видит в темноте.

Они стали спускаться. Ступени чем-то напоминали сплюснутые ветки, отходящие от ствола. Воздух становился все более теплым и влажным, и в нем все отчетливее пахло землей.

– Послушай, Рейст, – нарушил молчание Паран, идя вслед за яггутом, – эти двое, убийца и глава гильдии... Ты сказал, что оба спят. А как давно они лежат у входа?

– Запомни, смертный: внутри дома Азата времени нет. С тех пор как я здесь нахожусь, несколько чужаков пытались сюда проникнуть. Они уповали на свою магию. Некоторым удавалось попасть во двор. Но дом никого из них не принял. Когда я пробудился, те двое уже лежали у порога. Это значит, что Азат их выбрал.

«Как в свое время Мертвый дом в Малазе выбрал Келланведа и Танцора», – подумал Паран.

– А разве ты не можешь их разбудить? – спросил он яггута.

– Я и не пытался.

– Почему?

– В этом не было нужды, – ответил Рейст, поворачиваясь к капитану.

– Странно. Разве они – не такие же хранители, как ты?

– Не совсем. Достаточно одного меня. А они... быть может, невольные слуги. *Твои* слуги.

– Мои?! Но я не нуждаюсь в слугах. Я прекрасно без них обхожусь. Более того, я вообще не желаю во все это ввязываться. Видишь ли, Рейст, дом ошибся в своем выборе. Если Азат не понимает меня, объясни ему сам. Пусть поищет кого-нибудь другого для... ну, на ту роль, которую готовил мне.

– Ты – Управитель Колоды Драконов. Таково твое положение, и изменить его невозможно.

– Какой еще управитель, Худ тебя побери? Я не просил об этом. Слышишь, яггут? Мне тут нечего делать! Я хочу вернуться обратно.

– Я тебе уже сказал: такие вещи отменить нельзя. Колоде Драконов понадобился господин, и потому ты здесь.

– Но я этого не желаю!

– Да твоего мнения никто и не спрашивает, смертный... Ну, вот мы и пришли.

Они достигли дна, остановились на нижней площадке. Паран мог лишь гадать, на какую глубину завела их эта странная лестница. Каменные стены исчезли. Под ногами была не глина или песок, а плотно переплетенные корни.

– Дальше, Управитель Колоды, мне идти нельзя, – объявил Рейст. – Ступай во тьму один.

– А если я откажусь?

– Тогда я убью тебя.

– Жестокий домишко этот твой Азат, – пробормотал Паран. – Да вдобавок еще и стремится все сделать чужими руками.

– Я убью тебя не по приказу Азата, а потому, что ты вынудил меня напрасно потратить время и силы. Увы, смертный, ты не понимаешь шуток.

– А ты, стало быть, у нас юморист? – огрызнулся капитан.

– Если ты откажешься идти дальше... ничего не случится. Ну, я рассержусь. А Азат – он терпелив. Тебе все равно придется совершить это путешествие, но провожатых у тебя больше не будет. Эту честь я оказываю тебе лишь единожды.

– То есть в следующий раз я буду лишен твоей приятной компании и ободряющих слов? Ох, боюсь, я этого не переживу!

– Плохо тебе придется, смертный, если есть в мире справедливость.

Паран посмотрел во тьму:

– А она есть?

– У кого ты это спрашиваешь? У яггута? Мы что, так и будем здесь стоять?

– Ладно, твоя взяла, – вздохнул капитан. – Может, ты хотя бы подскажешь, в каком направлении идти?

– Выбирай сам. Для меня они все одинаковы.

Невольно улынувшись, Паран двинулся вперед. Однако, пройдя пару шагов, он остановился:

– Рейст, ты говорил, что Азату понадобился Управитель Колоды. Но зачем? Что-то случилось?

Яггут обнажил клыки:

– Началась война.

Парану словно бы вонзили в спину нож. Он вздрогнул:

– Война? Так что, в нее втянуты и дома Азата?

– Смертный, в нее втянуты абсолютно все. Туго придется и домам, и богам, не говоря уже о таких жалких недолговечных созданиях, как ты сам и твои товарищи.

– Знаешь, Рейст, я, вообще-то, повидал на своем веку достаточно войн.

– Тебе только кажется, что их было много. На самом деле война всегда одна.

– Я вообще не хочу об этом думать.

– Так и не думай.

Преппирательства с яггутом были напрасной тратой сил. Паран молча повернулся и пошел дальше. Через несколько шагов корни под ногами сменились каменной почвой. Тьма рассеялась, уступив место тусклому желтоватому свету. Малазанец шел по равнине. Далеко ли она тянулась, определить было невозможно. Полоса видимости в любом направлении не превышала сотни шагов, а дальше опять был мрак.

Капитан забыл и о Рейсте, и о странной деревянной лестнице. Сейчас он смотрел только под ноги. Там, на белесых каменных плитах, были вырезаны... карты Колоды Драконов. Некоторые он узнал сразу, но многие видел впервые.

«Утраченные дома, – догадался Паран. – И множество незнакомых независимых карт, давным-давно забытых. Дома и...»

Капитан остановился и присел на корточки, чтобы получше разглядеть изображение. И вдруг окружающий мир начал меркнуть, а сам он... прошел внутрь карты, словно сквозь дверь.

В лицо ударил холодный ветер. Воздух пах глиной и сырой шерстью. Теперь под ногами Парана была земля – холодная, но мягкая, податливая. Где-то вдали каркали вороны. Перед ним стояла странная хижина, чем-то похожая на горбатую спину. Она даже внешне не напоминала жилища рхиви, хотя и ее стены тоже покрывали толстые шкуры. Но остовом строения служили не деревянные шесты, а кости и бивни неких гигантских зверей.

«Так вот они какие – Обитатели. Я почему-то представлял их наподобие крепостей, а это просто древние жилища. Быть может, самые первые, которые построил человек... Ну до чего же длинные бивни. Небось зверюги, которым они принадлежали, были настоящими гигантами... Похоже, я научился перемещаться усилием воли и могу войти в любую карту любой Колоды».

Паран толком даже не успел обрадоваться новообретенной способности. Подспудный страх притушил охвативший было его восторг. Место, куда он попал, было явно не самым приятным в этой Колоде.

Рядом с входом в жилище дымился небольшой, обложенный камнями очаг. Над ним коптились длинные ломти мяса. Распорка была деревянной, значит люди жили вблизи лесов. Только сейчас малазанец заметил, что пространство вокруг хижины окружено кольцом из старых черепов зверей, скорее всего тех самых, чьи кости и бивни пошли на постройку. Все черепа лежали клыками внутрь. Паран внимательно пригляделся к зубам: судя по пожелтевшим резцам, эти животные питались травой.

Однако здесь водились также и хищники. Их черепа висели над входом в жилище, и капитану пришлось нагнуться, чтобы их не задеть.

«Что заставило обитателей дома спешно его покинуть? Если угли еще не погасли, значит они ушли совсем недавно...»

В дальнем углу хижины взгляд Парана наткнулся на двойной трон, грубо составленный из звериных костей. Постаментом трону служили ряды... черепов, выкрашенных охрой.

«Не совсем люди, но очень похожи на людей. Возможно, т'лан имассы».

Догадка молнией вспыхнула в его мозгу. Паран понял, где он.

«Обитель Зверей... она появилась гораздо раньше Первого Престола... Здесь находилосьместилище силы т'лан имассов – мир их духов в ту пору, когда сами они еще были смертными и поклонялись духам. Все это происходило задолго до Ритуала Телланна, после которого т'лан имассы сравнивались со своими божествами и превзошли их».

Они покинули мир, в котором жили. Им уже не вернуться сюда.

«Но что тогда представляет собой сам магический Путь Телланн? Должно быть, его породил Ритуал. Этот Путь стал зримым воплощением „Клятвы бессмертия“. Его породила не жизнь и даже не смерть. Его породил... прах».

Паран замер, силясь осознать безграничность трагедии, ставшей непосильной ношей для т'лан имассов.

«Они пережили собственных богов и теперь обитают в мире вечного праха, наполненном воспоминаниями. – Малазанец уловил только отблеск горя т'лан имассов, но и он обжигал капитану душу, грозя разорвать сердце. – Как же им одиноко... и сколь ужасающе долго длится их одиночество... И вот теперь они собираются на призыв ребенка... они жаждут получить от Серебряной Лисы благословение... и, наверное, что-то еще, о чем я даже не подозреваю».

Паран шагнул назад и вновь очутился на каменных плитах. Он с трудом оторвал взгляд от Обители Зверей (теперь понятно, почему эта карта так называется). Пройдя еще шагов десять, капитан остановился перед другой картой. От плиты, где она была начертана, исходило тревожное ярко-красное сияние.

Паран наклонился над плитой. Рисунок изображал спящую женщину, во всяком случае такой она виделась, если глядеть сверху. Но сон ее не был спокойным, – казалось, она извивалась всем телом. Паран нагнулся еще ниже, затем присел на корточки. Рисунок изменился.

Кожа женщины вдруг сделалась прозрачной. Под нею темнели леса, скалы, вздымались морские волны.

«Да это же Огнь – Спящая Богиня!»

А потом он вдруг заметил темное пятно. Рана! Огромный гнойник. Парана затошнило, но он не отвел глаза. У края раны он увидел согбенную фигуру, прикованную цепями к телу Спящей Богини. Цепи служили желобами, по которым в плоть Огни струился яд.

«Она предчувствовала свою участь и предпочла сон. Огнь заснула почти две тысячи лет тому назад. Таким образом, богиня решила вырваться за пределы собственного тела, дабы вступить в битву с тем, кто отравлял ее. Боги милосердные! Она сама стала оружием! Ее дух, ее сила выковали... молот, способный сокрушить все на свете. И тогда Огнь избрала оруженосца, которому вручила этот молот... Каладана Бруда».

Паран лихорадочно соображал. Он понял: Бруд давно мог бы разорвать эти цепи. Но разорвать их означало дать свободу Увечному Богу, позволить тому отомстить за свое пленение, уничтожив в этом мире все живое. Спящая Богиня не стала бы сожалеть о погибшем мире. Она просто-напросто создала бы новый.

«Воевода боится! Он не хочет вступать в битву с Увечным Богом, ибо не уверен в исходе поединка. Каладан Бруд боится погубить весь мир!»

Тяжело дыша, капитан выпрямился. Он попятился назад и... снова оказался рядом с Рейстом. Изуродованное лицо аггута улыбалось, поблескивая клыками.

– Чем стали для тебя обретенные знания, смертный? Подарком или проклятием?

«Да уж, что называется, вопрос не в бровь, а в глаз...»

– И тем и другим, – честно сказал Паран.

– Ну и каков же твой выбор?

– Не понимаю, о чем ты.

– Ты плачешь, смертный. То слезы радости или горя?

Малазанец торопливо вытер лицо.

– Я хочу поскорее отсюда уйти, – произнес он, не ответив на вопрос Рейста. – Мне пора возвращаться.

Паран открыл глаза. Он стоял на коленях, и всего пять или шесть шагов отделяли его от явно изумленного Сына Тьмы. Сколько же длилось это его путешествие в дом Азата? Похоже, что считанные минуты. Однако капитан сразу ощутил, как изменилась обстановка вокруг. Противостояние сохранялось, но оно уже не было угрожающим.

Кто-то дотронулся до его плеча. Паран поднял голову. Возле него стояла Серебряная Лиса. Чуть поодаль переминалась с ноги на ногу растерянная Мхиби. Слева от нее пыхтел толстый даруджиец Крупп, счищавший пыль со своих шелковых одежд. Быстрый Бен, заметив, что капитан очнулся, шагнул к нему. Меж тем глаза мага продолжали следить за Аномандером Рейком.

Паран зажмурился. Голова у него шла кругом: слишком много нового и необычного капитан узнал о себе, и знания эти с корнем вырвали его из привычного мира.

«Дожили! Неведомо кто толкает меня на войну, о которой я ничего не знаю. Не пойми кто и с какой стати объявляет меня... Управителем Колоды. А теперь еще и...»

– Что тут вообще происходит? – сердито спросил он у девочки.

Глаза Серебряной Лисы возбужденно сверкали.

– Мне пришлось применить силу, – пояснила она.

«Силу? Ну да. Это ощущение становится мне все более знакомым... Мне или... Джен'и-санду Рулу? Мы с Серебряной Лисой начинали свои путешествия порознь, но, похоже, нам суждено прийти в одно и то же место... Второе Слияние т'лан имассов. Так кто же воссядет на те древние троны? И куда же, милая девочка, ты поведешь армию т'лан имассов?»

– Не думал я, Бруд, что наша встреча будет такой, – сказал Аномандер Рейк.

Паран обернулся туда, где стоял Каладан Бруд. Его могучие руки сжимали молот Огни.

«Вот я и узнал твою страшную тайну, Воевода. Нет, я не стану никому ее раскрывать – какой в этом смысл? Выбор за тобой: погубить всех нас или же богиню, которой ты служишь. Я ничуть не завидую твоей силе, Бруд, и не хотел бы оказаться на твоём месте. Ни в коем случае. Единственное, что меня занимает: какую же цену придется заплатить за нарушение клятвы?»

– Приношу всем свои извинения, – продолжал Сын Тьмы. Он указал на Быстрого Бена. – Как мудро заметил этот человек, действовать сейчас, не зная природы обнаруживших себя сил, было бы крайне опрометчиво.

– А потом будет слишком поздно, – возразил ему Каллор. Выцветшие глаза древнего тирана замерли на Серебряной Лисе. – Девчонка применила магию Телланна. Давненько уже эта древняя магия не врывалась в наш мир. Теперь опасность грозит всем нам. Нужно действовать сообща и немедленно; только так мы еще сумеем уничтожить это чудовище. Учти, Рейк, нельзя упускать единственную возможность.

– Но что будет, Каллор, если мы потерпим неудачу? – спросил его владыка Семени Луны. – Какого могущественного врага мы себе наживем? Ты испугался магии Серебряной Лисы? Но девочка всего лишь защищалась. Она никому не угрожала и ни на кого не нападала. Тебе ли не знать, сколько бед может повлечь за собою один неверный поступок?

Каладан Бруд опустил свой сокрушающий молот и вновь привесил его к поясу.

– Ну, наконец-то ты рассуждаешь как стратег и вспомнил о предусмотрительности, – пробасил Воевода. В его голосе еще звучал гнев. Казалось, Бруда злит необходимость произносить прописные истины, которые все и так должны понимать. – Самое разумное – это соблюдать нейтралитет до тех пор, пока мы как следует не поймем природу силы этой девочки. У нас и так достаточно врагов... Хватит уже нагнетать обстановку. Добро пожаловать, Рейк. Уверен, ты расскажешь нам, какое место займет Семя Луны в грядущей войне. – Внезапно он обратился к Парану, и в голосе его отчетливо прозвучало раздражение. – Капитан, ты способен что-нибудь сделать с этим треклятым летающим столом?!

Паран растерянно пожал плечами:

– Я... прошу прощения, Воевода, но мне ничего не приходит в голову. И потом, я ведь не маг.

– Ладно, – махнул рукой Бруд. – Пусть украшает небеса.

– Быть может, я сумею что-нибудь придумать, – вмешался Быстрый Бен.

Каладан Бруд вопросительно взглянул на Дуджека. Тот улыбнулся и одобрительно кивнул чародею.

– А я смотрю, ты не просто солдат, – сказал Аномандер Рейк.

– Мне нравится иногда решать заковыристые задачи, – ответил на это уроженец Семиградья. – Но это у меня не всегда получается. И еще, Сын Тьмы, очень вас прошу: не надо испытывать меня чарами. Я – человек простой, не люблю излишнего внимания к своей скромной персоне.

– Как пожелаешь, – кивнул Рейк.

– А не пора ли нам перекусить? Неужели никто, кроме меня, здесь не проголодался?

Взоры всех обратились к тому, кто задал этот вопрос. Естественно, им оказался Крупп.

Мхиби незаметно покинула место встречи Аномандера Рейка. Она прошла мимо островерхих шатров тисте анди, затем повернулась и попыталась бежать. Мышцы и кости отозвались острой болью. В висках у нее застучало. Бедная женщина раскинула руки, чтобы не упасть.

Отдышавшись, она медленно побрела прочь, громко всхлипывая, глотая воздух и слезы.

«Духи предков, разве вы не видите, каково мне? Умоляю: сжальтесь надо мной. Взгляните: я едва передвигаю ноги. Проявите же сострадание, будьте милосердными! Я прошу... нет, я требую: заберите меня из этого мира. Слышите, жестокие предки? Сколько мне еще ждать?»

Медные браслеты на ее запястьях и лодыжках – испытанное средство рхиви против ломоты в костях – были холодными как лед. Мхиби показалось, что даже они брезгливо морщатся, не желая слышать тяжелого биения ее измученного сердца.

Духи предков не принимали бедную женщину. Они презрительно смеялись над нею.

Рхиви сокрушенно вскрикнула, зашаталась и упала на колени. От удара о жесткую землю у нее перехватило дыхание. Не в силах стоять, она растянулась в пыльном проходе между шатрами.

– Дорогая моя, ты слышала афоризм: «Женская плоть – вместилище для жизни»? – произнес чей-то голос. – На разных языках эти слова звучат по-разному, но смысл у них один. Они повествуют о рождении. В них есть все: радость и боль, утрата и жертва. В них воплощаются узы материнства. Более того – они сами являются узами жизни.

Мхиби с трудом приподняла голову. На вершине опорного шеста восседала Карга. Ее крылья были сложены, а глаза влажно поблескивали.

– Видишь, я вовсе не такая черствая насмешница, какой меня привыкли считать. Возможно, ты думаешь, что я поддаюсь слабости? Сейчас не это важно. Как мне тебя утешить, милая?

Рхиви покачала головой и прошептала:

– Никак.

– В Серебряной Лисе больше от тебя, чем от других: больше, чем от этих двух этих колдуний или от т'лан имассов.

– Взгляни на меня, Карга! Неужели ты ничего не видишь? – Мхиби поднялась на четвереньки, затем неуклюже села, повернувшись лицом к великой воронихе. – От меня ничего не осталось, кроме костей да высохшей кожи. И еще боли – постоянной, невыносимой боли. Высохший стебель – вот я кто. И чем дольше продолжается это жуткое прозябание, тем сильнее меня охватывает... ненависть.

Голова рхиви резко упала на грудь, будто ей сломали шею. Несчастная женщина затряслась в рыданиях.

– И поэтому ты бы хотела умереть, – сказала Карга. – Понимаю. Матери нельзя опускаться до ненависти к ребенку... и все же ты слишком многого от себя требуешь.

– Дочь украла мою жизнь! – закричала Мхиби.

Скрюченные пальцы впились в мякоть ладоней, и оттуда закапала кровь. Рхиви глядела на эти высохшие, неживые руки и не могла поверить, что они ее собственные.

– Пойми, Карга, – всхлипывая, сказала она. – Серебряная Лиса украла мою жизнь.

Птица взмахнула крыльями, слетела с шеста и приземлилась рядом с Мхиби.

– Ты должна поговорить с дочерью.

– Это бесполезно!

– Серебряная Лиса должна понять...

– Карга, она и так все знает. Прекрасно знает. Я что, должна уговорить дочь не расти? Это все равно что попросить реку не течь.

– Реку можно перегородить плотиной и даже... повернуть в другую сторону.

– Только не эту.

– Нет, милая, я с тобой не согласна. И обязательно найду выход. Клянусь тебе.

– Выхода не существует. Ты только понапрасну потратишь силы. Моя молодость ушла. Ее не вернуть ни магическими ритуалами, ни алхимическими снадобьями. Телланн – Путь жестокий и неумолимый. Его требования невозможно отвергнуть. Ну подумай сама, даже если бы тебе и удалось остановить этот поток, что меня ждет? Дряхлость, растянувшаяся на десятки лет? Мне придется год за годом жить в изношенном, больном теле. Неужели ты хочешь продлить это проклятие? Мне такая жизнь не нужна.

Сзади послышались шаги. Корлат опустилась рядом с Мхиби и обняла несчастную рхиви.

– Пошли со мной, – прошептала она. – Ну же, не упрямясь. Идем.

Мхиби позволила тисте анди поднять ее на ноги. Она уже не стыдилась собственной слабости, гордость рассыпалась в прах.

«Беспомощность. Полная беспомощность. Неужели всего год назад я была молодой девушкой? Да, была. Но что толку теперь гневаться на судьбу или жалеть о безвозвратно утраченном? Разве от этого хоть что-нибудь изменится? Я состарилась за считанные месяцы, и нужно смириться с этим. Во мне жизнь угасает, а в дочери – расцветает. В такой битве простому человеку не победить. Но где же, духи предков, ваш дар смерти? Почему вы отказываете мне в этой милости?»

Корлат поддерживала ее обеими руками. Мхиби с грустной усмешкой подумала, что уже и это принимает как должное.

«Духи предков, раз вы проклинали мою душу, расставание с жизнью не добавит мне ни капли боли. И здесь вы мне не помешаете. Я нарушу ваши замыслы!»

– Отведи меня в мой шатер, – попросила она Корлат.

– Нет, – ответила тисте анди.

Мхиби из последних сил повернула голову и сердито сверкнула глазами:

– Я требую...

– Милая, ты, наверное, забыла, что я умею слышать мысли. Ты сейчас обращалась не ко мне. Но одну тебя я в таком состоянии не оставлю. Я буду рядом, и я не одинока в своей вере в...

– В своей вере? Что ты мне тут рассказываешь сказки? – усмехнулась Мхиби. – Или считаешь, что я не только телом одряхлела, но вдобавок еще и выжила из ума? Да у тисте анди и понятия-то такого, как вера, нет.

Ее спутница нахмурилась и отвела взгляд:

– Возможно, ты права.

«Корлат, прости меня. Я и сама не знаю, что говорю. Зачем я тебя обидела?»

– Но я все равно не оставлю тебя в плену отчаяния, – продолжала тисте анди.

– Я привыкла быть узницей, – отрезала Мхиби, снова преисполнившись гнева. – А теперь послушай меня, Корлат. Хочу предостеречь тебя и остальных: в моей душе и без того разрастается ненависть. А твое сочувствие, любое твое доброе намерение лишь усугубляют положение. Прошу тебя, не мешай мне уйти из жизни.

– Напрасно ты думаешь, что мы будем спокойно наблюдать, как ты убьешь себя. Мы теперь не отступимся.

– Тогда случится то, о чем я сказала: ненависть во мне разрастется настолько, что убьет все остальное. Понимаешь, все? Даже то, что вы во мне когда-то любили и ценили.

– Неужели ты хочешь свести на нет все наши усилия?

– Не по собственному выбору, Корлат. Уже в который раз повторяю: я лишилась права выбора. Я пробовала объяснить это дочери. Теперь пытаюсь донести до тебя. Пойми же, ты добьешься лишь одного: окончательно превратишь меня в злобную старуху... Корлат, очень тебя прошу: если ты по-настоящему мне сочувствуешь, помоги закончить это ужасное странствие.

– Я не позволю тебе покончить с собой, Мхиби. Если сейчас тебя питает ненависть... что ж, пусть будет так. Но отныне ты находишься под моей защитой. И под защитой всех тисте анди.

Рхиви сокрушенно опустила плечи. Она попыталась найти слова, чтобы выразить обуревавшие ее чувства, и похолодела, внезапно осознав истину. «Жалость к себе. Вот на какую удочку я попала... Да, Корлат, ты выиграла. Пока что».

– Огонь умирает.

Каладан Бруд и Аномандер Рейк остались в шатре одни. Их взаимная неприязнь еще давала о себе знать. Судя по доносившимся извне звукам, Быстрый Бен все же сумел спустить летающую столешницу на землю. Несколько голосов оживленно спорили, обсуждая ее дальнейшую участь.

Сын Тьмы сбросил кольчужные перчатки, затем повернулся к Бруду:

– Есть ли другие варианты, кроме того единственного, который мы сочли неприемлемым?

Бруд покачал головой:

– Ах, друг мой, столько лет прошло, однако ничего не изменилось. Как и в былые времена, существует лишь одна возможность. Ты же сам знаешь. Я принадлежу к Тэннесу – магическому Пути самой богини. Все, что бьет по ней, бьет и по мне тоже. Но я мог бы расправиться с тем, кто наслал на нее болезнь.

– С Увечным Богом, – пробормотал Рейк. – Он целую вечность взращивал свою злобу. Он не знает пощады, Бруд. Это давняя история. Мы ведь тогда договорились: ты, я, Королева Грез, Худ... мы все согласились.

Казалось, еще немного, и широкое лицо Бруда перекосит гримаса. Но Воевода по-медвежьи встряхнул шеей и отвернулся:

– Эта ноша висит на мне без малого две тысячи лет.

– А если Огонь умрет, что будет тогда? – тихо спросил Рейк.

– Не знаю, – покачал головой Бруд. – Ее магический Путь умирает – вот это я могу сказать наверняка. Точнее, он все больше становится для Увечного Бога проходом на другие магические Пути. Если этот поганец туда попадет, они все погибнут.

– А вместе с ними погибнет и вся магия.

Воевода кивнул, набрал полные легкие воздуха и выпрямился:

– Ну и так ли уж это будет плохо? Как по-твоему?

Рейк усмехнулся:

– Боюсь, конец придет не одной только магии. Разрушения на этом не закончатся. Сдается мне, какой выбор ни сделай, Увечный Бог все равно оказывается победителем.

– Похоже на то.

– Но если ты сохранишь жизнь богине, то подаришь миру и всем его обитателям еще несколько сотен лет существования.

– Ага, существования, в котором будут страдания и смерть, войны и убийства. Разбитые мечты и несбывшиеся надежды.

– Как-то странно ты стал рассуждать, Воевода. – Аномандер Рейк подошел ближе. – На протяжении почти двух тысячелетий ты делал и продолжаешь делать все, на что способен. Поначалу мы стремились разделить с тобой это бремя. Но постоянно на что-то отвлекались. Собственные дела и пристрастия оказывались важнее. И мы, чего уж греха таить... бросили тебя одного.

– Не будем сейчас об этом, Аномандер. Что толку ворошить прошлое? Есть и более насущные проблемы, которые стоит обсудить, раз уж нам выпала редкая возможность поговорить наедине.

Рейк сдержанно улыбнулся:

– И то верно. – Он взглянул на закрытый полог шатра, потом опять повернулся к Бруду. – Скажи, если Тэннес поврежден... твой выпад был лишь блефом? Ты предпринял это для устрашения?

Воевода усмехнулся, обнажив два ряда острых зубов:

– Отчасти, но не совсем. Дело не в моей способности дать выход магической силе. Дело в природе этой силы. Она пропитана ядом, перемешана с хаосом.

– Ты хочешь сказать, все могло бы оказаться куда страшнее, чем та буря, которую ты обычно поднимаешь? Меня это тревожит. А Каллор об этом знает?

– Пока нет.

– Лучше, чтобы и впредь не знал.

– Согласен. Но только уж и ты, Рейк, в следующий раз тоже прояви побольше сдержанности.

Тисте анди налил себе вина.

– Странно: могу поклясться, я был достаточно сдержан.

– Давай-ка поговорим о Паннионском Домине, – предложил Каладан Бруд, пропустив последнее замечание мимо ушей.

– Вот уж воистину загадка. Эта империя оказалась куда более непредсказуемой и опасной, чем мы сперва думали. Магическая сила окутывает ее несколькими слоями. Развернешь один, а под ним обнаруживается новый, а потом еще и еще. Подозреваю, что сердцем этой империи является Путь Хаоса. Между прочим, великие вóроны со мной согласны.

– Путь Увечного Бога? Вряд ли это случайность, Аномандер. Его яд пропитан Хаосом.

– Да, – улыбнулся Рейк. – Любопытно все это, правда? Думаю, тут вполне очевидно, кто кем помыкает.

– Да, пожалуй.

– Развязав войну с Паннионским Домином, мы тем самым бросим вызов Увечному Богу.

– Как утверждает эта девчонка, нам понадобится помощь.

– Чья помощь? – нахмурился Рейк.

– Т'лан имассов. Армия неупокоенных воинов уже идет сюда.

Лицо тисте анди помрачнело.

– Это и есть вклад Дуджека Однорукого в общее дело?

– Дуджек тут ни при чем. Это все Серебряная Лиса. Она – первая заклинательница костей, появившаяся во плоти. Т'лан имассы очень давно этого ждали.

– Расскажи мне об этом чудо-ребенке, Воевода.

Бруд заговорил и поведал тисте анди все, что знал. Когда он закончил, в шатре надолго воцарилась тишина.

Скворец подошел поближе и склонился над лежащим Параном. Капитан дрожал, словно его била лихорадка. Мертвенно-белое лицо густо покрывал пот. Быстрому Бену все же удалось опустить на землю летающую столешницу. Магический рисунок на ее днище продолжал ярко светиться и тускнеть не собирался. Сам Быстрый Бен сидел рядом на корточках. Он погрузился в магический транс, пытаясь понять диковинную природу новой карты, появившейся в Колоде Драконов.

– Ну и глупец же ты, – прозвучало над ухом Скворца.

Командор обернулся:

– Думай, как тебе нравится, Каллор.

Высокий седой Каллор холодно усмехнулся:

– Ты еще пожалеешь, что взялся защищать эту девчонку.

Скворец выпрямился и пошел дальше.

– Эй, я ведь еще не все тебе сказал! – прошипел ему вслед Каллор.

– Зато я уже вдоволь с тобой наговорился, – не оборачиваясь, ответил Скворец.

Паран очнулся. Он глядел на Каллора широко раскрытыми, непонимающими глазами. Тисте анди неслышно расходились по своим шатрам. Казалось, их совершенно не интересовало, с какой целью их повелитель уединился с Каладаном Брудом. Скворец высматривал повсюду Корлат, но так нигде ее и не нашел. Да и Мхиби тоже куда-то исчезла. Серебряная Лиса стояла в нескольких шагах от капитана и смотрела на него совсем не детским взглядом.

«Сейчас у нее глаза Рваной Снасти», – подумал командор.

Что-то заставило его вернуться к Парану.

– Только, пожалуйста, не надо задавать мне вопросов, – хмуро попросил капитан. – У меня все равно нет ответов. Я ровным счетом ничего не знаю: ни о случившемся здесь, ни о том, в кого превратился сам. Наверное, лучше подыскать сжигателям мостов другого командира.

– Не вижу причины, – возразил Скворец. – И потом, терпеть не могу менять принятые решения.

Быстрый Бен тоже очнулся от транса:

– Она была у нас под носом, а мы даже и не подозревали.

– Что это вообще такое? – спросил у него командор, кивнув в сторону столешницы.

– Именно то, чем кажется. Новая независимая карта. Едва появившись в Колоде Драконов, она встала над всеми остальными независимыми картами, подчинив их себе. Не забывай, этот столик заключает в себе всю Колоду. – Маг покосился на Парана. – Как мы и предполагали, капитан вот-вот примкнет к сонму Взошедших. А это значит: все, что он отныне сделает или чего не сделает, будет иметь существенное значение и повлечет за собой не менее важные последствия. Причем не только для него самого, но и для всех нас. Колода Драконов обрела хозяина, и имя ему – Джен'исанд Рул.

Паран отошел в сторонку, явно не желая принимать участия в разговоре.

– Джен'исанд Рул? – повторил Скворец. – Но я думал, это имя связано с... пребыванием капитана внутри меча.

– Так оно и есть. Но поскольку это имя начертано на карте, связь оказывается более сложной, чем нам изначально представлялось. Если Паран знает не больше нашего, мне придется поднапрячь мозги и попробовать разгадать природу этой связи. Конечно, сам капитан при желании мог бы здорово облегчить мне работу.

Паран уже раскрыл было рот, чтобы возразить, но Скворец опередил его:

– Он же сказал: пока у него ответов нет. Меня занимает другое. Неужели мы поволочем эту столешницу с собой в поход?

Быстрый Бен кивнул:

– Ну да, хотя бы часть пути. Так будет лучше. Мне нужно повнимательнее изучить новую карту. Но ее ни в коем случае нельзя вносить в пределы Паннионского Домина. Можно поручить Тригальской торговой гильдии доставить ее в Даруджистан и отдать местным алхимикам.

– Карта останется с нами, – раздался голос Серебряной Лисы.

Надо же, а они и не заметили, как девочка подошла к ним. За ее спиной дюжина воинов-рхиви поднимала столешницу на плечи. Быстрый Бен проводил их взглядом и нахмурился:

– Опасно брать такую игрушку на войну.

– Мы должны это сделать, чародей, – объявила Серебряная Лиса.

– Но зачем? – удивился Скворец.

– Карта принадлежит Парану, и она ему еще понадобится.

– Для чего понадобится? – задал следующий вопрос командор.

– Нам противостоит не только Паннионский Провидец. Есть и другие враги. Потом вы в этом убедитесь.

– Лично мне эта карта не нужна, – сердито бросил ей Паран. – Лучше нарисуйте там вместо моего лица какое-нибудь другое. В мои жилы попала кровь Гончей Тени. Я – только помеха, слабое звено. Неужели вы до сих пор этого не поняли? Или мне Худа позвать в свидетели?

Поскрипывая доспехами, к ним подошел Каллор.

– Тебя, кажется, не звали на беседу.

– Меня никогда не приглашают, – криво усмехнулся Каллор. – Но почему-то очень часто я становлюсь предметом разговора.

– На этот раз ты ошибся.

Тусклые серые глаза бывшего Верховного Короля застыли на Быстром Бене.

– Ты, маг, – поработитель душ... Я же, наоборот, их освобождаю. Хочешь, я разорву все цепи внутри тебя? Это совсем просто, и ты станешь беспомощнее младенца.

– Еще проще сделать дыру в земле, – ответил ему Быстрый Бен.

И уже в следующий момент Каллор рухнул вниз, провалившись в яму. Земля посыпалась ему на голову. Лязг доспехов перемежался с яростной бранью.

Серебряная Лиса сдавленно вскрикнула и испуганно поглядела на чародея.

– Да, девочка, ты правильно угадала. Мне совершенно наплевать, кем был когда-то Каллор и кто он сейчас.

Скворец приблизился к краю ямы и заглянул вниз:

– Гляди-ка, он выбирается... и довольно проворно. Неплохо для такого древнего старца.

– Но я не настолько глуп, чтобы дожидаться, пока он вылезет, – торопливо произнес Быстрый Бен и растаял в воздухе.

Крючковатые пальцы Каллора царапали землю у края ямы. Он соскальзывал и карабкался снова, проклиная исчезнувшего мага и грозя ему страшными карами.

– Возвращайся к сжигателям мостов, капитан, – велел Парану Скворец. – Если все пойдет как надо, встретимся в Капастане.

– Есть, командор, – ответил Паран и на нетвердых ногах зашагал к лагерю.

– Думаю, и нам тоже нечего здесь делать, – сказала Серебряная Лиса, вопросительно взглянув на Скворца.

– Ты права, милая. Идем отсюда.

Ссутулившись в седле, Скворец смотрел, как солдаты армии Дуджека Однорукого покидали Крепь. День выдался жарким, и во влажном воздухе пахло грозой. Высоко в небе кружили кворлы черных морантов. Летающих тварей стало заметно меньше. Четыре дня назад Меченый вместе с Параном и сжигателями мостов улетели к Баргастовой гряде. Минувшей ночью еще восемь кворлов покинули окрестности города, держа путь к горам Видений на северо-западной границе Паннионского Домина.

Командор очень устал. Неутихающая боль в ноге не давала ему спать. Каждый день превращался в круговорот больших и малых забот: довольствие армии, места привалов, донесения от вестовых. Скворцу и самому не терпелось поскорее тронуться в путь, хотя о том, что ждало их впереди, лучше было не думать.

Рядом с ним застыл в седле Быстрый Бен, лошадь которого беспокойно перебирала ногами.

– Чует лошадка, что у хозяина на уме, вот и дергается, – заметил ему Скворец.

– Ага.

– Тебе не терпится поскорее распрощаться со мной, догнать Парана и сжигателей мостов. Убраться подальше и от Каллора, и от Серебряной Лисы.

При последних словах маг вздрогнул, затем вяло кивнул:

– Ты прав, командор. Как бы я ни скрывал этого, мне тяжело находиться рядом с нею. За то время, пока она здесь, девчонка выросла лет на пять, если не больше. Сегодня утром я видел Мхиби. Бедняжка заметно состарилась. Корлат и знахарки-рхиви делают все, что в их силах, но Серебряная Лиса упорно тянет из матери последние жизненные соки. Один Худ знает, в чем у этой рхиви еще душа держится... Да и начавшееся Слияние т'лан имассов, прямо скажем, не добавляет радости. А тут еще Аномандер Рейк. Ему, видите ли, захотелось хорошенько все обо мне разузнать.

– Он что, опять проверял тебя чарами?

– Пока нет. Но к чему будить в нем любопытство?

– Ты мне еще нужен здесь, – сказал Скворец. – Поедешь с моим штабом. От Сына Тьмы постараемся держаться как можно дальше. Да, кстати, как там капастанские наемники? Заглотнули твою наживку?

– Полагаю, они у нас на крючке.

– Ладно, подождем еще неделю. Если ничего непредвиденного не случится, дольше я тебя задерживать не буду.

– Договорились.

– А что же ты мне не расскажешь о своих прогулках? – хитро улыбнувшись, осведомился Скворец.

– О каких еще прогулках? – непонимающе уставился на него Быстрый Бен.

– Ну, ты же обошел в Крепи все храмы. Навестил всех провидцев и гадалок. Потратил кругленькую сумму на толкователей Колоды Драконов. Я даже слышал, что ты якобы совершил жертвоприношение на вершине кургана... Бедная коза. Худ тебя побери, Бен, что это за игры?

– Знал бы ты, как воняет козье мясо, когда оно горит. Меня едва не вырвало.

– И о чем же рассказали тебе духи кургана?

– Ни о чем. Их там вообще не оказалось.

Командор прищурился:

– Как не оказалось? Это же курган рхиви.

– Да. Один из немногих уцелевших. Его недавно... вычистили.

– Вычистили? В каком смысле?

– Ну, кто-то... удалил оттуда всех духов, уж не знаю, с какой целью. Прежде такого еще не бывало. Там вообще никого. Я прямо всю голову сломал: где они теперь?

– Ловко ты умеешь уходить в сторону, Быстрый Бен.

– Ну хорошо. Я пытался кое-что выяснить. Увы, безуспешно. Теперь это уже не имеет смысла: мы ведь уходим из Крепи. А на марше мои возможности сужаются. И я почему-то все время думаю об этих исчезнувших духах. Ведь куда-то же они подевались. Куда?

– Если вдруг докопаешься, обязательно дай мне знать.

– Непременно.

Скворец скрипнул зубами и больше не произнес ни слова.

«Я слишком давно тебя знаю, Быстрый Бен. Ты можешь болтать что угодно, но я-то вижу: ты натолкнулся на нечто такое, отчего шерсть у тебя встала дыбом и ты поджал хвост, словно испуганный горноста́й. И тут тебе никакая жертвенная коза не поможет!»

Почти десять тысяч солдат Дуджека Однорукого, опытных воинов, закаленных в битвах на Генабакисе, двигались на соединение с многочисленной армией Каладана Бруда. Бывшие противники, лишь недавно ставшие союзниками, они наконец-то выступили в поход на врага, которого никогда прежде не видели и о котором почти ничего не знали.

Глава шестая

Куда бы ни пошли они – за ними кровь идет по следу...
Хорал Тюм (р. 1134). Видение Кульбурата

Чтобы въехать в Сумеречные ворота Сольтана, требовалось вначале пересечь горбатый мост над каналом. Канал нуждался в солидной чистке, а мост – в ремонте. Его облицовка давно облупилась. В наилучшем состоянии находилась и сама каменная кладка. Скреплявший все известковый раствор успел давно раскрошиться, и из щелей между булыжниками торчали пучки травы. Сольтан был одним из старейших городов, возникших на равнине Видений. Когда-то он стоял на самом берегу реки Серп и богател за счет торговли (через него везли товары со всего Генабакиса). Как водится, весной Серп разливался, а затем послушно возвращался в свои берега. Но одна из весен выдалась на редкость дождливой, и после паводка река избрала для себя новое русло, отступив от города. Да, по ней все так же плыли корабли и лодки, однако теперь Сольтан не получал никаких выгод от торговли. Городские власти принялись спешно исправлять положение: специально вырыли Корселанский канал и четыре глубоких пруда, два из которых располагались на самом старом русле, вблизи причалов и таверн. Увы, особым успехом все эти усилия не увенчались. Золотые времена Сольтана миновали безвозвратно, и сейчас, спустя четыреста лет, город напоминал неряшливого старика, которому давным-давно уже наплевать, как он выглядит.

Ворчун и так пребывал отнюдь не в радужном расположении духа, а уж когда он спешился и подвел лошадь к мосту, лицо командира стражников стало еще более мрачным. Невысокие, но толстые городские стены были все в ржавых потеках. В воздухе отчетливо пахло дерьмом. На парапетах толкалось немало людей, но лишь в некоторых из них можно было признать солдат. В былые времена Сольтан решил тоже внести свою лепту в войну с малазанцами и отправил на подмогу Каладану Бруду гвардейский кавалерийский полк. Устроили торжественные проводы: гвардейцы уезжали на войну, как на парад. Однако в первом же бою полк был наголову разбит, а уцелевшие остатки Воевода за ненадобностью отправил обратно.

Ворчун обернулся. Хозяйская повозка въезжала на мост. Харло, бывший у них за кучера, помахал товарищу. Рядом с ним сидела Каменная и следила за дорогой. Судя по непрестанно движущимся губам, красавицу прорвало, и Харло был вынужден выслушивать очередной поток сетований и проклятий.

Сумеречные ворота никто не охранял. Массивные деревянные створки были распахнуты настежь, причем, скорее всего, уже давно. Если не считать фургона Керулия, никто не торопился ни въезжать в Сольтан, ни покидать его пределы. Ворчун еще раз огляделся и едва удержался, чтобы не плюнуть. Он остановился и дождался повозки.

– Мы как, проедем город без остановки? – спросила Каменная. – А забавные у них тут названия ворот: Сумеречные, Рассветные.

– Сольтан – не то место, где бы я советовал путникам останавливаться, – ответил Ворчун.

– Это мы с тобой в курсе. Но хозяину наш опыт ни к чему. Что толку давать человеку советы, если он все равно к ним не прислушивается?

Командир стражников в ответ лишь пожал плечами. Конечно же, Керулий слышал каждое их слово, и Каменная прекрасно об этом знала.

За воротами улица быстро сузилась и превратилась в темный переулок. Верхние этажи соседних домов нависали над мостовой, почти смыкаясь друг с другом. Ворчун опять ехал впереди. Из-под ног с истошным кудахтаньем разбегались тощие куры. Зато жирные крысы, пиروвавшие на отбросах сточных канав, и не думали ретироваться. Они лениво оглядывали проезжающих и тут же возобновляли трапезу.

- Так и бока повозки недолго ободрать, – заметил Харло.
- Нам бы только миновать Мордоворотный проезд, а там уже вздохнем спокойнее.
- Смотри, у них стены еще грязнее стали. Дотронуться страшно.

Ага, а вот и пресловутый Мордоворотный проезд. Бока многочисленных повозок успели прочертить в стенах его домов глубокие борозды. Щербатые булыжники были усеяны ломаными спицами, искореженными железками и прочим хламом. Люди, обитавшие в этой части Сольтана, наверное, уже рождались на свет мародерами. Каждая повозка, застрявшая в Мордоворотном проезде, считалась законной добычей и подвергалась немедленному разграблению. Любые попытки торговцев отстоять свое добро встречали вооруженное сопротивление. Лет шесть или семь тому назад у Ворчуна выдалась здесь веселенькая ночка. Тогда ему и другим стражникам пришлось устроить «кровопускание» и отправить в гости к Худу немало окрестных воришек и головорезов. Пока шло сражение, кто-то успел снять колеса и выломать оглобли. Лошади исчезли бесследно. Повозку выволакивали уже на деревянных катках, толкая руками.

Вспомнив о давних событиях, Ворчун поморщился. Он не жаждал повторения приключений.

Однако на сей раз все обошлось. Правда, в нескольких местах оси тревожно скрипнули да еще ступицы колес оставили на стенах свои отметины. Наконец, едва не сорвав чью-то веревку с мокрым бельем, фургон выехал из городского ущелья на широкую площадь, носившую название Комодной.

Возникла эта площадь случайно, никто ее специально не создавал. Так уж получилось, что сюда сходилась тринадцать городских улиц и переулков. Когда-то они вели к знаменитой таверне с постоялым двором, именовавшейся «Комод тетюшки Ву». Лет сто назад строение сгорело дотла. Пепелище расчистили, кое-как замостили – так и образовалась Комодная площадь.

– Сейчас надо будет свернуть на Склизкую улицу, – сказал Ворчун, поворачиваясь к товарищам.

- Без тебя помню, – огрызнулась Каменная. – Ну и вонища – как у Худа в заднице!

На площади повозка обрела непрошенных сопровождающих: около двух десятков уличных сорванцов. Они напоминали бескрылых стервятников, молча двигавшихся за потенциальной добычей. Чумазые, изъеденные оспой лица ребятишек были по-взрослому серьезными.

Ворчун по-прежнему ехал впереди. Склизкая улица находилась в восточном конце площади и была раза в три шире Мордоворотного проезда. Из закопченных окон высунулось несколько физиономий. Впереди дорога была пуста: ни повозок, ни пешеходов.

«Остановись!» – потребовал у Ворчуна внутренний голос. – Дальше ехать нельзя. Добром это не кончится».

- Эй, командир! – окликнул его Харло.
- Чего тебе? – не оборачиваясь, спросил Ворчун.
- Все пацаны вдруг разом куда-то слиняли. Странно.

– Ничего странного, – ответил Ворчун, доставая пару гадробийских сабель. – Заряжай арбалет, Харло.

- Уже зарядил.

«Знаю, парень, но пусть об этом слышат все вокруг».

В двадцати шагах, словно бы из ниоткуда, внезапно выросли трое. Ворчун прищурился. Он узнал высокую женщину, стоявшую посередине:

- Привет, Нектара. Вижу, ты расширила свою вотчину.

Женщина с несколькими шрамами на лице улыбнулась:

– Здравствуй, Ворчун. Не то чтобы расширила, но... О, я гляжу, и Харло тоже к нам пожаловал. Давненько, приятель, я тебя не видела. А это кто? Никак красавица Менакис по

прозвищу Каменная? И как всегда, чем-то недовольна. Хотя я очень рада тебя видеть и, как и прежде, готова бросить свое сердце к твоим ногам.

– Ну и очень напрасно, – протянула в ответ Каменная. – Поступь у меня тяжелая.

Улыбка Нектары стала еще шире.

– Знала бы ты, любовь моя, как трепещет мое бедное сердце всякий раз, когда я тебя вижу.

– Сколько с нас? – спросил Ворчун, останавливая лошадь в десяти шагах от Нектары и ее молчаливых телохранителей.

Выщипанные брови женщины удивленно изогнулись.

– На этот раз – нисколько. Здесь по-прежнему территория Гарно, но он пустил нас сюда. Мы тут, чтобы встретить вас и проводить до места.

– Чего-чего? Куда проводить?

Ставни в окошке повозки со скрипом приоткрылись. Ворчун невольно обернулся на звук. Оттуда высунулась рука и лениво поманила его. Командир стражников слез с лошади, подошел к окошку. Круглое лицо Керулия, как всегда, было бледным.

– Видишь ли, командир, нам предстоит встреча с... правителями города.

– Это что, с местным королем и его Советом? Вроде как мы не испрашивали у них аудиенции!

Хозяин негромко рассмеялся:

– Нет, друг мой. Я говорю о *настоящих* правителях Сольтана. Задействовав немалые деньги, путем сложных переговоров наконец-то удалось собрать вместе хозяев и хозяек всех территорий и районов города. Сегодня вечером мне предстоит выступить перед ними. Так что доверься сопровождающим. Уверяю тебя: оснований для беспокойства нет, все будет хорошо.

– Но почему вы раньше не сказали нам об этом?

– Я не был уверен в успехе переговоров. Тут все не так просто. Видишь ли, здешние правители... попросили меня о помощи. Мне предстоит... завоевать их доверие. Они должны убедиться в том, что я действительно надежный человек, который способен решить их проблемы.

«Вот как? Интересно, кто же ты такой на самом деле, Керулий?»

– Понимаю, хозяин. Вы, конечно, вправе верить этой шушере, однако лично я предпочитаю держать с ними ухо остро.

– Смотри сам и действуй по обстановке.

Ворчун вернулся к своей лошади и взял ее под уздцы.

– Веди нас, – коротко бросил он Нектаре.

Сольтан был городом с двумя сердцами: они качали кровь разных оттенков, но одинаково грязную и порочную. Упершись спиной в стену, Ворчун недовольно прищурился, разглядывая низкие потолочные балки таверны и всех, кто присутствовал сегодня в зале. А это было, без преувеличения, настоящее сборище воров, вымогателей и убийц, державших в кулаке всю округу.

Слева от командира стражников сидела Каменная. Как и Ворчун, она привалилась к стене. Нектара подтащила сюда круглый столик, на который водрузила свой кальян. Изуродованное лицо одной из хозяек Сольтана то скрывалось в густых клубках вязкого дыма, то вновь проступало.левой рукой Нектара держала мундштук кальяна, тогда как правая ее рука покоилась на ляжке стражницы.

Керулий стоял посередине зала, лицом к публике, сцепив короткие руки над простым поясом из серого шелка. Его черный шелковый плащ поблескивал, будто расплавленный обсидиан, а лысую голову плотно прикрывала довольно странная шапочка. Такие головные уборы давно уже не носили в Даруджистане, и увидеть их можно было лишь на старинных статуях и гобеленах.

Тихим, но хорошо поставленным голосом Керулий начал свою речь:

– Мне очень приятно присутствовать на встрече со столь значительными персонами. Каждый город имеет свои тайные покровы власти, и я считаю за честь, что один из таких покровов передо мной приподнялся. В то же время я понимаю: многим собравшимся здесь я кажусь сделанным из того же теста, что и их заклятые враги. Однако смею вас заверить: это вовсе не так. Вы обеспокоены тем, что Сольтан наводнили жрецы Паннионского Домина. Они талдычат о городах, недавно перешедших под власть приверженцев тамошнего Провидца и приверженцев его культа. Эти жрецы дурачат простой народ рассказами о торжестве закона, якобы в равной мере применяемого ко всем без исключения гражданам, о прописанных в нем правах и привилегиях, о благодатном наведении порядка вопреки местным традициям и обычаям. Паннионские жрецы сеют семена раздора и вносят разброд в души ваших подданных, что весьма опасно и не может не настораживать.

Главари преступников одобрительно загалдели. Ворчун старательно прятал презрительную улыбку. Смешно было смотреть, как эти люди, не знавшие иного «воспитания», кроме жестокого мира сольтанских улиц, изо всех сил старались подражать манерам высшей знати. Но затем происходившее рядом заставило командира стражников на время забыть и о Керулии, и о собравшихся в зале. Нектара развязала тесемки на облегающих кожаных штанах Каменной и правой рукой скользнула ей между ног. Лицо стражницы пылало, на губах трепетала слабая улыбка, а глаза были полузакрыты от наслаждения.

«Королева Грез, неужели эти видения ты посылаешь мне наяву?» – подумал Ворчун и потянулся за своей кружкой.

– Да перерезать всех этих скотов – и дело с концом! – взревела со своего места какая-то толстая, обвешанная драгоценностями хозяйка города. – Надо попросту вспарывать им животы и выпускать кишки. Другого способа нет.

– Истребляя жрецов, вы лишь окажете паннионскому культу неоценимую услугу, – вежливо осадил ее Керулий. – Убитых тут же объявят «мучениками за веру». Подобный способ борьбы обречен на провал, что и показывает опыт других городов. Жрецы Домина – куда более коварные и опасные враги, чем вы думаете. Они ведь не только распространяют свои верования. Они старательно сеют повсюду ложь. Их сладкие речи о законах и порядке не имеют ничего общего с действительностью. Империей правит тиран, проявляющий исключительную жестокость не только к чужакам, но и к своим подданным. Уверен, вы слышали рассказы о тенескариях – крестьянской армии Паннионского Провидца. Имейте в виду: это не досужие выдумки и не преувеличения. Обездоленные, голодные тенескарии не знают ничего, кроме слепой ярости и желания убивать всех без разбору. Все, что вам рассказывали, – это страшная правда: людоеды, насильники мертвых...

– Значит, и эти... так называемые дети мертвого семени тоже не вымысел? – раздался голос из зала. – Но как подобное вообще возможно? Болтают, будто женщины охотятся за только что убитыми солдатами, чьи трупы еще не успели остыть, и... совокупляются с ними, да?

Керулий мрачно кивнул:

– Среди юной поросли тенескариев и в самом деле встречаются дети мертвого семени. Тенескариям нужно пополнять свои ряды. – Помолчав, он продолжал: – Мне хочется, чтобы вы с предельной ясностью представляли себе все особенности устройства Паннионского Домина. Законы и привилегии, о которых не устают проповедовать жрецы, и впрямь существуют... прошу вас, не удивляйтесь, я не противоречу сам себе. Да, они есть, но имеют силу исключительно для жителей территорий, изначально входивших в империю. На всех остальных это не распространяется. Полноценным гражданином нельзя стать ни за деньги, ни за какие-либо особые заслуги. Следовательно, обитатели всех завоеванных городов и селений – это бесправные рабы, над которыми допустимо чинить любые зверства. И бесполезно молить о пощаде или вызывать к справедливости. Единственный выход, единственная возможность уцелеть – это

примкнуть в тенескариям, чтобы уже самому творить бесчинства над другими жертвами. Если вдруг Сольтан окажется под гнетом Паннионского Домина, горожане лишатся всего: жилищ, имущества, пищи и даже пресной воды. Они будут гибнуть десятками и сотнями. Уцелеет лишь жалкая горстка, которая неизбежно пополнит ряды крестьянской армии.

Керулий замолчал, проверяя, какое впечатление его слова произвели на слушателей. В зале воцарилась напряженная тишина.

– Мы должны вести эту войну оружием истины и всячески разоблачать ложь паннионских жрецов. Вашим людям привычнее держать в руках мечи и арбалеты, однако, как я уже говорил, прямое столкновение ничего не даст. Поэтому придется действовать умом и хитростью, создать разветвленную сеть бойцов, умелое распространяя слухи и добывая сведения о противнике. Друзья мои, излишне повторять, что во всем этом ваши люди не знают себе равных. Своей каждодневной, неустанной деятельностью вы должны заставить паннионских жрецов убраться из Сольтана. Внешне – никакого насилия. Но при этом сделать их жизнь настолько невыносимой, что они сами почтут за благо покинуть ваш город. Сила слов – великая сила.

– А с чего ты вообще взял, что это сработает? – довольно грубо спросил Керулия кто-то из главарей.

– Вы уж постарайтесь, чтобы сработало, ибо иного выхода у вас попросту нет, – невозмутимо ответил Керулий. – Если вы потерпите неудачу, Сольтан окажется в руках паннионцев.

Он продолжал говорить, но Ворчун его уже не слушал. Сидя с полужакрытыми глазами, командир стражников вспоминал свою первую встречу с хозяином. Керулий нанял их в Даруджистане не сам, а через посредника. Впервые Ворчун увидел его ранним утром в день отправления каравана, у Напастиных ворот. Керулий прибыл туда пешком и был одет точно так же, как и сейчас. Он вежливо поздоровался, задал несколько обычных вопросов и, как показалось Ворчуну, не очень-то и вслушивался в его ответы. Затем подкатила повозка. Возница уступил место Харло и Каменной. Керулий забрался внутрь, и они поехали. За весь этот долгий, утомительный путь хозяин лишь дважды удостоил его разговором.

«Раньше я думал, что он маг, но, видимо, ошибался: Керулий, скорее, жрец. Только вот какого именно бога? Такую одежду может носить кто угодно, и это уже повод призадуматься. Одно лишь ясно: платит он щедро и деньги у него не переводятся...»

Ворчун стал перебирать в памяти богов, мысленно прикидывая, кому из них может служить Керулий. Стражнику почему-то вспомнилось, что недавно в Гадробийском квартале Даруджистана освятили новый храм в честь Трича.

«Ну не странно ли? Кто, скажите на милость, в наше время вдруг станет поклоняться Тигру Лета?»

Главари преступников совещались между собой. До ушей Ворчуна долетали обрывки фраз. Вроде бы речь шла о каких-то убийствах. Керулий молчал, внимательно прислушиваясь к разговорам в зале.

Ворчун наклонился к Харло:

– Про что они там толкуют?

– Сам не до конца понял. Похоже, у них четыре ночи подряд происходили какие-то загадочные убийства. Я так думаю, что на самом деле ничего загадочного. Небось территорию не поделили. Нашелся какой-нибудь молодой да ранний, захотелось ему власти, ну он и попер напролом.

Ворчун только хмыкнул и снова привалился к стене, пытаясь не показать, что весь покрылся холодным потом.

«Они здорово нас обогнали. Еще бы, неслись как на крыльях. Но по сольтанским улицам им ни за что не проехать. Такая широченная и высоченная повозка, пожалуй, сразу застряла бы. Скорее всего, объехали город и остановились в Приблудке. А ведь это совсем рядом с Рассветными воротами... Неужели твои догадки подтвердились, дружище Бьюк?»

– Ну, что вы на меня уставились? – Каменная потянулась к кувшину и наполнила свою кружку. – Я сидела на этом собрании и просто со скуки подыхала. Нектара развлекла меня немножко, а разные потные волосатые рожи сразу начинают невесть что выдумывать. Все вы, мужики, свиньи!

– Просто как-то непривычно. До сих пор ты не выставляла себя напоказ, – заметил ей Ворчун.

– А разве кто-то заставлял вас смотреть? Если бы я сидела с младенцем на коленях и кормила его грудью, вы бы тоже пялились?

– На такое я бы, пожалуй, с удовольствием поглазела, – признался Харло.

– А то, можно подумать, ты сисек никогда не видел!

– Ты меня не поняла, дражайшая подруга. Дело не в твоих сиськах, хотя и они немало уладили бы мой взор. Но ты... с младенцем на коленях! Ха! Могу себе представить: наша Каменная с ребеночком!

Женщина оскалила зубы, однако ничего не сказала.

Разговор происходил в одной из задних комнатенок таверны. Все трое сидели за столом, завершая ужин.

– Все идет к тому, – зевая, проговорил Ворчун, – что эта встреча растянется на целую ночь. Нашему-то хозяину что! Заберется в повозку и знай будет себе дрыхнуть. А нам с утра клевать носом никак нельзя. Вот что, наверху есть комнаты с почти чистым бельем. Предлагаю не засиживаться здесь, а пойти лечь и выспаться.

– Дражайшая Каменная, не желаешь ли разделить со мной ложе? – предложил Харло. – Вдвоем теплее.

– Нет уж, чурбан неотесанный, я лучше лягу одна и хорошенько запру дверь.

– Не удивлюсь, если Нектара знает условный стук.

– Перестань меня подкусывать, иначе быстро зубы пересчитаю.

– Значит, тебе можно веселиться, а мне нельзя?

Каменная ухмыльнулась:

– Ну, ты сравнил. Да у меня перед тобой, дворняжка беспородная, масса преимуществ: происхождение, манеры...

– И еще, небось, образование, да?

– Разумеется.

В этот момент дверь открылась и в комнатку вошел Керулий.

– Ну как, хозяин? – спросил его Ворчун. – Вам удалось убедить местных воров, бандитов и жуликов?

– Более или менее, – ответил Керулий, наливая себе вина. – Война – такое дело, что приходится сражаться на нескольких фронтах одновременно. А эта кампания, боюсь, затянется надолго.

– Именно по этой причине мы и едем в Капастан?

Керулий мельком взглянул на собеседника и тут же отвел глаза.

– Не только. Там меня ждут и другие дела. В Сольтан мы заехали случайно. В общем раскладе моих действий этот город не значился.

Ворчун хотел было спросить, что же это за расклад такой, но не стал. Он уже начинал жалеть, что вообще связался с этим типом, и подозревал, что какой бы ответ ни получил, будет только хуже.

«Что толку расспрашивать тебя, Керулий? Ты умеешь хранить свои тайны».

Под арочной кладкой Рассветных ворот было темно и сыро, как в склепе. Впереди сквозь золотистую утреннюю дымку виднелись лачуги Приблудка. Ворчун выехал на освещенное солнцем пространство и пустил лошадь легким галопом. Харло и Каменная покинули город еще до рассвета. За это время они успели проехать никак не меньше двух лиг.

Причина, заставившая Ворчуна остаться в Сольтане, была довольно проста. Он хорошо знал местное отребье. Одна половина наводчиков паслась у Рассветных ворот, высматривая караваны, отправлявшиеся на восток, а другая стерегла Сумеречные, через которые выезжали те, кто держал путь в сторону Даруджистана. Похоже, головорезы, заправлявшие в Сольтане, и впрямь разрешили беспрепятственно выпустить повозку Керулия из города. Однако Ворчун не спешил верить местному вору на слово и потому проторчал в Сольтане еще несколько часов, что оказалось для него сущей пыткой. Ночью, лежа на «почти чистом белье», он так и не сомкнул глаз, ожидая какого-нибудь подвоха. Вдобавок постель наградила его блохами. Нескольких он сумел поймать и раздавить, но остальные продолжали кусаться и сейчас.

Возле Приблудка Ворчун пустил лошадь галопом, дабы вырваться из облака назойливых мух. Но отвязаться от тощих полудиких псов ему не удалось. Они так и прыгали вокруг лошади, норовя цапнуть ее за ноги.

За лачужным поселением простиралась покрытая небольшими холмами равнина Видений. Слева на горизонте темнела далекая Баргастова гряда. Справа тянулся поросший травой каменный вал, предохранявший дорогу от разлива реки, а за ним начинались камыши болотистой речной поймы.

Последняя собака, охрипнув от лая, повернула обратно. Ворчун слегка осадил лошадь. Теперь можно было не торопиться. Вскоре дорожные булыжники окончательно исчезнут, каменный вал сойдет на нет, а песчаная дорога запетляет среди громадных муравейников, выбеленного речного сушняка и кустиков желтой травы. Каждую весну река Серп разливалась и сглаживала дорожные колеи. Зато речная гладь служила надежным ориентиром, и заблудиться в этих местах было в принципе невозможно.

Ворчун успел отъехать от Приблудка не больше чем на лигу, когда заметил валявшиеся по обеим сторонам дороги трупы. Оглядевшись по сторонам, командир стражников сразу оценил сметку налетчиков. Глубокое пересохшее русло речной старицы было идеальным местом для засады. Выскочив оттуда, они мгновенно окружили повозку. Но поживиться добычей разбойникам не удалось: явно получили достойный отпор. Когда это случилось? Скорее всего, дня два или три тому назад. На знойном солнце трупы почернели и начали разлагаться. Это Ворчуна не удивило. Станным выглядело другое: мечи, наконечники копий, пряжки и вообще все металлические предметы... расплавились. И в то же время неведомый жар пощадил одежду, обувь и кожаные ремни. На сапогах Ворчун заметил искореженные остатки шпор. Стало быть, налетчики явились сюда на лошадях. Он еще раз огляделся. Странно: ни конских трупов, ни следов живых животных нигде не было.

Командир стражников спешил. На дороге виднелись следы колес фургона Керулия. Они перекрещивались со следами другой повозки. Та была гораздо крупнее. Неужели Бошелен?

Зажимая нос, Ворчун нагибался над телами убитых налетчиков. Нигде ни одной раны, даже самой пустяковой.

«Вряд ли Бьюку понадобилось вытаскивать свой меч».

Ворчун забрался в седло и продолжил путь. Проехав еще с пол-лиги, он заметил впереди повозку Керулия и вскоре нагнал товарищей.

– Неплохой сегодня выдался денек, – приветствовал его Харло.

– Да уж. Ни облачка. А Каменная где?

– Выпрягла лошадку и поехала вперед – разнюхать, что к чему. Вскоре должна вернуться.

– Опять ее любопытство заело?

– Сказала, что хочет выбрать место для привала... Да вон она, легка на помине.

– Что за глупая затея? – сердито спросил Ворчун, когда женщина поравнялась с ним.

– Если хочешь знать, вся эта поездка – сплошная глупость. А прогулялась я не напрасно.

Нашла близ обочины неплохое местечко для привала. Жаль только, что оно уже занято. Там

обосновались трое баргастов... Знаю, о чем ты хочешь спросить. Нет, это не они уколошили тех разбойников. Меня сейчас другое волнует. Капастан вот-вот окажется в осаде. В город мы вряд ли попадем. Если нам повезет, паннионская армия к тому времени облепит стены, и мы сумеем беспрепятственно убраться восвояси. Если же нет, то угодим прямехонько в лапы к тенесяриям. Вот уж они позабавятся.

Ворчун заметно помрачнел:

– Ты говорила с баргастами? Куда они направляются?

– Сказали, якобы спустились с гор. Самое забавное, что им тоже нужно в Капастан. Только не спрашивай меня зачем. Кто же поймет этих баргастов? У них ведь мозги величиной с орех. Ворчун, нам надо поговорить с хозяином.

Дверца повозки отворилась, и оттуда вышел Керулий.

– У меня прекрасный слух, Каменная. Значит, трое баргастов, говоришь? Из какого клана?

– Белолицы, наверное. Во всяком случае, их физиономии вымазаны белым.

– Нужно позвать их в попутчики, – решил Керулий.

– Но, хозяин... – попытался было возразить Ворчун, однако Керулий перебил его:

– Я уверен, что мы попадем в Капастан раньше, чем начнется осада. Насколько мне известно, септарх, командующий этой армией, привык тщательно готовиться к любым атакам. Как только я окажусь в Капастане, ваши обязательства передо мной будут считаться выполненными, и вы сможете немедленно возвратиться в Даруджистан. – Темные, непроницаемые глаза жреца задержались на Ворчуне. – Мне говорили, что за вами не водится привычки нарушать условия контракта, иначе я бы вас и не нанял.

– Хозяин, нам несвойственно сбегать, не доехав до места. Но обсудить возможный расклад событий будет не лишним. Что, если паннионские войска осадят Капастан еще до нашего приезда?

– Не волнуйся, командир. Ни тебе, ни твоим товарищам не придется понапрасну рисковать жизнью. Вполне достаточно, если мы остановимся на безопасно близком расстоянии от врага. А дальше я сумею пробраться в город. К тому же в одиночку сделать это будет проще.

– Вы собрались прорваться сквозь паннионские войска? Но это же верная смерть.

– Ничего, у меня для подобной вылазки достаточно опыта и навыков, – улыбнулся Керулий.

«Ох и темная ты лошадка!» – подумал Ворчун. Но вслух сказал:

– Хорошо, хозяин, вам виднее. Но с чего вы вдруг надумали взять в попутчики баргастов? Неужели считаете, будто им можно доверять?

– Разумеется, нет. А потому пусть уж лучше будут у нас на виду. Согласен, командир?

– Да, в этом есть резон.

Ворчун поглядел на Харло и Каменную и медленно кивнул.

Харло ответил смиренной улыбкой. Зато Каменная, как всегда, разразилась целой тирадой.

– Это же полный бред! – воскликнула она, энергично жестикулируя. – Ну ладно, вперед, доблестные рыцари! Вкатимся прямо в пасть к дракону! Почему бы и нет? – Она резко развернула лошадь. – Чего уж мелочиться – может, покидаем кости вместе с баргастами, а?

И, резко рванув с места, Каменная поскакала прочь. Ворчун посмотрел ей вслед и скрипел.

– Не женщина, а просто сокровище, – причмокнул губами Харло.

– А ты, никак, и впрямь здорово втюрился, – заметил Ворчун.

– Когда женщина недосыгаема, друг мой, это делает ее лишь желаннее. Целыми днями я шепчу слова восхищения, но не получаю даже намека на взаимность. А вчера я представил, как лежу между нею и Нектарой и обнимаю их обеих.

– Довольно, Харло. У меня голова болит от твоих фантазий.

– Надо же, как солнце печет, – сказал Керулий. – Вернусь-ка я лучше обратно в повозку.

Баргасты явно были родичами: двое юношей и молодая женщина, немного постарше, – скорее всего, сестра и братья. Выкрашенные белой краской лица походили на черепа. На плечи спадали вымазанные красной охрой косицы, в которые были вплетены костяные амулеты. Все трое были облачены в кольчуги из просверленных монет, в основном медных, но попадались и серебряные. Многие из них были довольно старыми и незнакомыми Ворчуну: небось пустили в дело какой-нибудь древний клад. Вооружились баргасты, что называется, до зубов. Чего у них только не было: связки копий, метательные топоры и боевые топоры с длинными рукоятками, отделанными медью, кривые мечи и внушительное количество ножей и кинжалов.

Все трое стояли возле небольшой ямы для костров, окаймленной бортиком. Каменная остановилась по другую сторону очага, оставаясь сидеть на лошади. Костер уже почти догорел. Горка обглоданных костей говорила о том, что баргасты недавно поели.

– Наш хозяин предлагает вам дальше путешествовать вместе, – сказал Ворчун, обращаясь к баргастке. – Вы согласны?

Темные глаза женщины скользнули по повозке и восседавшему на козлах Харло.

– Немногие сейчас отваживаются ехать в Капастан, – ответила она. – Дорога стала... опасной.

– Опасной? – переспросил Ворчун, морща лоб. – Значит, паннионцы уже переправились через Серп?

– Об этом мы не слышали. Я говорю про другое. На равнине появились демоны. Нас послали разузнать, что к чему.

«Демоны? Худ тебя побери, только их нам еще не хватало».

– Когда вы узнали про этих демонов?

– Месяца два назад. Может, чуть больше.

Командир стражников медленно слез с лошади.

– Будем надеяться, что все это – досужие рассказы, сказки.

Баргастка вдруг ухмыльнулась:

– А мы не считаем это сказками... Я – Хетана, а это двое моих растяпистых братьев: Кафал и Неток. Неток недавно прошел Ночь смерти. У него это первая охота.

Ворчун взглянул на здорового юношу, которому явно было некуда девать силу.

– Вижу, ему не терпится сразиться с достойным противником.

– А у тебя, наверное, очень зоркие глаза, – одобительно кивнула Хетана.

«Боги милосердные, еще одна женщина, не понимающая шуток».

Каменная шумно выпрыгнула из седла, подняв облачко пыли.

– Должна тебя предупредить, Хетана: наш командир обожает шутить. Так что смотри не вляпайся случайно в его шуточки. Вони не меньше, чем от навозной кучи. Правда, может, я ошибаюсь и тебе это даже понравится.

– Мне нравится убивать и объезжать мужчин – даже не знаю, что больше, – уже без всякой улыбки промолвила Хетана, скрестив на груди мускулистые руки.

Харло тоже спрыгнул на землю. Подойдя к баргастке, он одарил ее лучезарной улыбкой и представился:

– Меня зовут Харло. Очень рад с тобой познакомиться, Хетана.

– Этого можешь убить, когда захочешь, – добавила Каменная.

Братья Хетаны вполне соответствовали нелестным отзывам своей сестры. Они в основном предпочитали отмалчиваться; когда же их о чем-то спрашивали, то отвечали односложно, поскольку были, судя по всему, непроходимо тупыми.

Вечером, под звездным небом, в яме снова разожгли костер, и все расселись вокруг. Ворчун от души забавлялся, наблюдая за тем, как Харло пытается ухаживать за баргасткой.

Керулий целый день не высовывал носа из повозки и вышел уже почти ночью, когда у костра оставались лишь Ворчун и Хетана. Якобы захотел выпить кружку травяного отвара, однако нетрудно было догадаться, что это лишь предлог: на самом деле хозяин решил расспросить баргастку без лишних свидетелей.

– А что у вас рассказывают про этих демонов? – как бы невзначай поинтересовался Керулий, прихлебывая успевший уже остыть напиток. – Как они хоть выглядят?

Хетана наклонилась и по баргастским обычаям плюнула в огонь.

– Бегают на двух ногах. Очень быстро бегают. Но на ногах у них не пальцы, а когти, как у орлов, только гораздо длиннее. Руки – клинки...

– Клинки? Это как? – удивился Керулий.

– Вместо рук у них мечи. Из железа кровавой закалки. Глаза словно бездонные ямы. От этих демонов исходит зловоние, как от сосудов в темном круге. И еще они... передвигаются совершенно бесшумно, не издают ни звука.

«Сосуды в темном круге? Да это же... погребальные сосуды внутри кургана. Стало быть, от демонов пахнет смертью... Руки-мечи. Это еще что за загадка? Железо кровавой закалки? Ну да, у баргастских шаманов есть такой обычай: закалывать свое оружие, опуская его в холодную кровь. Тогда оружие и тот, кто им владеет, приобретают неразрывную связь. Можно сказать, сливаются воедино».

– А кто-нибудь из вашего клана видел хоть одного демона? – поинтересовался Ворчун.

– Нет, демоны к нам в горы не поднимаются. Они остаются на равнинах.

– Тогда кто же распространяет эти сказки?

– Это не сказки. Наши шаманы видели демонов в своих снах. И духи предков тоже предостерегали нас. Клан Белолицых готовится к войне, и нашего отца избрали боевым вождем. Но отец хочет заранее узнать врага, а потому послал нас на равнину, чтобы хорошенько все выяснить про демонов.

Поглядывая на угасающие угли, Ворчун размышлял над словами баргастки.

– Значит, ваш отец готов повести клан Белолицых на юг? Но если Капастан подвергнется осаде, то все земли вокруг станут небезопасными. Вам придется ждать, пока паннионцы не уберутся оттуда или не захватят город.

– Отец не собирается вести клан на юг, – ответила Хетана и снова плюнула в огонь. – Через какое-то время война с паннионцами сама придет к нам. Так шаманы прочитали по костям бхедеринов. И этой войны не избежать.

– А если демоны – это передовые отряды паннионцев? – осторожно предположил Керулий.

– Тогда как только они появятся вблизи наших гор, мы поймем, что настало время войны.

– Вы ведь любите сражаться, правда? – спросил Ворчун.

– Да, я люблю убивать. Но сейчас я не прочь объездить тебя.

«Объездить? Скорее уж, голубушка, измочалить до потери сознания. Ну да ладно...» – решил он. А вслух галантно произнес:

– Какой мужчина устоит перед таким завлекательным предложением!

Хетана встала, прижимая к себе подстилку:

– Идем со мной, да побыстрее.

Ворчун медленно поднялся:

– Наверное, ты уже успела заметить, что я никогда не спешу.

– Завтра ночью я объезжу твоего друга.

– Наверняка он спит и видит это.

Хетана с серьезным видом кивнула:

– У него большие руки.

– Да.

- У тебя тоже.
- А я думал, Хетана, что ты торопишься.
- Тороплюсь. Пошли.

День тянулся медленно, и столь же медленно приближалась к путникам Баргастова гряда. Если вдали на горизонте она казалась настоящим горным хребтом, то теперь превратилась в цепь горбатых выветренных холмов. Многие из них, стоявшие вдоль дороги на Капастан, считались у баргастов священными. Их вершины венчали перевернутые древесные стволы, помогавшие «держатъ духов на привязи». Такое объяснение услышал Ворчун от Хетаны. Он шагнул рядом с женщиной, ведя лошадь под уздцы. Верования и обряды никогда особо не интересовали командира стражников, но деревья, торчавшие высохшими корнями вверх, пробудили в нем неподдельное любопытство.

– Души смертных дикие и необузданные, – объясняла Хетана, плевком подкрепляя каждое свое слово. – Их нужно пригвоздить к одному месту, а то будут потом шататься где попало. Сам понимаешь: дубы здесь не растут. Баргасты приволокли их с севера. Наши шаманы наполнили дубовые стволы особой магией. Когда дерево втыкают кроной вниз, оно надежно удерживает строптивцев. Духи предков тоже слетаются в такие места, чтобы их охранять. Вообще-то, есть и другие ловушки, расставленные по краям темного круга. Но случается, души все же сбегают: попадают в древесные капканы, однако способны ходить по земле. Тех, кто возвращается к соплеменникам, быстро уничтожают, так что они научились держаться подальше – оставаться здесь, на равнинах. Часто погребенные сохраняют верность своему клану и посылают сны нашим шаманам, чтобы предупредить о грядущих бедах.

- Что-то я не понял: что это за капканы такие, в которых можно ходить по земле?
- Не знаю, как объяснить. Может, сам увидишь, – ответила Хетана, пожимая плечами.
- Так это узники древесных капканов послали вашим шаманам предупреждение о демонах?

– Да. Но не только они: нас предостерегали еще и другие духи, свободные.

«Понятно. Дополнительное подтверждение, чтобы уж точно не сомневались», – усмехнулся про себя Ворчун. Он обвел глазами голую равнину, пытаясь угадать, какие неожиданности могут встретиться им в ближайшее время.

Каменная выпрыгла из повозки одну из лошадей и ехала впереди. В какой-то момент Ворчун потерял ее из виду, поскольку дорога заворачивала за круглый, похожий на валун, холм. У этой женщины была отвратительная привычка не слушаться его приказов: Ворчун ведь требовал, чтобы она постоянно находилась в поле зрения. Братья Хетаны шли вровень с фургоном. Иногда они шагали совсем рядом, а иногда – если местность позволяла – отходили на значительное расстояние. Кафал трусил слева, передвигаясь по каменистым склонам. Неток двигался вдоль песчаного берега реки. Юного баргаста окружали тучи мошкеры. С каждым шагом эти тучи разрастались и... таяли. Баргасты привыкли намазывать свои тела густым слоем жира. На жаре он быстро становился прогорклым и отвратительно вонял. Ворчун только ухмылялся, представляя себе отчаяние бедных насекомых: чуют добычу, вьются вокруг, но ужалить никак не могут.

Естественно, Хетана тоже была вся намазана жиром, что создало минувшей ночью... скажем так, некоторые неудобства. Однако недостаток страстности со стороны Ворчуна баргастка с лихвой восполнила собственным любовным огнем. Тело командира стражников покрывали многочисленные царапины и укусы.

Его воспоминания оборвал резкий крик Нетока. В то же мгновение из-за холма вновь появилась Каменная. Она возвращалась медленной рысью, и это слегка успокоило Ворчуна, хотя он сразу догадался, что и она, и баргаст встревожены каким-то зрелищем. Кафал почему-то припал к земле. Его внимание было поглощено дорогой, но оружия он пока не обнажил.

Подъехала Каменная. Сейчас выражение лица стражницы вполне отвечало ее прозвищу.

– Я наткнулась на повозку Бошелена. Она... в общем, это надо видеть. Похоже, там была стычка, та еще заварушка. Все всмятку.

– Есть хоть кто-то живой?

– Только волы.

– Постой. Они же ехали на лошадях.

– Значит, где-то их сменили. Волы в порядке, щиплют траву. Между прочим, трупов тоже нет, ни одного.

Хетана дождалась, пока Кафал на холме повернет голову в ее сторону. Баргастка сделала несколько условных жестов, после чего ее брат выхватил копье и побежал вперед, скрывшись из виду.

– Приготовить оружие, – привычно скомандовал Ворчун. – Идем туда.

– Мне остаться здесь? – спросил Харло. – Прикрывать тылы?

– Нет.

За холмом дорога вновь расширилась. Впереди, менее чем в полусотне шагов, валялась опрокинутая набок громадная повозка Бошелена и Корбала Броша. Передние колеса были вырваны вместе с осью, и их обломки виднелись в траве. Чуть в стороне, в нескольких шагах оттуда, мирно паслись волы. Трава вокруг фургона была сожжена почти дотла. В воздухе пахло магией. Нанесенный неведомо кем удар разворотил соседний курган. Воткнутый туда древесный ствол обуглился, словно бы в него ударила молния. Сейчас к вспоротой гробнице, из которой все еще поднималась струйка дыма, осторожно приближался Кафал. В левой руке он сжимал копье, а правой чертил охранительные знаки.

Со стороны берега, размахивая двуручным топором, примчался Неток и встал рядом с сестрой.

– Он выскользнул, – пробурчал младший братец, буравя своими глазками окрестности.

– Но держится поблизости, – ответила Хетана. – Ступай на подмогу Кафалу.

Неток послушно понесся к развороченному кургану.

– Если я правильно понял... отсюда вырвался какой-то дух или призрак, да? – осведомился Ворчун, подходя к Хетане.

– Угу.

Баргастка выхватила кривой меч и направилась к опрокинутой повозке. Командир стражников двинулся следом. Каменная заняла позицию за фургоном Керулия, чтобы в случае чего прикрыть его с тыла.

В боковой стенке повозки зияла большущая рваная дыра. Возможно, ее прорубили мечом, однако Ворчун не представлял, каких размеров тогда должно быть лезвие у такого меча. Он вскарабкался на верх повозки и заглянул в дыру, заранее зная, что увидит там нечто жуткое.

Внутри экипаж был пуст. Изрезанная кожаная обивка свисала ключьями. Нападавшие не пощадили ни дорогой мебели, ни иных предметов убранства. Два увесистых сундука, некогда прибитые к полу, были оторваны вместе с досками, а их крышки – откинута.

– Худ меня побери, – прошептал Ворчун, ощущая, как во рту у него мгновенно пересохло.

В одном сундуке хранились каменные таблички с причудливо вырезанными на них магическими символами. Но не они потрясли командира стражников. Даже при беглом взгляде на содержимое второго сундука беднягу чуть не вытошнило. Там лежали... окровавленные, осклизлые внутренности. Печень, легкие, кишки, сердца, сшитые вместе. Из всего этого, словно из игрушечных кубиков, было составлено подобие человеческой фигуры. Правда, обычному человеку это страшилище едва бы достало до колен, если бы, конечно, вдруг поднялось на своих конечностях, больше напоминавших щупальца осьминога. В сумраке Ворчун разглядел и безглазое «лицо» этой страшной куклы, лишенной, насколько он мог судить, какого-

либо подобия мозга. Из тела монстра до сих пор еще продолжала сочиться кровь, жидкая и водянистая.

«Некромантия, но не демонического толка. Ремесло тех, кто забавляется жизнью и смертью, считая себя всемогущим. Эти внутренности... они же взяты у живых людей, убитых безумцем. Ох, старина Бьюк, и угораздило же тебя связаться с парочкой мерзавцев!»

– Ну что, есть там кто внутри? – крикнула снизу Хетана.

Ворчун покачал головой:

– Все разгромлено, но пусто.

– Эй, Ворчун! – подал голос с козел Харло. – Глянь-ка вперед! Сюда кто-то приближается!

К ним ехали четверо: двое некромантов в черных одеждах и кожаных плащах, низенький и кривоногий старик в ливрее слуги и стражник в доспехах, высокий и тощий.

«Стало быть, все живы. Но кто-то на них напал и здорово отделал».

– Это они.

– Ты их знаешь? – удивилась Хетана.

– Да, но только одного хорошо. Стражника – вон того, высокого и седого.

– Не нравятся мне эти люди, – заявила баргастка, поудобнее берясь за рукоятку меча.

– Держись от них подальше, – посоветовал ей Ворчун. – И братьев тоже предупреди, если не хочешь, чтобы с вас шкуру спустили. Я говорю про тех двоих, в плащах. Этого... с бородкой клинышком... зовут Бошелен. А второго – Корбал Брош.

Кафал и Неток вернулись к сестре. Старший брат был мрачнее тучи.

– Его забрали вчера, – сказал он. – Охранные чары снимали. Медленно. Еще до того, как курган вздыбили.

Ворчун, продолжавший пока стоять на опрокинутой повозке, шурился от солнца, разглядывая приближающуюся четверку. Бьюк и Эмансипор Риз едва волочили ноги. А вот у обоих магов вид был такой, как будто они возвращались с прогулки. Тем не менее оба были вооружены: держали в руках боевые цельнометаллические арбалеты, взведенные и заряженные. В квадратных колчанах у пояса оставалось лишь по несколько стрел.

Ворчун слез с повозки и пошел им навстречу.

– Рад нашей новой встрече, командир, – слегка улыбнувшись, произнес Бошелен. – Ваше счастье, что мы ехали впереди и приняли удар на себя. Вообще же после Сольтана наше путешествие стало слишком беспокойным.

– Я так и подумал, господин Бошелен, – ответил Ворчун, всматриваясь в Бьюка.

Тот заметно постарел, как будто со времени их последней встречи прошло лет десять, не меньше, и упорно отводил взгляд.

– Как вижу, свита твоего хозяина успела пополниться, – заметил Бошелен. – Баргасты, да? Самое удивительное, что представителей этой расы можно встретить также и на других континентах. И везде они называют себя одинаково и следуют идентичным обычаям. Интересно, какие пласты их истории погребены в глубине веков и что нынешние невежественные баргасты сумели унаследовать от своих предков?

– Когда говорят «погребены в глубине веков», то обычно употребляют это выражение в переносном смысле. А вы, похоже, истолковали его буквально, – заметил Ворчун.

Бошелен в ответ игриво пожал плечами:

– Увы, меня одолело любопытство. Мы не могли пройти мимо, упустить подвернувшийся шанс. Не в наших правилах игнорировать возможности. Но нас ожидало разочарование. Дух, которого мы выпустили наружу, принадлежал достаточно опытному и сильному шаману. Однако он не поведал нам ничего нового. Баргасты – древняя раса, и когда-то их было значительно больше. Кстати, они умели не только перемещаться по суше, но и владели искусством мореплавания. – Серые глаза Бошелена вперились в Хетану. Тонкие брови его слегка изогну-

лись. – И причина деградации вовсе не в том, что жестокие условия жизни отбросили баргастов назад, с высот цивилизации к дикости. Просто... вечный застой. Их система верований, основанная на поклонении предкам, – худший враг любого прогресса. Во всяком случае, так я могу заключить, изучая доступные мне свидетельства.

Хетана тихо зарычала.

– Что вы сделали с духом нашего сородича? – срывающимся от ярости голосом спросил Кафал.

– Почти ничего, воин. Он сам разорвал внутренние путы, но угодил в одну из шаманских ловушек. Думаю, ты понимаешь, о чем я говорю: ваши заклинатели костей сооружают какие-то безделушки из прутиков, лоскутков и бечевы. Они верят, что помогают духам, предлагая тем жалкие куклы, похожие на тела. Ну и понятия у вас о сострадании! В лучшем случае это заблуждение.

– Настоящая плоть – вот достойноеместилище, – тихим писклявым голосом добавил Корбал Брош.

Бошелен улыбнулся:

– Мой спутник искусен в подобных... делах, но меня они почти не занимают.

– Что здесь произошло? – осведомился Ворчун.

– Ясно что, – огрызнулась Хетана. – Сперва эти наглецы влезли в темный круг. Потом на них напал демон. Мы с братьями как раз на такого охотились. Они сумели убежать, а то бы демон их сцапал.

– Не совсем так, красавица, – снисходительно усмехнулся Бошелен. – Прежде всего, нас атаковал не демон. Уж можешь мне поверить: с демонами я знаком очень хорошо. Но нападение было внезапным и жестоким. В чем вы имеете возможность убедиться собственными глазами. А случилось это, когда мы возились с курганом. Если бы Бьюк вовремя не подал сигнал тревоги, боюсь, нас осталось бы вдвое меньше.

– Но кто же тогда на вас напал, если не демон? – поинтересовался Ворчун.

– Непростой вопрос, командир. Видимо, кто-то из бессмертных. Хотя правильнее называть подобные существа нежитью. Их повелитель находится далеко отсюда, а сами они обладают почти несокрушимым могуществом. Мы были вынуждены призвать на помощь целый сонм своих служителей. Они погнались за противником, однако безуспешно. Мало того, вскоре появились еще два немертвых охотника. Многие верные наши слуги погибли в бою с ними, однако нападавшие в конце концов отступили. Но я подозреваю, что это лишь временная передышка. Они обязательно предпримут новую атаку, и, если их окажется больше, всех нас ждут тяжкие испытания.

– Я должен переговорить с хозяином, – сказал Ворчун.

Бошелен чуть склонил голову набок:

– Обязательно переговори. А мы пока пойдем и посмотрим, что осталось от нашей бедной повозки.

Ворчун взял Хетану за руку и повел туда, где возле фургона Керулия их ждали Харло и Каменная. Братья баргастки побрели следом.

– Они поработили дух нашего сородича, – прошипела Хетана, разъяренно сверкая глазами. – Я убью их! Всех поубиваю!

– И сама погибнешь, едва успев сделать шаг, – резко возразил Ворчун. – Хетана, это же чародеи. И не простые колдуны, а некроманты – гадатели на мертвечине. Корбал практикует искусство создания нежити, а Бошелен умеет вызывать демонов. Они – две стороны монеты, и на каждой нарисовано по черепу. Это Худом проклятые, злобные... и смертельно опасные маги. Понимаешь? Даже и в мыслях не держи напасть на них.

– Нам с ними ни в коем случае нельзя ссориться, друзья мои, – слышался из повозки голос Керулия. – Боюсь, нам скоро понадобится помощь этой жуткой парочки, ибо они поведают внушительными силами.

Ворчун покосился на повозку. Ставни приоткрылись ровно настолько, чтобы образовалась тоненькая щель.

– Хозяин, так вы знаете, кто эти немертвые охотники?

Керулий ответил не сразу:

– У меня есть кое-какие догадки на сей счет. Сила этих охотников подобна паутине. Они опутывают ею громадные пространства. Кто бы и где бы ни задел эту паутину, им тут же становится обо всем известно. Мы не сумеем проскользнуть незамеченными.

– Так давайте повернем назад, пока еще есть время, – предложила Каменная.

– Увы, слишком поздно, – ответил Керулий. – Немертвые охотники – служители Паннионского Провидца. Они идут откуда-то с юга, откликнувшись на его призыв. Армия нежити уже совсем близко от Сольтана. Мне думается, ее воинов сейчас намного больше у нас за спиной, чем впереди.

«Утешительная новость, хозяин!» – язвительно подумал Ворчун.

А Керулий продолжил:

– Мы просто вынуждены заключить временный союз с этими некромантами. Так уж вышло, что нам по пути. Они ведь тоже направляются в Капастан.

– Похоже, что так, – согласился командир стражников.

– Если оставить в стороне некоторые их... изъяны, то в остальном они вполне трезво-мыслящие люди.

– Мы вместе с ними не пойдем, – заявила Хетана.

– Вряд ли у нас есть выбор, – вздохнул Ворчун. – Это касается также тебя и твоих братьев. Вам что, не терпится напороться на кого-нибудь из нежити? И зачем? Чтобы вас разорвали на кусочки?

– Думаешь, мы явились сюда неподготовленными? Да ничего подобного. Мы провели обряд в каменном круге. Шаманы всех кланов плясали, передавая нам свою силу. Очень долго мы там простояли.

– Три дня и три ночи, – буркнул Кафал.

«Неудивительно, что она вчера так меня искушала и исцарапала!»

– Однако этого может оказаться недостаточно, – возразил Керулий, – если вы трое по настоящему привлечете к себе внимание Паннионского Провидца. Командир, сколько дней пути до Капастана?

«Можно подумать, что ты сам не знаешь!»

– Четыре, хозяин.

– Скажи, Хетана, тебя и твоих братьев хватит на четыре дня непрерывных сражений? Никто из нас не собирается над вами насмехаться. Мы отлично понимаем ваш гнев. Осквернение священной гробницы предков – тягчайшее оскорбление, и с ним нелегко смириться. Но разве баргастам не присуща военная хитрость? Разве не случалось, что они шли на временный союз с врагами, когда того требовали обстоятельства?

Хетана плюнула и отвернулась:

– Временный союз?.. Ладно, уговорил. Потерпим пока, а там видно будет.

Ворчун пошел к опрокинутой повозке Бошелена. Сам Бошелен и Корбал Брош сидели рядом на корточках. Перед ними лежали скрученные в бараний рог куски колесной оси. В воздухе стоял запах расплавленного металла, словно в кузнице.

– Чиним, как умеем, – пояснил Бошелен. – Скоро закончим.

– Вы говорили, что немертвые охотники обязательно нападут снова. И еще этих тварей по меньшей мере трое. Где они сейчас?

– Не так уж и далеко. Ты не волнуйся, командир. Наш друг-шаман не отстает от охотников. До них меньше лиги, и уверяю тебя, они смогут – если пожелают – покрыть это расстояние за несколько сотен ударов сердца. Времени у нас будет в обрез, но, я надеюсь, его все-таки хватит на то, чтобы подготовиться к обороне.

– А зачем вы вообще едете в Капастан?

Бошелен, видимо, не ожидал такого вопроса. Он поднял голову и внимательно посмотрел на дерзкого собеседника:

– Да просто так, без особой на то причины. Мы с Брошем любим странствовать. Оказавшись на западе Генабакиса, мы тут же устремили свои взоры на восток и решили пересечь континент. Вот и выбрали Капастан, поскольку за ним суша уже кончается.

– Это если двигаться на восток, – возразил Ворчун. – Но ведь можно отправиться и на юг. Правда, южнее Элинггарта начинаются разбойничьи владения. Говорят, якобы у них тоже есть свои города и даже государства. Забыл предупредить: если вы все же захотите там побывать, вам вначале придется пересечь владения Паннионского Пророка.

– Хорошая мысль. Пожалуй, потом мы отправимся на юг.

– Не представляю, как вы будете пробираться через Паннионский Домин.

Бошелен лишь улыбнулся и вновь склонился над кусками оси.

Ворчун сумел-таки наконец поймать взгляд Бьюка и кивком отозвал приятеля в сторону. Тот с явной неохотой подчинился.

– Ну ты и влип, – шепнул ему Ворчун.

Бьюк молчал, но по глазам его было видно, что он и сам это прекрасно понимает.

– Мой тебе совет, дружище: едва мы окажемся в Капастане, немедленно потребуй расчет и скачи прочь во весь опор. Ты не ошибся в своих подозрениях: мне удалось увидеть содержимое сундуков. И не пытайся расправиться с Бошеленом и Брошем. Некроманты не просто убьют тебя, понимаешь? Они и мертвого тебя заставят им служить.

Бьюк улыбнулся так, как улыбаются обреченные люди, знающие, что уже все равно ничего не изменить.

– Думаешь, мы доберемся до Капастана? Нет, приятель. Мы не доживем и до завтрашнего утра. – Он подошел вплотную к командиру стражников и торопливо зашептал: – Ты не поверишь, каким воинством всевозможной нечисти повелевает эта парочка! Такого и по другую сторону врат Худа не увидишь! Духи, демоны... даже не знаю, как и еще назвать. И что? Вся эта рать едва справилась с одним неуспокоенным охотником. А уж когда ему на подмогу подоспели еще двое, нам пришлось улепетывать со всех ног. Всю многочисленную орду, служащую Бошелену, разметало по равнине так, что и кусочков не собрать. Ты никогда не видел, как демонов превращают в месиво? Бошелен с Брошем делают вид, будто ничего особенного не случилось, но ты им не верь. – Бьюк наклонился еще ближе и уже почти дышал собеседнику в лицо, продолжая шептать: – Дружище, они – сумасшедшие. Да, Бошелен с Брошем обладают невероятной силой, но ими правит безумие. Такие ужасы вытворяют, что аж кровь леденеет. Бедняга Манси у них в услужении вот уже три года. Он мне такое порассказал...

Бьюк содрогнулся всем телом.

– Какой еще Манси? А, понял, Эмансипор Риз... Кстати, а куда подевалась его кошка?

Седой стражник хрипло засмеялся:

– Сбежала, как и наши лошади.

– А мы уж решили, что твои хозяева сменили лошадей на волов.

– Нет. Волон они прикупили в одном селении. Сказали, дескать, им так ехать спокойнее. А лошадей у нас оставалось еще около дюжины. Несколько порешили те молодцы. Видел, наверное, их трупы на дороге?.. Так вот, ты про кошку спрашивал. Когда началась заваруха, она так вцепилась Манси в спину, что тот взвыл. Я еле-еле отодрал эту зверюгу. И знаешь, куда она прыгнула? В один из магических Путей!

Бошелену и его молчаливому спутнику удалось починить повозку и вновь поставить ее на колеса. После этого маги скрылись внутри, и путешествие возобновилось. Судя по солнцу, до наступления темноты можно было успеть покрыть еще одну или даже две лиги. Керулий велел двигаться на некотором расстоянии от фургона чародеев. Упрямица Каменная вновь ехала впереди. Кафал и Неток, как и прежде, шли по бокам.

Ворчун отдал свою лошадь напарнице, а сам шагал рядом с Бьюком впереди повозки Керулия. Долгое время оба хранили молчание. Наконец командир стражников не выдержал и, тяжело вздохнув, сказал:

– Ты, конечно, можешь как угодно распоряжаться своей жизнью. Но есть люди, Бьюк, которым очень не хочется видеть тебя мертвым. Они видят, как ты терзаешься, и переживают за тебя...

– Чувство вины – хорошее оружие. Точнее, оно было таковым, да только затупилось и теперь уже больше не ранит меня. Если мне самому все равно, что со мной будет, то с какой стати это должно волновать других?

– Но Каменная, она...

– Она достойна лучшей участи, чем понапрасну тратить на меня силы. Я не нуждаюсь в том, чтобы меня спасали. Так ей и передай.

– Сам скажи, а когда наша красавица заедет кулаком тебе по физиономии, вспомни, что я тебя предупреждал. А я вам не почтальон и уж тем более не передаю посланий, из которых так и прет жалость к собственной персоне.

– Ты меня лучше не зли, Ворчун. А то смотри мигом насквозь проткну – и меч выхватить не успеешь.

– Как приятно будет принять смерть от руки одного из немногих оставшихся друзей. Я, наверное, ошибся. Это не жалость к собственной персоне, а элементарный эгоизм. Раньше я думал, что тебя переклинило на трагической гибели близких. Нет, Бьюк. Тебя заклинило на самом себе. Твоя вина словно море, которое без конца наступает во время прилива, а ты торопишься отгородиться от него. Добавляешь все новые кирпичи в свою дамбу. Стена растет, а ты стоишь себе на парапете и презрительно усмехаешься, глядя на остальной мир.

Бьюк побледнел, и руки у него задрожали.

– Если я... такой, как ты говоришь, то почему ты вообще называешь меня своим другом? «Откровенно говоря, я и сам уже начинаю задаваться этим вопросом».

Набрав полную грудь воздуха, Ворчун кое-как совладал с собой и спокойно ответил:

– Мы с тобой давно знакомы. И никогда раньше у нас не доходило до стычек.

«Да. Мы прежде не ссорились, поскольку во многом были с тобой похожи. Мы оба могли беспробудно пить по нескольку дней... Только вот ты расстался с этой привычкой, а я... я не смог. Но тебе для этого понадобилось потерять всех, кого ты любил. Надеюсь, что со мной ничего подобного не случится. Хвала Худу, что моя ненаглядная вышла замуж за того жирного торговца».

– Давай не будем продолжать этот разговор, Ворчун. Ни к чему нам ссориться напоследок.

«Ох, приятель, а ведь мы с тобой одного поля ягодки. Если ты в этом сомневаешься, то вскоре убедишься в моей правоте».

– Солнце уже почти село, – помолчав, добавил Бьюк. – Эти твари нападают в темноте.

– И как же мы будем от них защищаться?

– Да никак. Это в принципе невозможно. Видел, как колют дрова? Один взмах – и полено разлетается на куски. Вот так немертвые охотники крошили в щепки всех этих демонов и прочих. Только орудовали гораздо быстрее любого дровосека. Поверь, я несколько не преувеличиваю! Так что, Ворчун, всем нам крышка. Рассчитывать на Бошелена и Корбала Броша бесполезно. Видел, как с них пот лил, когда они чинили повозку? У них сил уже вообще не осталось.

– Но Керулий вроде бы тоже маг, – сказал Ворчун. – Правда, он больше похож на жреца.
– Тогда будем надеяться, что его бог вдруг восплает к нам милосердием и придет на помощь.

«Довольно слабая надежда...»

Когда отяжелевшее солнце начало медленно сползать за горизонт, путники остановились на ночлег. Каменная отвела лошадей и волов в наспех устроенный загон. Его соорудили с таким расчетом, чтобы в случае чего животные могли убежать вглубь равнины.

В ожидании ужина, приготовлением которого занимался Харло, в лагере воцарилось подавленное настроение. Керулий и двое магов не показывались из своих экипажей.

Пламя костерка почти не давало дыма. Над его языками вились мотыльки. Ворчун потягивал вино с пряностями и с грустной улыбкой следил за безмозглыми насекомыми, исчезающими в сияющей бездне.

Пока ужинали, совсем стемнело. Звезды над головой заблестели ярче. Когда с трапезой было покончено, Хетана встала:

– Харло, идем со мной. Шевелись давай.

– Ты о чем, красавица? – не понял тот.

Ворчун поперхнулся вином и закашлялся. Каменная деловито принялась постукивать его по спине. Моргая слезящимися глазами, командир стражников улыбнулся напарнику:

– Иди-иди. Сейчас она тебе все объяснит.

Харло в ответ лишь выпучил глаза.

Окончательно потеряв терпение, Хетана молча подошла к парню, схватила его за руку, рывком поставила на ноги и поволокла в темноту.

– Да что вообще происходит? – нахмурилась Каменная, провожая их взглядом.

Оба мужчины упорно молчали. Она сердито посмотрела на Ворчуна, а потом вдруг догадалась сама и аж задохнулась от возмущения:

– Да что эта наглая девица себе позволяет!

– Ну, дорогуша, после того, что было в Сольтане, тебе, пожалуй, не следует так говорить, – засмеялся Ворчун.

– Не смей называть меня дорогушей! А мы что же, будем преспокойно здесь сидеть и слушать все эти стоны, вздохи и прочее? Фу, до чего отвратительно!

– Да ладно тебе. Не будь ханжой! В подобных обстоятельствах все как раз очень даже понятно...

– Ты меня не понял, дурень! Кого она выбрала? Харло! Боги милосердные, меня прямо аж блевать тянет! Ну почему Харло?! Я еще понимаю, если бы она предпочла тебя или Бьюка. Но Харло! Эту волосатую обезьяну!

– У него большие руки, – с некоторым смущением пояснил Ворчун. – Так Хетана сказала... прошлой ночью.

– Ага! Так ты был с нею вчера? Да? С этой необузданной дикаркой, от которой разит прогорклым жиром? По твоей самодовольной роже вижу, что угадала. Меня не обманешь.

– А ты заметила, сколько в Хетане страсти? Какой мужик откажется от такого подарка?

– Замечательно! – процедила Каменная и встала. – Бьюк, подымайся!

Седой стражник аж отпрянул:

– Нет, я не могу... Не могу. Прости, Каменная.

Издав нечто вроде рычания, женщина подошла к молчаливым баргастам.

– Возьми Нетока, – посоветовал ей Кафал. – Он еще ни разу...

– Вставай, парень! – приказала она Нетоку.

Тот нерешительно поднялся.

– У него тоже большие руки, – заметил Ворчун.

– Заткнись!

– Только идите в противоположную сторону. А то вдруг ненароком наткнетесь на...

– Вот тут ты прав. Чего встал, Неток? Пошли.

Они скрылись в темноте. Юный баргаст напоминал щенка, которого волокли на поводке.

– Ну и дурак ты, – сказал Ворчун Бьюку.

Бьюк в ответ лишь молча покачал головой, продолжая глядеть на огонь.

Эмансипор Риз потянулся к латунному кувшину с терпким вином.

– Еще бы пару ночек, и, глядишь, очередь дошла бы и до меня тоже, – пробормотал он. –

Вот вечно мне не везет.

Ворчун сперва непонимающе уставился на старика, а затем ухмыльнулся:

– Мы ведь пока живы. Кто знает, может, Опонны еще тебе и улыбнутся.

– Неплохо бы для разнообразия, – проворчал Риз.

– Слушай, а как тебя вообще угораздило связаться с этими вот... с хозяевами твоими?

– О, это целая история, – ответил кривоногий возница, потягивая вино. – Слишком долго рассказывать. Дело в том, что моя жена... В общем, они предупредили, что придется много путешествовать...

– Ты хочешь сказать, что выбрал меньшее из двух зол и свалил от супружницы?

– Боги упасите, господин!

– Ага, а теперь жалеешь, что поступил к ним на службу?

– Этого я тоже не говорил, – буркнул в ответ старик.

Внезапно из темноты послышался протяжный звук, заставивший всех вздрогнуть.

– Интересно, это кто же из наших любовничков так разоряется? – почесал в затылке

Ворчун.

– Они тут ни при чем, – возразил Риз. – Это моя кошка объявилась.

Почти сразу же из повозки показался черный силуэт Бошелена.

– Вот и наша дозорная возвращается... и весьма поспешно. Предлагаю позвать всех остальных и приготовить оружие. Позвольте дать вам совет, какой тактики лучше придерживаться: постарайтесь перерезать мертвым охотникам сухожилия. И пригибайтесь как можно ниже к земле: эти твари предпочитают наносить удары горизонтально – вдоль, а не поперек. Эмансипор, надеюсь, ты к нам присоединишься. А ты, командир, предупреди своего хозяина. Впрочем, думаю, он и так уже знает.

Ворчун встал, чувствуя, как холод сковал все его тело.

– Никак нам придется биться с ними в темноте?

– Ну, зачем же в темноте? – натянуто улыбнулся Бошелен. – Корбал, будь так любезен, освети нам пространство.

Вспыхнул мягкий золотистый свет. Над этой частью равнины временно наступил день. Кошка мяукнула снова, а потом и сама выпрыгнула из мрака. В золотистом круге появились Хетана и Харло; оба торопливо застегивали на себе одежду. С другой стороны подошли Каменная с Нетоком. Ворчун выдавил из себя улыбку.

– Что, небось, не успели? – спросил он Каменную.

– Будь снисходителен. У парня это все-таки первая попытка. Он очень старался.

– Понимаю.

– А времени нам действительно не хватило, – с явным сожалением добавила стражница, надевая кольчужные перчатки. – Ох и прыткий мальчишка, хотя воняет от него будь здоров.

Баргасты собрались вместе. Кафал воткнул в жесткую землю копьё, а Хетана принялась связывать себя и братьев толстой веревкой. Веревка была необычная, с узелками и многочисленными амулетами. Ворчун прикинул, что расстояние между воинами составит около пяти или шести сажень. Когда Хетана закончила, Неток раздал всем обоюдоострые метательные топоры. Баргасты сложили их у ног, а затем, взяв каждый по копьё, затянули какую-то заунывную песню и принялись раскачиваться туда-сюда.

– Эй, командир!

Ворчун и не заметил, как к ним подошел Керулий. Хозяин стоял, держа руки на бедрах. Черный шелковый плащ переливался, как водная гладь.

– К сожалению, мои возможности защитить вас ограничены. Вы, все трое, держитесь рядышком. Ни в коем случае не позволяйте увлечь себя вперед. Сосредоточьтесь на обороне.

Ворчун кивнул, вынимая сабли. Харло встал по левую руку от него, опираясь на свой внушительный меч. Каменная заняла место справа, приготовив шпагу и кинжал.

Ворчун посмотрел на ее оружие и лишь головой покачал. Ему сразу вспомнились гигантские дыры, пробитые в боку повозки Бошелена.

– Отойди на шаг назад, – велел он женщине.

– Не глупи.

– Здесь не турнир и не драчка в таверне. Для нежити твои шпага и кинжал – что булавки.

– А это мы еще посмотрим.

– Держись поближе к хозяину. Будешь его защищать. Между прочим, это приказ. Ты меня слышишь?

– Слышу, – нехотя отозвалась Каменная.

– Позвольте спросить, господин, а кто ваш бог? – обратился Ворчун к Керулию. – Сможет ли он нам помочь, если вы его призовете?

– Помочь? – Круглолицый жрец слегка поморщился. – Трудно сказать, командир. Мой бог совсем недавно пробудился после тысячелетий сна. Он один из самых древних.

«Вот только этого нам еще не хватало! Насколько мне известно, люди перестали поклоняться древним богам, поскольку те были слишком жестокими. Представляю, какой окажется эта помощь! Королева Грез, защити нас».

Керулий вынул из ножен тонкий кинжал и вонзил себе в правую ладонь. На траву, к его ногам, закапала кровь. Воздух вдруг стал тяжелым и смрадным, как на скотобойне.

В круге золотистого света возникли странные человечки из прутьев и тряпочек. Он них, будто полоски дыма, исходили волны магической силы. «Откуда они явились? Из развороченного кургана баргастов? Или это тоже – воинство Бошелена?»

Дальнейшие размышления Ворчуна оборвали тяжелые глухие удары, распространявшиеся по земле.

«Может, это паннионская конница? Нет, на лошадиные копыта не похоже. Скорее уж поступь великанов. Кажется, их пятеро. Идут с востока. Торопятся».

Призрачные фигуры появились на освещенном пространстве и тут же исчезли. Глухие удары о землю стали реже.

«Наверное, они окружают нас и нападут с нескольких сторон одновременно».

Заунывное пение баргастов разом оборвалось. Ворчун повернул голову. Все трое глядели на восток, держа наготове копыя. Ноги баргастов тонули в клубах тумана, становящегося все гуще. Еще немного, и Хетана с братьями полностью скроются за его завесой.

Стало пронзительно тихо.

Рукоятки тяжелых сабель сделались скользкими от пота. Сердце громко колотилось. Лицо Ворчуна тоже вспотело, и соленые струйки текли у него по губам и подбородку. Он отчаянно напрягал зрение, силясь хоть что-то разглядеть на границе света и тьмы. Ничего.

«Теперь я знаю, что испытывают солдаты накануне битвы. Да уж, такого никому не пожелаешь. Вроде бы ты стоишь рядом с товарищами. Все чувствуют опасность, но каждый ощущает ее по-своему. И то, что ты касаешься плеча соседа, не избавляет тебя от сознания полного одиночества. Всем страшно. Каждый знает, что может быть убит в первые секунды сражения. Нет, солдатская жизнь точно не по мне».

И тут перед его взором вдруг возникли эти твари: лица приплюснутые, с торчащими изо рта клыками, и совсем бледные, как змеиное брюхо. Немертвые охотники. Они вышли из

темноты и медленно приближались. Их глаза были похожи на бездонные ямы, а рост вдвое превышал человеческий. Головы раскачивались на тонких шеях. В золотистом свете тускло блеснули массивные черные мечи. Клинки словно бы вырастали прямо из запястий чудовищ – кистей рук не было видно, – и Ворчун сразу понял: один удар такого меча легко перерубит ему ногу.

Эти монстры не имели даже самого отдаленного сходства с людьми. Они напоминали громадных ящериц или жутких бескрылых птиц. Их туловища изгибались вперед; противовесом служил длинный, сужающийся к концу хвост. Ворчуна удивили доспехи нежити, которые защищали плечи и грудь, а также выпирающий крестец и ляжки. Остальные части их тел были обнажены. Головы венчали приплюснутые шлемы, прикрывавшие темя и затылок. Спереди у шлемов имелись широкие нащечники; они смыкались над носовой щелью и резко изгибались вперед, создавая дополнительную защиту для лица. Впрочем, разве у ящериц бывают лица?

– Это к'чейн че'малли, – прошептал Керулий. – Охотники К'елль, первопредки всех рас, родные дети великой Матери. Даже древние боги мало что знают о них. Не стану скрывать, командир: мне страшно.

– Почему они остановились? – тоже шепотом спросил Ворчун.

– Видишь облако магии баргастов? К'чейн че'малли никогда прежде с таким не сталкивались: подобное им незнакомо. И их повелителю – тоже.

– Неужели Паннионский Провидец повелевает этими...

Он не договорил. Пятеро охотников К'елль устремились в атаку. Сначала, насколько позволяли шеи монстров, вперед подались их головы. Потом замелькали руки-мечи, превратившись в полупрозрачную дымку. Трое неумерших напали на баргастов, тогда как двое других устремились к Бошелену и Корбалу Брошу.

Охотники К'елль были уже возле самого облака баргастов, когда оттуда вылетели три копья, вонзившись в голову первому нападавшему. Ворчун удивился: голова нежити оказалась пробитой, словно ствол сухого дерева. Магия кочевников вывернула наружу внутренности: темно-серые жилы, кости цвета тусклой бронзы. Шкура к'чейн че'малля вспыхнула, и ее куски полетели в разные стороны. Сам он зашатался и рухнул. Двое его сородичей скрылись за завесой тумана, и оттуда послышался лязг металла.

Бошелен и Корбал Брош встретили нападавших черными мутными волнами своего собственного чародейства. Охотники едва успели сделать пару шагов. Магия густо покрыла их тела и начала пожирать плоть. На коже к'чейн че'маллей множились отвратительные язвы. Но нежить упорно двигалась дальше. Оба некроманта были облачены в длинные кольчуги и держали в руках полоторные мечи, от которых вились струйки дыма.

– Шестой! Сзади! – вдруг крикнул Харло.

Ворчун мгновенно обернулся.

Шестой охотник К'елль, пробравшись сквозь испуганных, отчаянно ржавших лошадей, двигался прямо на Керулия. На его шкуре были нанесены какие-то замысловатые символы, а спину покрывал странный доспех с острыми металлическими шипами.

Ворчун успел толкнуть хозяина. Тот распластался на земле. Помня совет Бошелена, командир стражников пригнулся. Его сабли приняли на себя удар двух громадных клинков нападавшего. Гадробийская сталь глухо зазвенела. Отдача при этом оказалась такой силы, что обе руки Ворчуна мгновенно онемели. Он не почувствовал, а услышал, как хрустнули сломанные кости левого запястья. Сабли, которые он больше не мог удерживать, взлетели в воздух и, кувыркаясь, упали. Второй удар нежити должен был разрубить Ворчуна пополам, но Харло сумел вовремя подставить свой двуручный меч. Оба клинка – и его собственный, и нападавшего – одновременно треснули и переломились. Харло отполз в сторону. Все лицо и грудь были у него в крови от многочисленных железных осколков.

Трехпалая когтистая нога подцепила Ворчуна и подкинула его вверх. Командир стражников пролетел совсем немного, ударившись о челюсть к'чейн че'малля. Ворчун с ужасом подумал, что у него сейчас лопнет череп. Но вместо этого голова нападавшего откинулась назад с каким-то странным звуком, похожим на хруст сломанных шейных позвонков.

Ворчун упал, теперь уже ударившись о твердую землю. Охотник К'елль немедленно придавил его всей тяжестью своей лапы. Когти пропоролы доспехи и вонзились стражнику в тело. Потом Ворчун ощутил, что нежить волочет его по земле. Трещали ребра; неумолимая сила тащила его по пыли и острым камням. Смятые пряжки и застежки доспехов бороздили почву. Ворчун закрыл глаза. Он чувствовал, как проклятые когти все глубже вгрызаются в плоть. Бедняга закашлялся, и рот его наполнился пеной кровью.

И вдруг когти вздрогнули, как будто кто-то с силой ударил к'чейн че'малля. За первым ударом последовал второй, третий. Когти сомкнулись. Командира стражников снова подбросило в воздух. Потом он упал, покатился по земле и, наконец, замер, натолкнувшись на спицы сломанного колеса повозки.

Ворчун чувствовал, что умирает. Вернее, он *знал*, что умирает. А потому заставил себя открыть глаза, чтобы в последний раз взглянуть на этот мир – на что угодно, лишь бы отогнать непреодолимое чувство бесконечной тоски, охватившее его.

«Почему я не умер мгновенно? Внезапно? Отчего все происходит так медленно и постепенно? Боги, даже боль стихла – почему же не гаснет сознание? Ну не жестоко ли так терзать меня? Зачем эта последняя пытка? Я и так знаю, куда отправлюсь».

Он услышал чей-то отчаянный вопль – предсмертный, такой ни с чем не перепутаешь.

«Ты кричишь, выплескивая свое нежелание прощаться с жизнью, ужас и гнев. Ты кричишь в лицо смерти, а она все ближе и ближе. Она вот-вот заберет тебя, но ты продолжаешь сотрясать окружающий мир своим воплем...»

Потом крики смолкли, и теперь единственным звуком, который слышал командир стражников, был прерывистый стук его собственного сердца.

Ворчун лежал с открытыми глазами, но ничего не видел. Либо магический свет Корбала Броша потух, либо зрение успело отказать ему.

И вот уже сердце начинает стучать с перебоями. Оно бьется все медленнее, затихает, как цокот копыт бледного коня, который мчит по дороге прочь: все дальше, дальше и дальше...

Книга вторая. Очаг

Сейчас, когда жизнь моя уже близится к закату, я частенько оглядываюсь назад, и меня словно бы окутывает полуночная тьма. Смерть тех, кого я любил и о ком заботился, полностью изгнала мысли о былых победах и славе. И сознание того, что сам я избежал многих превратностей судьбы, давно уже меня не радует.

Знаю, друзья, что вы частенько видите меня: морищинистое лицо, потухший взор, шаркающая походка немолодого человека, который с превеликим трудом бредет по холодным камням вдоль череды минувших лет. Я делаю последние шаги в этом мире, закутавшись в темный плащ воспоминаний, довлеющих над любым стариком...

Йорум Капастанский. Путь, что лежит пред тобою

Глава седьмая

*Когда Вепрь Лета по полю несется,
Копытами дробь отбивая,
А Лес Железный встает
На неотвратимую битву,
Все мы снова – дети его.*

Дестриант Деллем(годы жизни неизвестны). Тайный орден Фэнера

Рожденный на морских просторах, чьи темные воды напоминали вино с добавленными в него пряностями, ветер со стоном врвался в пределы суши. Он снова и снова облетал невысокий холм, на котором стояла Восточная башня, и дул в щели разошедшихся ставен, откуда навстречу ему пробивался тусклый свет факелов. Возле шербатых городских стен завывания ветра становились еще пронзительнее. На гладкие камни, которые давно уже ничто не скрепляло, летели соленые брызги. А ночной бриз уже поднимался к парапетам, свистел сквозь мерлоны, дул вдоль узких проходов и, наконец, обрушивался на кривые улочки Капастана, где в этот час не было ни души.

Карнадас в одиночестве стоял на парапете угловой башни, нависавшей над старинными строениями казарм, и вглядывался во мрак. Его плащ, отороченный мехом вепря, развевался на ветру, сминался в складки и ударял по телу. Хотя бойницы башни выходили на юго-восток, с того места, где сейчас находился Карнадас, ему был хорошо виден мужчина, спешивший по северному отрезку стены. Этого человека он с нетерпением дожидался. Но пока их разделяло еще полтысячи шагов, не меньше.

Мрачный, похожий на утес дворец принца Джеларкана резко отличался от всех прочих городских строений. Дворец этот, не имевший окон, издали казался хаотическим скопищем фасадов, выступов, скатов и бессмысленных с виду навесов карнизов. Он заметно возвышался над окружавшей его прибрежной стеной. Карнадас мысленно представил себе осаду Капастана: обстрел резиденции правителя из катапульт, пробитые булыжниками бреши в стенах и, наконец, груды развалин.

«Недостойно так думать. Где же твои утешительные знания о круговороте исторических событий, о том, что времена войны и мира чередуются подобно приливам и отливам? Мир – это лишь время ожидания войны и приготовлений к ней... или же время печальных заблуждений, попыток убедить себя, будто бы войны более не повторятся, пора прекраснодушной болтовни и пустопорожних разговоров».

Сейчас во дворце его соратник, смертный меч Брухалиан, был вынужден, увязая в трясине очередных переговоров, беседовать с принцем Джеларканом и полудюжиной изворотливых болтунов из Совета масок. Карнадаса неизменно поражало, с каким необычайным терпением командир «Серых мечей» выдерживал эти затяжные, изматывающие словопрения.

«Я бы не вынес всех этих танцев в паутине. Подобное повторяется почти каждую ночь, и так уже несколько недель кряду. Удивительно, как среди всей этой цветистой брехни, бесконечного переливания из пустого в порожнее, принц Джеларкан и смертный меч еще ухитряются продвигать свои предложения! Представляю, каково им приходится, когда эти придурки в масках без конца чешут языками и потрясают списками глупейших жалоб и возражений. Чванливые болваны! Поздно возражать: мы уже сделали все, что в наших силах, дабы спасти ваш паршивый город».

Перед внутренним взором Карнадаса встала тщательно раскрашенная, гибкая маска одного из жрецов, заседавших в Совете. Этого человека их отряд вроде бы должен был считать союзником, ибо Рат'Фэнер выступал как выразитель воли Фэнера – Вепря Лета, являвшегося богом-покровителем «Серых мечей».

«Но тебя, жрец, как и всех твоих соперников по Совету, обуревают собственные честолюбивые замыслы. Твои коленапреклоненные позы перед окровавленными клыками Фэнера... Неужели ты думаешь, что мы поверим в подобную ложь?»

Очередное завывание ветра стало единственным ответом на безмолвный вопрос Карнадаса. Вдали, над бухтой, молния врезалась в скопление облаков. Рат'Фэнер занимал в храмовой иерархии достаточно высокое положение, имея сан владыки скипетра. Он был весьма искушен во всех явных и тайных пружинах этого механизма и сумел очень многого добиться.

«Да только вот Вепрю Лета ровным счетом наплевать на вашу иерархию, на все эти роскошные мантии с застежками из слоновой кости, на ваше показное величие, пустые речи и вечную грызню за власть... Впрочем, я не имею права ставить под сомнение веру Рат'Фэнера. Он служит нашему богу, но по-своему».

Вепрь Лета издавна считался глашатаем войны. Темным и ужасным, древним, как само человечество. Он всегда незримо присутствовал там, где звучала песня битвы: крики умирающих, призывы к отмщению, режущий уши лязг оружия, звон щитов и свист стрел...

«И не мы тому виной, что вскоре голос Фэнера превратится в яростное рычание. Сейчас не время прятаться за стенами храмов и плести интриги. Мы служим Вепрю Лета, идя по дымящейся земле, мокрой от крови. Наши мечи быстры, как ртуть. Скоро все услышат его глас, и тщетны будут любые попытки заткнуть уши...»

Рат'Фэнер был не единственным в Капастане служителем этого бога, достигшим сана владыки скипетра. Он страстно мечтал облачиться в мантию из меха вепря и занять давно пустующее место дестрианта, даже и не подозревая, что Карнадас уже являлся дестриантом.

«А ведь я мог бы легко поставить Рат'Фэнера на место, открыв ему свой истинный титул. Да что там, я мог бы вообще прогнать его. Чванливый придурок вполне этого заслуживает».

Но Брухалиан строго-настрого запретил ему делать подобный опрометчивый шаг, а смертного меча не переспоришь. И пробовать нечего. Тот наверняка скажет, что время еще не пришло и можно здорово продешевить. «Терпение, Карнадас, твой звездный час обязательно настанет...»

До чего же трудно порою находиться среди напыщенных болтунов, даже не смея хотя бы их одернуть!

– Что, славная выдалась ночь, дестриант?

– Это ты, Итковиан? Такая темень, что я и не заметил, как ты подошел. И давно ты здесь стоишь, несокрушимый щит?

«Давно смотришь на меня своим привычным холодным взглядом? Угрюмый Итковиан, ты хотя бы раз отважишься показать свою истинную суть? Твое лицо и днем-то непроницаемо, а уж сейчас тем более. Интересно, ты догадался, что я следил за твоим приближением?»

– Я только что подошел, дестриант.

– Бессонница замучила?

– Да нет. Вообще-то, я славно выспался, пора и делом заняться.

Серый плащ несокрушимого щита от дождя стал почти черным. Ветер трепал его полы, обнажая голубоватую кольчугу. На руках Итковиана были латные рукавицы с плотно прилегающими манжетами.

– А я и не заметил, что рассвет уже близок, – кивнул Карнадас. – Ну что, собираешься за пределы города? Как думаешь, сколько продлится эта ваша прогулка?

Итковиан пожал плечами:

– Смотря что встретится нам по дороге. Эти умники из Совета масок вынуждают нас ограничиться двумя отрядами. Но если вдруг попадется дичь покрупнее вражеских дозорных, тогда у нас появится основание нанести первые удары по Паннионскому Домину.

– Наконец-то, – ответил дестриант, морщась от очередного порыва ветра.

Они помолчали.

– Скажи, несокрушимый щит, что подняло тебя в такую рань и выгнало наружу? Думаю, ты искал меня не затем, чтобы пожелать доброго утра.

– Смертный меч вернулся с ночного собрания и желает поговорить с тобой.

– И он терпеливо сидит и ждет, пока мы тут с тобой болтаем о том о сем?

– Я полагаю, что да, дестриант. Ему не остается ничего иного.

Оба «Серых меча» прошли к винтовой лестнице и, осторожно ступая, начали спускаться по склизким ступенькам. Вода ручейками стекала по замшелым стенам. Через три этажа стало чуть светлее. Лучики света тянулись из приоткрытых дверей казармы. До того как в ней обосновались «Серые мечи», старинное здание почти сто лет пустовало. Возрастом своим казарма превосходила многие основные строения Капастана, включая и Даруджийскую крепость, ныне переименованную в Невольничью (там теперь заседал Совет масок). Древнее ее был только дворец принца Джеларкана.

«А дворец сей явно строили нечеловеческие руки. Готов в этом поклясться щетиной Фэнера».

Итковиан толкнул скрипучую дверь, ведущую прямо в центральный Круглый зал...

В громадном, скудно обставленном помещении не было никого, кроме смертного меча Брухалиана. Он застыл перед очагом. Невзирая на внушительный рост и крепкое телосложение, Брухалиан казался сейчас чуть ли не призраком. Смертный меч стоял спиной к вошедшим; его черные волосы, длинные и выющиеся, были распущены и свисали почти до широкого ремня на поясе.

– Рат’Трейд утверждает, будто бы на равнине к западу от города появились незванные гости, – не поворачиваясь, сказал Брухалиан. – И якобы это не дозорные Паннионского Домина, а демоны.

Карнадас расстегнул плащ, стряхнул с него воду.

– Рат’Трейд? Признаться, что-то я не понимаю внезапных претензий Тигра Лета на божественность. Если бы для этого имелись основания, то почитание Первого Героя давно бы уже утвердилось в храмах. А так, жалкие потуги...

Брухалиан не спеша повернулся к дестрианту, внимательно глядя на него своими светлыми глазами:

– Недостойное соперничество. Летом звучит боевой клич не только одного Фэнера. Думаю, ты не станешь этого отрицать. Есть и другие, не менее звучные голоса. Или ты отважишься спорить со свирепыми духами баргастов и рхиви?

– Первые Герои – еще не боги, – пробурчал Карнадас, растирая замерзшее лицо. – Они ведь даже не достигли положения племенных духов... И как, другие жрецы согласились с утверждением Рат’Трейдка?

– Нет.

– Так я и думал.

– Они сомневаются даже в намерениях Паннионского Домина осадить Капастан, – добавил Брухалиан.

Дестриант прикусил язык.

«Я понял твой намек, смертный меч».

Брухалиан перевел глаза на Итковиана:

– Твои бойцы готовы, несокрушимый щит?

– Так точно, готовы.

– Тебе не кажется, что довольно глупо пропускать мимо ушей подобные предостережения? – спросил Брухалиан. – Я бы посоветовал всем, кто отправляется сегодня в дозор, помнить о них.

– Я внимательно прислушиваюсь к любым предостережениям. Обещаю, нынче мы будем бдительны вдвойне, – заверил его Итковиан.

– Не сомневаюсь, несокрушимый щит. Ладно, можешь приступать к исполнению своих обязанностей. Иди, и да хранят вас клыки Фэнера.

Итковиан поклонился и вышел.

– Ну что, дорогой жрец? Ты доверяешь этому... приглашению?

Карнадас покачал головой:

– Отнюдь. Я ничего не знаю об отправителе: остается загадкой, что этот человек собой представляет и какими намерениями руководствовался. Он в равной степени может оказаться как союзником, так и врагом.

– Однако ответить в любом случае надо?

– Да, смертный меч.

– Так не станем мешкать и сделаем это прямо сейчас.

Глаза Карнадаса слегка округлились.

– Может, на всякий случай позвать еще кого-нибудь? Вдруг мы впускаем в свои пределы врага?

– Не забывай, дестриант: я являюсь оружием Фэнера.

«Так-то оно так, да вот только хватит ли твоих сил?»

– Как скажешь, смертный меч.

Карнадас вышел на середину Круглого зала. Он закатал промокшие рукава рубашки, затем левой рукой начертил в воздухе особый знак. Напротив жреца возник переливчатый светящийся шарик.

– Приглашение составлено на нашем наречии, – сказал Карнадас, вглядываясь в поверхность шарика. – Отправитель явно знаком с языком Тайного ордена Фэнера.

– Это настораживает. Не кроется ли тут какого подвоха?

На обветренном лице дестрианта появилось хмурое выражение.

– Полагаю, вариантов тут немного. Одно из двух: либо некто затеял с нами дерзкую и наглую игру, либо этот человек и впрямь как-то связан с нашим братством.

– Открой приглашение.

– Слушаюсь.

Карнадас опять взмахнул левой рукой. Шарик засветился ярче, потом начал увеличиваться в размерах и бледнеть. Его стенки становились все более прозрачными. Дестриант отступил на шаг, стараясь не показывать свою тревогу, ибо от послания исходила просто невероятная сила.

– Ну и дела, смертный меч. Там, внутри, заключены души. Их не две и не три... Дюжина, если не больше. И все они помещены в одну душу. Такого я еще не видел.

Внутри шара появился темнокожий человек в легких кожаных доспехах. Он сидел, скрестив ноги, в небольшом шатре. Лицо мужчины выражало некоторое удивление. Перед незнакомцем стояла жаровня, угли которой добавляли блеска его темным глазам.

– Заговори с ним, – велел Брухалиан.

– На каком языке? На нашем родном элинском?

Услышав их негромкую беседу, незнакомец с любопытством вскинул голову.

– Какой чудной диалект, – сказал он по-даруджийски, – явно какая-то разновидность дару. Вы меня понимаете?

Карнадас кивнул:

– Да. Твой язык близок к капанскому.

– К капанскому? Значит, я попал по назначению! Стало быть, вы находитесь в Капастане. И кто вы? Правители города?

Дестриант нахмурился:

– Неужели ты нас не знаешь? Судя по твоему посланию, ты знаком с... особенностями нашего сообщества.

– Да, конечно. Видите ли, мой магический Путь чем-то похож на зеркало. Он отражает всех, кто случайно в него заглядывает. Но только жрецы знают, куда они смотрятся. Скорее всего, вы из капастанского храмового сообщества. Кажется, оно называется Совет масок, да? Я не ошибся?

– Нет, мы не из Совета масок, – довольно сердито отозвался Брухалиан.

– Вот как? Продолжайте, пожалуйста. Я просто не знаю, что и думать. Ну и загадка!

– Тогда слушай внимательно, – произнес смертный меч, приближаясь к изображению незнакомца. – Я попросил ответить на твое приглашение дестрианта Карнадаса. Он стоит рядом со мной. Я – командир отряда «Серых мечей».

– Наемники? Ну и встреча, Худ меня побери! Никак не думал, что натолкнусь на рубак, которым принц платит непомерное жалованье.

– Послушай, господин, – тихо, но твердо ответил ему Брухалиан. – Мы могли бы и обидеться на столь поспешное умозаключение, но полагаем, что твоими устами говорит невежество... Мы – армия Вепря Лета, присягнувшая на верность Фэнеру. Наши воины воспитываются на священных текстах и получают благословение от руки дестрианта. Внешне мы и впрямь можем казаться... таким сборищем рубак, падких на деньги. Но у нас есть также и свой собственный храм. Число приверженцев Фэнера уже превышает семь тысяч, и их с каждым днем становится все больше.

– Ага, теперь понятно, – нетерпеливо перебил его темнокожий собеседник. – Ваши ряды растут. Неужели городские власти позволили вам вербовать новых последователей?

Брухалиан улыбнулся:

– Капастан вооружен лишь наполовину. Вдобавок здесь сохраняются весьма странные обычаи, отголоски племенного уклада жизни. Женщинам не позволено обучаться воинскому ремеслу. Но Вепрь Лета не признаёт подобных предрассудков.

– И вы помогаете городу избавляться от пережитков старины? – засмеялся незнакомец.

– Сегодня в наших рядах тысяча двести новых приверженцев. Среди них немало представительниц слабого пола. В капастанских семьях младших дочерей зачастую ожидает весьма незавидная участь: их просто-напросто выбрасывают на улицу, и несчастным остается лишь торговать собой. Мы предлагаем этим молодым женщинам более достойное ремесло. А городские власти даже не замечают, что шлюх становится меньше... Полагаю, для начала ты услышал достаточно. Мы честно рассказали тебе про себя. А теперь хотим узнать, кто ты такой.

– Простите, что не представился раньше. Я Бен Адаэфон Делат, более известный как Быстрый Бен.

– Ты, наверное, из Даруджистана? – предположил Карнадас.

– Ничего подобного! Я... хм... соратник Каладана Бруда.

– Мы слышали это имя, – сказал Брухалиан. – Он сражался против войск одной могущественной империи, вторгшейся на континент.

– Да, раньше так оно и было. Но сейчас у той империи... другие интересы. Мы хотим через вас передать послание правителям Капастана.

– Это не так-то просто, – вырвалось у Карнадаса.

Смертный меч кивнул, подтверждая его слова:

– Тебе придется выбирать, к кому обращаться. Городом в равной степени управляют принц Джеларкан и Совет масок. Кроме того, в Совете нет единодушия: там множество фракций, каждая гнет свою линию, отчего со жрецами бывает очень трудно договориться. «Серые мечи» подчиняются принцу. Наша задача проста: сделать так, чтобы на Капастане Паннионский Домин обломал себе зубы. Мы постараемся не пустить Провидца дальше. Так что, если хочешь, можешь передать нам послание своего полководца, а мы расскажем о нем Джеларкану. Если же тебя это не устраивает, попробуй связаться с Советом масок.

– Я подозревал, что все окажется не так-то просто, – вздохнул Быстрый Бен. – Но о вашей армии мы вообще ничего не знаем. Вернее, почти ничего. Беседуя с вами, я уже кое-что выяснил.

Его глаза остановились на Карнадасе.

– Дестриант, стало быть. Верховный жрец Тайного ордена Фэнера, если не ошибаюсь? Только храмом твоим является поле битвы. Интересно, а тот, кто считается в Совете масок голосом Фэнера, в курсе, что ты превосходишь его по сану, ну, примерно как тигр – кошку?

Карнадас поморщился:

– Нет, он не осведомлен о моем истинном титуле, и на то есть свои причины. Но меня удивляет, насколько хорошо ты знаешь иерархию нашего братства... Пожалуй, «удивляет» – это еще мягко сказано; я просто ошеломлен.

Быстрый Бен вздрогнул.

– Да ну? Что ж, спасибо – Он повернулся к Брухалиану. – А ты, получается, смертный меч бога? – И замолчал, как будто только сейчас в полной мере осознал все значение этого титула. Глаза чужестранца расширились. – Думаю, Воевода поддержит мое предложение передать послание через вас. Я даже не сомневаюсь, что именно такое решение он и примет. – Чародей немного помедлил, а затем произнес: – Каладан Бруд придет на помощь Капастану. Осада города... поймите меня правильно... она не только неизбежна. Она может начаться уже совсем скоро. Теперь для нас самое главное – вовремя к вам добраться.

– Скажи, господин, – хмуро перебил его Брухалиан, – а какова численность армии Каладана Бруда? Передай своему командиру: возможно, нам придется противостоять шестидесятитысячному войску паннионцев. И не какому-нибудь сброду, а опытным, закаленным в боях солдатам. Понимает ли ваш полководец, в какую пучину он ввергает своих людей, столь щедро предлагая нам поддержку?

– Пока что мы уступаем паннионцам в численности, – улыбнулся Быстрый Бен. – Но у нас найдется чем их удивить... А теперь, дестриант, нам придется на время расстаться. Я должен доложить обо всем Воеводе и его офицерам. Мы можем вновь встретиться через пару часов?

– Лучше будет отложить нашу встречу до следующей ночи, – ответил Брухалиан. – Днем я обычно занят и окружен множеством людей. Как и принц Джеларкан, – добавил он.

Собеседник понимающе кивнул:

– В таком случае – за два колокола до рассвета. – Он вдруг огляделся по сторонам. – Мне понадобится шатер попросторнее...

Еще через мгновение Быстрый Бен исчез. Большая сфера вновь превратилась в шарик, который по знаку Карнадаса растворился в воздухе.

– Вот так сюрприз, – промолвил дестриант, поворачиваясь к Брухалиану.

– Следует убедить Джеларкана, чтобы понапрасну не обольщался на их счет, – угрюмо заметил смертный меч. – Быть может, армия Каладана Бруда и сумеет немного отвлечь противника, но это мало повлияет на исход осады. Словом, нужно постараться, чтобы принц не начал питать ложные надежды... если, конечно, мы вообще расскажем ему об этой беседе.

«Нам ни за что не победить паннионцев. Чуда не произойдет».

– А что ты думаешь про этого Быстрого Бена? – спросил он Карнадаса.

– Очень скрытный человек. Возможно, бывший жрец Фэнера. Его знания никак не назовешь поверхностными.

– Много душ заключены внутри одной. Так ты сказал?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.